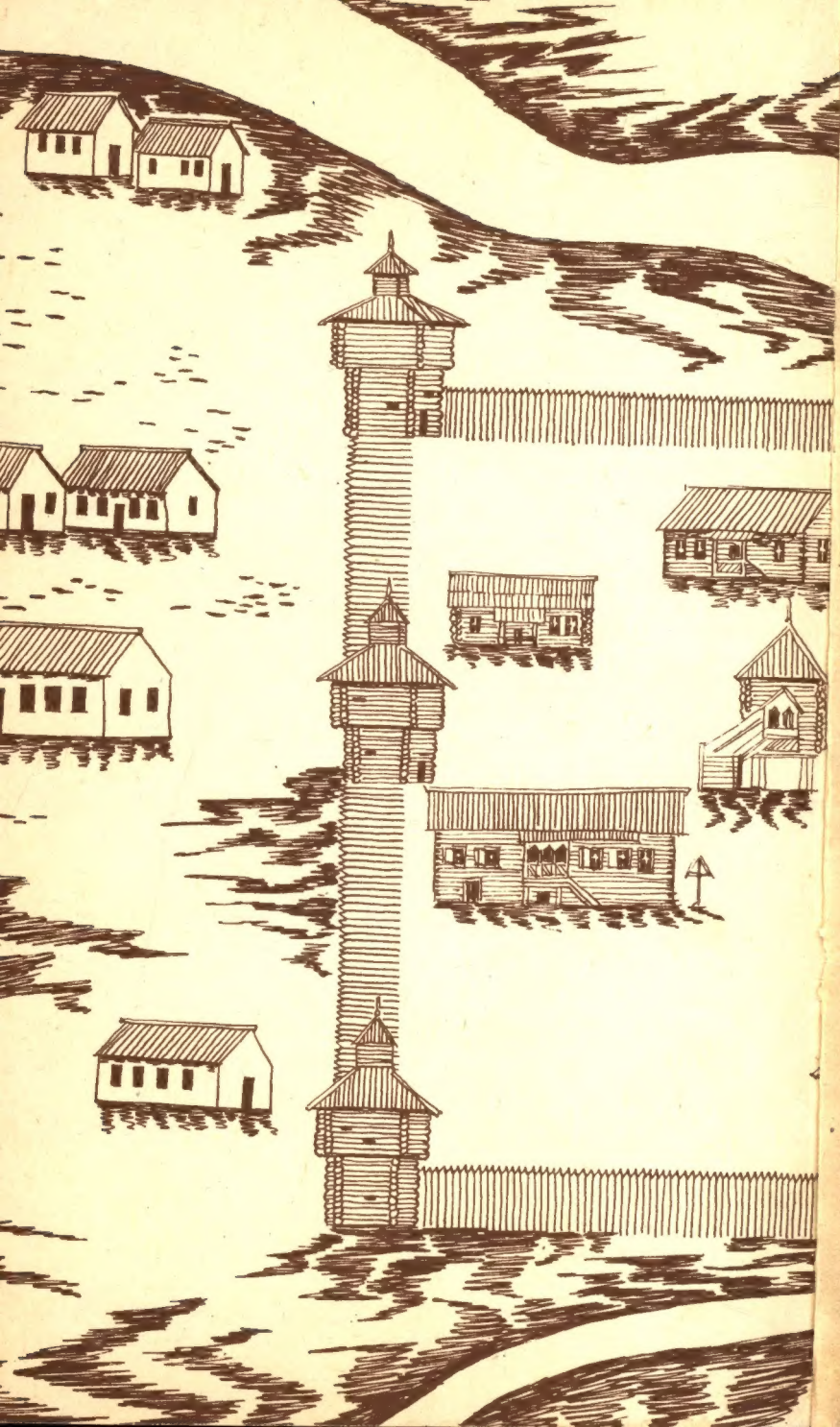

Н. А. Миненко
ПО СТАРОМУ
МОСКОВСКОМУ
ТРАКТУ

Н. А. МИНЕНКО

ПО СТАРОМУ
МОСКОВСКОМУ
ТРАКТУ

*О первых русских поселениях
на территории Новосибирской области*

НОВОСИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1986

Рецензент Л. М. РУСАКОВА,
к. и. н., старший научный сотрудник
ИИФиФ СО АН СССР

Автор книги — доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета — в популярной форме рассказывает об освоении русскими территории Новосибирской области, о возникновении первых острогов и деревень, о формировании постоянного населения и особенностях его жизни и быта.

Адресована историкам, пропагандистам, краоведам, студентам, школьникам и всем, кто интересуется историей своего края.

ОТ АВТОРА

«Без корня и полынь не растет» — утверждает народная мудрость. Наши корни — в деяниях наших предков, пахарей и воинов, бунтарей и мучеников, землепроходцев, тех, кто своим трудом и борьбой дал нам Родину.

Счастлив, надежен и крепок человек, который знает и бережет свои корни, которому присуще чувство близости даже к самому отдаленному прошлому своего народа. Знание прошлого обогащает человека, воспитывает его эстетически и нравственно; помогает осмыслить проблемы сегодняшнего дня.

Любовь к Родине неотделима от любви к ее многострадальной и героической истории. М. И. Калинин говорил: «Проповедь советского патриотизма не может быть оторванной, не связанной корнями с прошлой историей нашего народа. Она должна быть наполнена патриотической гордостью за деяния своего народа. Ведь советский патриотизм является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа... Значит, советский патриотизм берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса; он впитывает в себя все лучшее, созданное народом, и считает величайшей честью беречь все его достижения».

Одним из тех славных дел, которыми может и должен гордиться каждый русский, явилось освоение Сибири — огромного, необжитого и неустроенного к приходу Ермака и его дружинников края. На свой страх и риск, готовые к любым трудностям, воодушевляемые надеждой отыскать в неведомых землях желанную «волю», ринулись за Урал после разгрома Ермаком Сибирского ханства — последнего оплота золотоордынцев — тысячи смельчаков с Русского Севера. Из Великого Устюга и Новгорода, Тотьмы и Вологды, Сольвычегодска и Архангельска шли в Сибирь пашенные и

мастеровые люди, распахивали целину, корчевали под поде тайгу, застраивали пустынные места крепкими рублеными избами, растили детей, сеяли и собирали хлеб, приучали к сохе и топору отставшие в своем развитии местные народы. Они закладывали основы «азиатской России». И нам, поколению, на глазах которого происходит стремительное преобразование Сибири социалистической, надо знать, надо помнить о подвиге перепроходцев.

В предлагаемой книге как раз и рассказывается о начальных шагах освоения русскими территории нынешней Новосибирской области: о строительстве первых острогов и деревень, складывании постоянного земледельческого населения, особенностях его жизни и быта. Большое значение для освоения края имело проведение около 200 лет тому назад так называемого Московского тракта, соединившего Сибирь с Европейской Россией. Именно вблизи тракта, в тех местах, которые были относительно безопасны от нападения воинственных соседей-степняков, вырастали первоначально деревни, и, в частности, деревня Анисимова, на месте которой впоследствии возник Чаусский острог (нынешняя Колывань). И в дальнейшем важную роль играло то обстоятельство, что по территории области проходил главный сибирский тракт, пересекавшийся здесь с крупнейшей водной магистралью — р. Обью. Это определило название книги. Хронологически она ограничена рамками феодальной формации — со времени похода Ермака до середины XIX века. Дело в том, что со второй половины XIX века, со времени отмены крепостного права, в стране происходят коренные изменения и в классовой структуре общества, и в экономике, и в колонизационных процессах — начинается, в частности, новый этап в освоении восточных окраин, в том числе и современной территории Новосибирской области.

История области пока изучена слабо. Несколько лучше дело обстоит с древнейшим периодом. Имеется даже специальная монография «Археологическая карта Новосибирской области» (Новосибирск, Наука, 1980), написанная Т. Н. Троицкой, В. И. Молодиным и В. И. Соболевым. Что же касается конца XVII — первой половины XIX века, — времени, когда русская колонизация края делала первые шаги, то здесь можно назвать лишь отдельные статьи, авторами которых явля-

ются ученые-сибиреведы: М. М. Громыко, Ю. С. Булыгин, Н. Ф. Емельянов, И. В. Побережников и др. Небольшие разделы по этой тематике можно найти в общих работах: Зобнин Н. М. Приписные крестьяне на Алтае.— В кн.: Алтайский сборник, вып. 1. Томск, 1894; Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края. Томск, 1898; Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965; она же. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старобрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Булыгин Ю. С. Первые русские крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974; Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981; он же. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Ч. 1. Томск, 1980; ч. 2. Томск, 1982 и др.

Основу данной книги составили разнообразные документы того периода, выявленные во многих архивах нашей страны: Государственном архиве Новосибирской области (дореволюционные фонды), Центральном государственном архиве древних актов (Москва, фонды Бердского острога, Бийской крепости, Кузнецкой комендантской канцелярии, Сената), Центральном государственном историческом архиве (Ленинград, фонды Синода, Кабинета, Министерства внутренних дел), Ленинградском отделении Архива Академии Наук СССР (фонд Г. Ф. Миллера), Архиве Всесоюзного Географического общества (Ленинград, сибирские разряды), Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области (фонд Тобольской духовной консистории). Пожелтевшие страницы архивных дел помогают «познать» «мудрые заповеди старины, тысячелетнего опыта, красоты и нравственных сил» (академик Д. С. Лихачев).

Н. А. МИНЕНКО,
доктор исторических наук, профессор НГУ

Под «высокую руку» Москвы

РАЗГРОМ ХАНСТВА КУЧУМА

Освоение русскими Западной Сибири началось долго до ее политического присоединения к Московскому централизованному государству. Уже в XI столетии предприимчивые новгородцы, привлеченные слухами о сказочных пушных богатствах Зауралья, ходили торговать «в Югру» — районы, заселенные ханты и манси. Путь сюда шел реками Сухоной, Вычегдой, Печорой и их притоками, затем через волок переходил на притоки Оби. Пользование им было сопряжено с большими трудностями: пугали обширность и безлюдность пространств, мелководность рек, «великие ветры» на перевале через Уральские горы; немалую часть пути грузы приходилось переносить на руках. Тем не менее движение за Урал постепенно приобретало регулярный характер. По следам отважных промысловиков и торговцев Новгородское государство снаряжает военные экспедиции для сбора дани с жителей Югорской земли. В грамотах XIII века Югра фигурирует в числе волостей, подвластных Великому Новгороду.

После договора 1465 года между Новгородской боярской республикой и московским великим князем походы новгородцев в северное Приобье прекращаются: Москва начинает отправлять за Урал собственные отряды ратных людей. Однако прочного присоединения Югорской земли к России в XV веке не произошло. Необходимые для этого предпосылки сложились только в следующем столетии, когда русские крестьяне и казаки, колонизовав восточные и юго-восточные окраины, подошли вплотную к границам Сибири и основали свои поселения на Урале, Нижней Волге, на Яике. К тому времени войска Ивана Грозного разгромили татарские Казанское и Астраханское ханства. С их падением стал свободен новый, более удобный путь из России в Сибирь — по р. Каме и ее притокам. Ватаги «охочих людей» ринулись по этому пути на поиски богатых «соболиных мест».

Проникновению русских за Урал препятствовало и татарское Сибирское ханство. Дробление государства монголо-татар привело к тому, что в XIV—XV веках в Зауралье образовалось несколько враждовавших между собой ханств, в том числе Сибирское, с центром в городке Кашлык. Первоначально оно занимало земли по среднему течению р. Иртыша и низовьям Тобола, но позднее территория его значительно расширяется — кашлыкские правители силой подчинили себе не только татарское население Западной Сибири, но и ханты, манси, отчасти ненцев.

Сибирское ханство было, однако, непрочным политическим образованием. В нем не прекращалась междоусобная борьба за власть двух династий: местного татарского княжеского рода Тайбугинов и потомков одного из братьев знаменитого Батыя — Шейбани-хана. Падение Казани повлияло на настроения части татарской знати, решившей искать сближения с Москвой. Правивший в Кашлыке хан Едигер из рода Тайбугинов в 1555 году признает вассальную зависимость от России, пообещав платить ежегодную дань пушниной в количестве 1000 соболей. Иван IV направил в Сибирь полномочного посла Д. Непейцына, чтобы «князя Едигера и всю землю Сибирскую к правде привести», а сам прибавил к прежним своим титулам еще один — «всея Сибирския земли повелитель».

Однако зависимость Сибирского ханства не могла быть устойчивой из-за непрочности положения признавшей ее династии. В 1563 году в Кашлыке произошел переворот. При поддержке бухарских правителей власть захватил шейбанид Кучум, сын одного из этих правителей, умертвивший Едигера. Смена династий в ханстве сопровождалась смутой. Пока новый хан был занят внутренними делами, он старался не осложнять отношений с Москвой и даже соглашался продолжать уплату дани в прежнем размере. В 1571 году его посланцы доставили в Москву 1000 соболей. Укрепившись на троне, Кучум прекращает дипломатическую игру в повиновение Ивану IV и вынашивает планы войны с Россией, для чего ищет союза с крымским ханом. Сибирский правитель решил покончить с русским влиянием на территории от Южного Урала до низовий Оби, захватить Пермь.

На восточных рубежах России складывается опас-

ная предвоенная ситуация. Купцы Строгановы, владения которых непосредственно граничили с Сибирским ханством, слали в Москву отчаянные письма с просьбой разрешить им сформировать собственную армию для защиты от беспокойного соседа. Разрешение было получено, и Строгановы пригласили в свои «землицы» отряд волжских казаков во главе с Ермаком. Именно им предстояло сыграть главную роль в разгроме ханства Кучума.

Овеяны легендами и полны загадок история похода казачьей дружины на Кашлык и личность самого предводителя. До сих пор неизвестно подлинное имя Ермака. В летописных памятниках XVII—XVIII веков он именуется Ермаком, Ермолаем, Германом, Ермилом, Василием, Еремеем и Тимофеем. Чаще всего, однако, источники называют его волжским атаманом Ермаком Тимофеевым сыном Повольским. Некоторые из них считают его донским казаком, а в Летописце старых лет приведено сообщение о северно-русском происхождении атамана: «Ермак атаман, родом з Двины, з Борку...»

До недавнего времени историки использовали биографическую справку о Ермаке, содержащуюся в «Сказании Сибирской земли» XVII столетия. «Дед его,— говорилось здесь,— был суздалец, посадской человек, жил в лишении, от хлебной скудости сошел в Владимир, именем его звали Афонасий Григорьевич Аленин». После смерти Афанасия дети его, Родион и Тимофей, «сошли на реку Чусовую», в вотчины купцов Строгановых. Младший сын Тимофея Аленина Василий и стал, утверждалось в ней, позднее знаменитым Ермаком: «И оной Василей был силен и велеречив и остр, ходил у Строгановых на стругах в работе, по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость и, прибрав себе дружину малую, пошел от работы на разбой, и от них звашеся атаманом, прозван Ермаком». Однако в последние годы эта версия рядом исследователей подвергнута критике, и в частности ленинградским ученым Р. Г. Скрынниковым, автором книги «Сибирская экспедиция Ермака» (Новосибирск, 1982 г.). По его мнению, ко времени похода в Сибирь атаман Ермолай Тимофеевич — исторический Ермак — имел за плечами многолетнюю службу в станицах, «в диком поле», на южных рубежах России.

Можно с уверенностью сказать лишь одно: Ермака Тимофеевича взрастила русская земля, и был он человеком неукротимой отваги, недюжинного природного ума, железной воли, свободолюбивым, добрым и жадным до знаний. Тобольский сын боярский, ученый-самородок С. У. Ремезов, живший в XVII веке, на основе преданий, бытовавших в сибирской служилой среде, восстановил облик прославленного атамана: «Бе бо вельми мужествен и разумен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брѣдоу и власы прикудряв, возраст средний, и плоск, плечист».

Не удивительно, что Ермак сумел быстро завоевать необычайную популярность и авторитет среди казаков и к 1577 году стать старейшиной волжских атаманов. Почти вся средняя и нижняя Волга находились под контролем Ермака и его товарищей. Казаки нападали на караваны судов с грузами, принадлежавшими русским и иностранным купцам, грабили ногайских и персидских послов, случалось, «шарпали» и царскую казну.

Московское правительство, обеспокоенное казачьим «разбоем», решило отправить на Волгу карательные войска. Спасаясь от них, казаки во главе с Ермаком решили перебраться на Каму, к Строгановым, которые настойчиво приглашали волжских «разбойников» к себе на службу, прослышав об их боевой славе. Строгановы не ставили перед казаками задачи разгрома Сибирского ханства — им предстояло лишь обезопасить границы строгановских «землиц». Дружинники Ермака отражали нападения кучумлян, совершали небольшие ответные походы. В ходе таких стычек у казаков, имевших возможность оценить боеспособность татарской рати, и зародилась идея дерзкого рейда на Кашлык.

С давних лет и до настоящего времени идут споры историков по вопросу о роли Ермака, Строгановых и московского правительства в организации сибирской экспедиции казаков. Уже в XVII веке определились две главные концепции: демократическая, прогрессивная, и официально-казенная, реакционная. Прогрессивная традиция проводила идею о решающей роли народа — в лице Ермака и его сподвижников — в разгроме Сибирского ханства, ему же отводила роль инициатора всей зауральской эпопеи. Именно эти идеи развивают, например, «История Сибирская», написанная С. У. Ремезовым, и в наиболее законченном виде — «Летопись Си-

бирская краткая Кунгурская», дошедшая до нас в составе названного труда С. У. Ремезова.

В XVIII—XIX веках демократическая традиция была продолжена в трудах М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, А. И. Герцена, П. И. Небольсина, С. С. Шашкова, сибирских «сепаратистов»-областников Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и др. Однако господствующие высоты в дооктябрьский период занимала официальная точка зрения на события. Подробно она разработана уже в XVII веке в Есиповской и Строгановской повестях — памятниках областного сибирского летописания. В частности, автор Есиповской летописи — тобольский дьяк Савва Есипов — не допускал мысль о народной инициативе в «приобретении» Сибири; для него Ермак и его дружина были слепым орудием в руках бога: «...избра бог и вооружи славою и ратоборством Ермака Тимофеева...» Столь же пассивную роль отводила народу и Строгановская летопись, вышедшая в первой половине XVII века из окружения торгово-промышленного семейства Строгановых.

Позднее официальная концепция получила развитие в сочинениях дворянско-буржуазных историков XVIII—XIX веков, и в частности Г. Ф. Миллера, автора первой «Истории Сибири». Присоединение Сибири дворянскими и буржуазными историками оценивалось как «завоевание», и этот тезис с некоторыми изменениями вошел в раннюю советскую историческую науку. Лишь с появлением трудов советского исследователя В. И. Шункова — с 1940-х годов — начался кардинальный пересмотр оценок. Постепенно в литературе утвердилось положение об исторической закономерности и прогрессивности включения Сибири в состав России, его преимущественно мирном характере и о ведущей роли в этом процессе народных трудовых масс. Однако споры историков по вопросу о сибирском походе Ермака не утихают. Даже время начала похода определяется различно. Так, историк В. И. Сергеев предлагает датировать его 1 сентября 1578 года. Однако эта точка зрения опровергается и целым рядом письменных источников, и данными археологических раскопок. Называется и такая дата, как 1 сентября 1582 года.

Более же всего аргументов имеется в настоящее время в пользу иной датировки начала похода — 1 сентября 1581 года. Именно в этот день, как считает по-

давливающее большинство историков, отряд Ермака, насчитывающий примерно пять казачьих сотен, отслужив молебен, погрузился на струги и, подняв паруса, с попутным ветром, двинулся из Чусовского городка Строгановых на Кашлык. Ближайшими помощниками Ермака в трудном походе были храбрые атаманы Иван Кольцо, Матвей Мещеряк, Никита Пан, Богдан Брязга, Савва Болдыря. Наряду с казаками в составе войска, двигавшегося на восток, имелись «охочие люди» из строгановских вотчин.

Судовой караван несколько дней поднимался по р. Чусовой — до устья впадающей в нее р. Серебрянки, затем по Серебрянке до Тагильского волока, отсюда по мелким рекам перебрались на Тагил — приток сибирской р. Туры. В верховьях ее произошла первая серьезная стычка с татарами: «...догребли до деревни Епанчины, и тут у Ермака с татары с кучумовыми бой был...» «И царю Кучуму, — продолжает летописец, — то стало ведомо, а приходу на себя Ермакова не чаял, а чаяху, что он воротитца назат на Часовую». Сибирский «салтан», таким образом, решил, что речь идет об обычном казачьем набеге за добычей. Лишь когда флотилия Ермака вошла в Тобол, Кучум отдал приказ о мобилизации войска. В ханскую столицу стекались мурзы со своими «улусными людьми», хантыйские и мансийские князцы, подвластные татарам. Чтобы задержать казаков, которые стремительно приближались к Кашлыку, хан выслал навстречу им большой отряд во главе с Маметкулом. В урочище Бабасан разыгралось настоящее сражение; в итоге Маметкул бежал, а струги Ермака продолжили движение к устью Тобола. Вскоре казачья флотилия появилась на Иртыше, проследовала вверх по течению и стала на якорь против городка Аттики-мурзы. Дружинники Ермака готовились решающей схватке с кучумлянами.

Войско кашлыкского правителя имело значительный численный перевес над отрядом казаков. Однако большую его часть составляли насильно мобилизованные «черные» люди, которым были чужды интересы властолюбивого «степного феодала», именовавшего себя «Кучум-богатырь, царь». Надежной могла считаться лишь ханская конница, в которой наряду с татарами служило много бухарцев и ногайцев. Главные силы своего войска Кучум сосредоточил на высоком Чувашевом

мысу, на подступах к Кашлыку. Со стороны Иртыша мыс был укреплен засекой — татары рассчитывали задержать здесь казаков, а затем расправиться с ними, «пустиша стрелы тмочисленные с верху засеки». Руководство сражением было возложено на Маметкула — человека, известного своей физической силой и воинским опытом.

Бой состоялся 26 октября; события у Чувашева мыса развивались стремительно. Когда флотилия Ермака подошла к берегу и высадила десант, татары, укрывшиеся за стволами поваленных деревьев, начали ожесточенную стрельбу из луков. Среди казаков появились раненые и убитые. Чтобы выманить врага на открытое место, Ермак отдал приказ об отходе. Маметкул, считая, что противник отступает, велел своим воинам разломать засеку в нескольких местах и атаковать русских. Этого только и ждали казаки. Началась рукопашная схватка: «составившаяся брань велия, крепко бьющиеся дондеже друг друга за руке емлюще сечахуся». Маметкул был ранен. Ополченцы из числа ханты и манси, а также «черных улусных мужиков», боявшиеся своего военачальника больше, чем казаков, оставили позиции и обратились в бегство. Кучум, который наблюдал за ходом битвы с горы, понял, что победа досталась Ермаку. Повергнутый «салтан» решил оставить Кашлык и, взяв «мало нечто от сокровищ своих», с остававшимися при нем ратниками бежал на юг, «в поле».

В тот же день — 26 октября 1581 года — казаки заняли столицу Сибирского ханства. Попытка оправившегося вскоре от ранения Маметкула выбить русских из Кашлыка окончилась неудачей: в сражении на озере Абалак его войско было наголову разгромлено казаками. Местные жители поспешили к новому «владыке» с изъявлениями покорности и дарами. Ермак быстро наладил добрососедские отношения с ханты, манси, жителями татарских улусов. Бывшие вассалы Кучума «шертовали» теперь на верность московскому «белому» царю. Они никогда не питали ни малейших симпатий к Кучуму — чужеземцу и завоевателю — и с готовностью клялись «на всяких русских людей зла никакова не мыслить и не творить». Однако часть местной знати не смирилась с новым порядком: В стычках, спровоцированных ею, гибли казачьи атаманы и рядовые дружин-

ники. Ермаку стало также известно, что в степях Прииртышья копит силы Кучум, мечтавший о возвращении себе прежней власти. Необходимо было опередить врага, и атаман организует военную экспедицию в верховья Иртыша.

Во время ее, в одну из ненастных ночей, у устья Вагая, кучумляне неожиданно сами напали на лагерь казаков. Почти весь русский отряд был истреблен. Погиб в сражении и Ермак. Принявший на себя командование казаками атаман Матвей Мещеряк по совету круга принял решение об уходе из Сибири. Старинным печорским путем вернулись остатки дружины в Россию. Однако Ермак и его сподвижники сделали свое дело: нанесли Сибирскому ханству сокрушительный удар, от которого оно уже не сумело оправиться. Подвиг ермаковцев имел благотворные последствия и для России, и для народов Сибири. Имя Ермака на века вошло в сознание и эпос народов.

Как только казаки покинули Кашлык, его занял Кучум, вскоре, однако, изгнанный оттуда Сеид-Ахматом — новым претендентом на власть в Сибири из рода Тайбугинов. Но и он недолго «царствовал» на Кучумовом пепелище. Новые отряды русских ратников, посланные за Урал по указу Москвы, закрепили победу Ермака над Сибирским ханством. Пленного Сеид-Ахмата отправили в Москву. На важнейших сибирских реках постепенно возникают русские крепости и города. В частности, летом 1586 года над Турою, на месте древнего татарского городка Чимга-Туры, служилые люди заложили город Тюмень. На следующий год письменный голова Д. Чулков с отрядом стрельцов спустился по рекам Туре и Тоболу и на берегу Иртыша, в 15 верстах от Кашлыка, поставил новую крепость — Тобольск. Появляются Березов, Пелым, Сургут, Тара, Туринск, Верхотурье и другие города.

Казаки-землепроходцы и промышленники-звероловы освоили пути на Енисей, на Лену и далее — на Индигирку и Колыму. Через 60 лет после похода Ермака русские люди дошли до Охотского моря. Заселяя Сибирь, они несли в этот необжитый край свои традиции хозяйствования, закладывали очаги земледельческой культуры. Под «высокой рукой» Москвы за Уралом начинается устанавливаться мирная жизнь, происходит сближение русского трудового населения и местных народов.

ПОСЛАНЫ «НА БЕРЕЖЕНЬЕ»

Ко времени прихода русских в Сибирь на территории нынешней Новосибирской области обитало не более 2,5—3 тысяч человек. Это были тюркоязычные группы барабинских татар и чатов. Первые кочевали в пределах Барабинской лесостепи, раскинувшейся между Иртышом и Обью, Васюганьем и Кулундой, а вторые — по соседству с барабинцами — в бассейне верхней Оми, верховий Каргата, Чулыма и в бассейне р. Чаус, притока Оби. И барабинцы, и чаты находились в зависимости от кашлыкского хана: платили ему дань, поставляли воинов в ополчение. Однако, когда Кучум вступил в схватку с Ермаком, барабинские князцы не поддержали его и отказались воевать с казаками. Вообще отношение местного населения к сибирскому «салтану» — завоевателю и узурпатору — было крайне отрицательным. Характерно, что и чаты после разгрома татарской рати поспешили отойти от Кучума, послали Ермаку подарки и заявили о своей готовности вступить с ним в союз.

Но избавиться от «салтана» оказалось не так-то просто. Потеряв Кашлык, Кучум с остатками своей гвардии — в основном это были те люди, которые пришли с ним из Средней Азии, а не коренные сибирские татары — бежал в верх-иртышские степи и отсюда продолжал борьбу с русскими. Он вновь привел к покорности чатов и барабинцев, совершал набеги на русские пограничные селения, а также на татарские волости, признавшие власть Москвы. Чтобы обезопасить русские владения с юга, было решено создать в тарском Прииртышье военно-опорный пункт. В 1594 году князь А. Елецкий с полуторатысячным экспедиционным корпусом поднялся по Иртышу и близ впадения в него р. Тары основал Тарский городок, который сыграл важную роль в окончательном разгроме кучумлян.

Отсюда организуются походы в степь. Первый поход на Кучума из Тары совершил отряд ратников в 276 человек под командованием головы Б. Доможилова в 1595 году. В следующем году выступил уже более многочисленный отряд — в 467 человек, руководил которым тарский воевода Елецкий. Служилые люди настигли хана в городке Тунус и разбили его войско; самому Кучуму удалось бежать. Сменивший вскоре

Елецкого на тарском воеводстве князь И. Масальский-Кольцов нанес кучумлянам новое поражение.

Наконец в августе 1598 года «повелением царя Бориса Федоровича» из Тары выступил отряд в 400 человек, состоявший из стрельцов, казаков и служилых татар, во главе с воеводой А. Воейковым, чтобы отыскать беглого «салтана» и разгромить его наголову. При воеводе находился голова Ч. Александров — участник экспедиции Ермака — «да три сына боярских, да три атамана». До деревни Тохмытской воевода вел отряд по левому берегу Иртыша, затем, переправившись на правый берег, вывел его к Оми. В Турашской волости удалось захватить двух кучумлян, которые показали, что хан кочует на Черных водах и с ним имеется 500 его «людей» да 50 бухарских торговцев.

Отряд стремительно приближался к логовищу «салтана». 15 августа ратники достигли Убинского озера и узнали здесь, что Кучум перебрался с Черных вод на р. Обь. А. Воейков не терял времени — отряд, преодолевая все трудности, не останавливаясь на ночевки, шел к цели. Впереди основных сил двигались конники, обеспечивавшие разведку. Наконец 20 августа служилые люди приблизились к ставке Кучума, находившейся у современного устья р. Ирмени, на правом ее берегу (теперь это место стало дном Обского водохранилища). На заре началась битва, которая закончилась к полудню. В бою погибли брат и двое внуков Кучума, 15 мурз и около 300 рядовых воинов. При этом около половины из них были убиты, когда попытались вырваться из окружения, направляясь вдоль Оби в сторону современной деревни Юрт-Оры. Казаки настигли их на том месте, где сейчас расположена Новосибирская ГЭС.

Кучуму удалось спастись, так как в самый разгар боя он незаметно пробрался к лодкам и уплыл вверх по Оби. Пять дней А. Воейков вел поиски хана: «Плавал я,— писал он позднее в Москву,— на плотах по Оби и за Обью рекою, по лесам искал Кучума и нигде не нашел». Ратники возвратились в Тару.

Оставшийся в живых и на свободе хан продолжал беспокоить тарских воевод. Благодаря посредничеству принявшего русское подданство татарина Тул-Мамета им удалось вступить с ханом в переговоры. Кучуму было предложено поступить на государеву службу, но он отказался. Находившегося при нем сына Каная он

хотел отправить на свою родину в Бухару, но бухарцы не приняли «Кучумовича». Самого же Кучума, как жаловался в 1601 году Канай, они, «заманив в колмаки, оманом убили».

Окончательный разгром Кучума не привел, однако, к установлению спокойствия на южно-сибирских рубежах. Во-первых, в пограничной степи оставались его потомки, которые в течение всего XVII века продолжали беспокоить набегами русские селения в Тарском и соседних с ним уездах. Во-вторых, с конца XVI столетия в Прииртышье проникают с востока западно-монгольские племена — ойраты, или черные калмыки. Летописи говорят о том, что уже в девяностых годах этого столетия ойраты кочевали в верховьях Ишима и Оми, вблизи Тары. В 1598 году тарский воевода А. Воейков узнал от своих разведчиков о прикочевке 500 черных калмыков к р. Оби. Первое время ойраты вели себя довольно лояльно, избегали вооруженных конфликтов с русским и подвластным Москве местным татарским населением. Но с 1604 года они совершают набеги на мирных жителей порубежных волостей, требуют от барабинцев уплаты дани, грабят их хозяйства. В ряде случаев калмыки объединялись с «Кучумовичами».

С двадцатых годов XVII века они стали вытеснять татар с р. Оми на север. Отряды западных монголов громили барабинские улусы, «побивали» ясачных людей, многих уводили в плен. «В калмыцких степях,— писал краевед Г. Н. Потанин,— много было рабов из барабинцев, которые потом, по ходатайству русского пограничного начальства, сотнями возвращались калмыцким начальством на родину, в Сибирь». Татары засыпали воеводскую канцелярию просьбами о присылке в их волости «на береженье» русских воинских людей. Тарский гарнизон был немногочисленным: известно, что после постройки города в нем осталось 100 московских стрельцов, 100 тобольских казаков, 50 служилых татар, 50 тюменских казаков и 30 плотников-пермичей — всего 330 человек, которые сразу же себе «избы полепили». Значительную часть времени тарские служилые люди проводили в «отъезжих караулах», стояли «на береженьи» в волостях, подвергавшихся калмыцким набегам.

В начале XVII века в Барабе был основан небольшой Барабинский острожек, где несли сторожевую служ-

бу казаки-годовальщики, посылаемые из Тары. Острожек, неоднократно подвергавшийся нападениям со стороны «Кучумовичей» и калмыков, не мог, однако, обеспечить спокойствие на южных границах Тарского уезда. В 1628 году в Москве было принято решение о строительстве новой крепости в устье Оми. Но исполнение этого решения задержалось почти на столетие. Калмыки постоянно беспокоили не только барабинцев, но и чатов, которые после окончательного разгрома Кучума в 1598 году добровольно приняли русское подданство и сначала находились в ведении тарских воевод, а затем отошли к Томску.

Район города Томска был «проведан» русскими еще в 1601 году, когда дипломатическое посольство с «государским жалованьем, с милостивым словом и с ковши, и с платьем, и з грамотами», возглавленное тобольским сыном боярским В. Тырковым, отправилось из Тобольска на Томь, «ко князем и к мурзам». Миссия имела успех. В 1603 году в Москву прибыл князец томских татар-эуштинцев Тоян и просил поставить русский острог в Томской земле. Был сформирован экспедиционный отряд для строительства Томска во главе с письменным головою Г. Писемским и В. Тырковым. Застучали топоры на таежной реке. 27 сентября 1604 года Г. Писемский уже сообщал в Москву об окончании работ.

С первых дней своего существования Томск стал важнейшим военно-административным центром. Местный гарнизон, состоявший из стрельцов, казаков и служилых татар, обеспечивал охрану и самого города, и населения вновь образованного Томского уезда. Регулярно из Томска «на береженье» посылались «казаки-годовальщики» в чатские городки — Чатский, стоявший на берегу Оби, возле современной деревни Юрт-Оры, и Мурзинский, расположенный севернее Чатского. Здесь жили предводители чатов: в Мурзинском городке Кызлан и Бурлак, в Чатском — Тарлава; городки были укреплены, и в случае военной угрозы в них укрывалось население окрестных улусов. Не только «Кучумовичи» и ойраты нападали на чатов. С конца XVI столетия в верхнее Приобье проникают с юга телеуты («белые калмыки»). В XVII веке они захватывают обширную территорию: от рек Ини и Уени на севере до Телецкого озера на юге и от верхнего Чулыма на востоке почти

до Иртыша на западе. Лишь к концу столетия северная их граница была отодвинута с р. Ини на Бердь.

Хотя в 1609 году телеуты номинально приняли русское подданство, они продолжали совершать набеги на подвластное России местное население. При этом они могли объединяться с ойратами. В 1617 году, например, в Чатском городке чаты и русские казаки-годовальщики в течение трех недель выдерживали тяжелую осаду телеутов и черных калмыков численностью до 1000 человек. Нападали телеуты и на барабинцев, с которыми они имели в начале XVII века общую границу — по южным районам от озера Чаны, рек Каргата и Чулыма.

Русским властям стало известно, что оружие и военное снаряжение кочевникам поставляют шорцы — кузнецкие «татары», — попавшие в вассальную зависимость от ойратских феодалов. Правительство ставит перед сибирской администрацией вопрос о приведении шорцев в подданство России. Сами кузнецкие «татары» были заинтересованы в этом. Они обращаются к далекому московскому царю с просьбами «оборонить» их от истребления немирными соседями.

Понимая, что реализация возникшей задачи требует создания в Кузнецкой земле русского опорного пункта, Москва предписывает главному в Сибири тобольскому воеводе поставить на Томи новый острог. В конце 1617 года сводный отряд под командованием сына боярского О. Харламова двинулся из Томска к устью Кондомы. Шли, преодолевая сначала «зыбели великие и ржавцы», а потом «снеги великие». В метельные мартовские дни служилые люди начали валить лес, ставить первые столбы. К маю 1618 года крепость «на усть Кондобы реки» была сооружена. Создание Кузнецка положило начало присоединению к России огромной территории на юге Западной Сибири — от верховьев Иртыша на западе до верховьев Томи на востоке.

Воеводе Кузнецка было предписано не допускать сбора дани калмыками и киргизами с приведенных под «государеву руку» «кузнецов», оберегать их от насилий и убийств. Однако малочисленный гарнизон не мог дать населению волостей надежной «обережи». Ойраты, киргизы и телеуты продолжали требовать «на себя» железо и пушнину, грабить ясачных, полонить их жен и детей. Путем шантажа и открытого террора кир-

Кузнецк. Гравюра XVII века

гизско-калмыцкая знать стремилась противодействовать закреплению Кузнецкой земли за Россией.

Не располагая достаточными силами для оказания решительного отпора многочисленным ордам степняков, русское правительство шло на частичные уступки, надеясь таким путем ликвидировать напряженное положение в пограничной полосе. Традиционной для России становится политика мира и добрососедского сотрудничества с Телеутской землицей, хотя это не исключало военных столкновений, главным образом по вине телеутских князьков. В течение всего XVII века продолжались набеги телеутов на русские владения, сбор ими дани с подданных России, увод ясачных в телеутские улусы; агрессия телеутской знати особенно усилилась во второй половине столетия, когда она попадает в зависимость от западно-монгольских ханов. Документы этого времени пестрят сообщениями о том, что «изменники белые калмыки» «воровским вымыслом многижда» приходили в Томский и Кузнецкий уезды «и служилых людей и татар, и ясашных людей побивали», «и деревни разоряли, и лошади и рогатый скот отгоняли».

Обстановка особенно обострилась с середины тридцатых годов XVII века в связи с тем, что после ожесточенной междоусобной борьбы западные монголы объединились в единое государство, получившее название от наиболее крупного племени — джунгар. Верховный правитель Джунгарии — контайша — стал последовательно проводить в жизнь широкие завоевательные планы, стремясь создать могущественную империю, включавшую всю Монголию, Алтай, Казахстан и Среднюю Азию. Его отношение к Российскому государству отличалось крайней непоследовательностью. Иногда он запрещал своим вассалам набеги на пограничные земли России, стремясь заручиться поддержкой русского государя для осуществления своих планов. Однако его вассалы, обладавшие значительной долей самостоятельности, пренебрегали этими запретами. Да и сам правитель Джунгарского ханства с самого начала твердо заявил о своих притязаниях на русских данников в Кузнецкой земле, на Алтае и в Барабе.

Правительство России вынуждено было считаться с воинственным южным соседом. В отношении Джунгарии проводилась твердая линия, остававшаяся неизменной на протяжении более ста лет. Воеводам строжайше предписывалось с джунгарами «задоров никаких не вчинать», пограничные конфликты решать мирным путем и всячески содействовать развитию торговли с кочевниками. Не располагая в Сибири достаточными воинскими силами, чтобы противодействовать контайше, Москва вынуждена была признать право джунгар на сбор ясака с жителей подвластных России порубежных волостей. Так сложилась система двоеданства и двоеподданства, просуществовавшая, в частности в Барабе, около ста лет.

Новоселы

ПЕРВЫЕ ОСТРОГИ

Из-за постоянной военной опасности территория нынешней Новосибирской области в течение всего XVII века оставалась вне основной зоны расселения русских. Крестьяне предпочитали оседать в более спокойных северных районах, хотя тамошние земли не шли ни в какое сравнение с плодородными угодьями лесостепи и степи. Лишь в конце XVII века земледельческая колонизация Приобской лесостепной равнины делает первые шаги. Предпосылки для этого сложились после сооружения в бассейнах рек Томи и Оби Сосновского (1657 г.), Верхотомского (1667 г.) и Уртамского (1684 г.) острогов. В их округе возникают пашенные заимки, вырастают русские деревни. Колонизационная волна подступает к границе новосибирского участка Обского бассейна. Одним из первых, кто решился переступить эту границу, был житель деревни Жуковой, входившей в Обский стан Томского уезда, сын боярский А. Круглик.

«Сын боярский Алексей Степанов сын Круглик,— сообщается в дозорной книге 1703 года,— а по скаске ево, детей у него сын Иван, 22 лет, верстан в дети боярские. Григорей, 2 лет. А пашенная его заимка на реке Оби, выше Уртамского острога, на речке Иксе, всего с распашными и заложными землями и дикова поля, и дубров длинику 2 версты, поперечнику верста». Документ, дающий право на пользование земельным участком, А. Круглик получил из воеводской канцелярии еще в 1695 году. Этот год и можно считать датой возникновения деревни *Кругликовой*, существующей до сих пор в Болотнинском районе Новосибирской области.

Сам сын боярский бывал на своей заимке лишь наездами. Постоянно здесь жили и хозяйствовали его дворовые работники «калмыцкой породы». Вообще А. Круглик был состоятельный человек. Ему дополни-

тельно принадлежал большой участок земли под Томском и пашенная заимка на р. Томи, вблизи деревни Вершининой, где имелся «двор со всяким дворовым строением» и жили два других его дворовых работника. Кроме того, Круглик содержал на паях с казаком Д. Карповым мельницу на р. Басандайке.

Активнее в конце XVII века велась распашка целинных земель далее к востоку от р. Оби. Почти одновременно зачернели русские запашки в бассейнах рек Ояша и Ини. В частности, в верховьях Ояша, на его правом берегу в конце XVII века возникли деревни Пашкова и Красулина. Тогда же в среднем течении Ини поселился с семьей казачий сын Я. Гутов — деревня Гутова попала на карту, составленную на рубеже XVII—XVIII веков С. У. Ремезовым.

Однако владельцы первых заимок, разбросанных по обширной территории Новосибирского Приобья, предпочитали постоянно жить ближе к укрепленным пунктам: Сосновскому острогу, Уртамской крепости, городу Томску. Не однажды воинственные степняки черным вихрем обрушивались на хлеботорбские житницы, уничтожали посевы, сжигали избы и поднявшиеся в луговинах зароды сена, расправлялись с людьми. Обеспечить защиту русских первопоселенцев края воеводы не могли. Поэтому было решено продолжить строительство крепостей по Оби.

В 1702 году отряд служилых людей, посланный из Томска, поднялся на дощаниках до устья рек Умревы и Ояша, чтобы «приискать» место для нового укрепления. На следующий год здесь был воздвигнут Умревинский острог. В район его сразу же переселили несколько сосновских крестьянских семейств; одновременно сюда хлынули вольные колонисты — гулящие люди из различных районов Сибири и Европейской России. В 1703 году «на усть речки Умревы» жило всего 9 семей крестьян и 2 семьи оброчных гулящих людей, а к 1707 году в Умревинском остроге и его ведомстве насчитывалось уже 167 человек мужского пола (51 семья и 29 неженатых одиночек). Известны имена первых «насельников» Умревинского острога. Среди них — крестьяне Иван и Игнат Лебедевы, Никита, Яков и Кузьма Боровские, Тимофей Савин, Василий Печкин, Андрей Елгин с семьями. Плодородие почвы, высокие урожаи хлебов, наличие крепостных сооружений, за которыми

можно было укрыться в лихое время, способствовавший оседанию в устье Умревы крестьян-колонистов из более северных районов.

Часть переселенцев продолжила движение по Оби на юг, основывая новые деревни. Причем отдельные смельчаки оставляли далеко позади засеchnую черту, где имелись казачьи караулы порубежного бережения. В частности, вскоре после сооружений Умревинского острога возникает первое русское поселение на территории будущего Новосибирска — деревня *Кривошековская*, которая сразу же стала одним из центров русско-телеутской торговли. Свое название деревня получила по имени основателя — служилого человека Федора Кривошека. Причем «Кривошек», по-видимому, было его прозвищем. В отписке приказчика Бердского острога И. Буткеева кузнецкому коменданту Б. Синявину упоминается его подлинная фамилия — «Криницин». В числе первых жителей деревни Кривошековской были Федор и Зиновий Саламатовы, Никита и Степан Сизиковы, З. Логинов, В. Тарской, И. Туляпсин. Сам Ф. Кривошек не задержался здесь: в 1716 году он уже жил в новой Кривошековской деревне — выше по Оби, близ современного Барнаула. В 1717 году по распоряжению кузнецких властей на месте второй Кривошековской деревни соорудили крепость, получившую название Белоярская,

Примерно в одно время с деревней Кривошековской появилось первое постоянное поселение на р. Берди — деревня *Морозова*. Крестьянин Т. Хрусталеv сообщал о себе, что он поселился в этой деревне в 1708 году. Заселение Берди осуществлялось преимущественно с востока, со стороны Кузнецка, и оно активизировалось после сооружения в 1709 году в устье рек Бии и Катунн Бикатунской крепости. Одна из задач ее гарнизона заключалась в обороне селений пашенных крестьян и принявших русское подданство коренных жителей края. Бикатунская крепость была первым военным объектом, сооруженным в пределах бывшей Телеутской земли, и она сразу же стала бельмом на глазу для правителей Джунгарии. По приказу хана ойратское войско предпринимает ряд крупных грабительских набегов на Кузнецкий уезд.

Во время одного из набегов джунгары напали на Бикатунскую крепость и осадили ее; служилые люди,

Башня
сибирского
острога

которые были в «крепости на береговой службе, с ними, с калмыки, бились трои сутки днем и ночью. И оные калмыки, подшед под острог, башни и острог зажгли». Гарнизон вынужден был оставить крепость, и джунгары сожгли ее.

Русские власти понимали, что только строительство целого комплекса укрепленных пунктов может обезопасить мирное население южных уездов «от приходу воинских людей». В 1713 году томский комендант Р. Траханиотов предписал местному дворянину Д. Лаврентьеву «приискать» место для острога «на усть реки Чауса». Лаврентьев признал целесообразным строить его в «новой поселенной Анисимовой деревне». Отряд строителей был сформирован из пришлых с р. Ишима людей — «ишимцев». Они же стали первыми жителями нового, *Чаусского*, острога приказчиком которого

Томск назначил Д. Лаврентьева. Для налаживания караульной службы в него на постоянное жительство перевели 30 казаков.

Новый острог сразу же стал играть важную роль в налаживании регулярного сообщения на Тарско-Томском участке Московско-Сибирского тракта. Сухопутной дорогой, которая в основном направлении совпадала с позднейшим Московским трактом между Тарой и Томском, стали пользоваться вскоре после основания Томска. Однако отсутствие вдоль тракта на значительном расстоянии русских селений сильно затрудняло сообщение. Приходилось прибегать к помощи тарских ясачных татар, которые везли гонцов и грузы «Тарским уездом до Теренинской волости лошаедми» 2 недели и «от Теренинской волости до Томскова городу» еще 2 недели. Случалось, обозы застревали надолго в Барабинской степи. Так, в 1713 году из-за распутицы «подле озера Убы» застрял караван с царской казной, которую сопровождал енисейский дворянин Ф. Истоппников. Помогло то обстоятельство, что в устье р. Чауса в это время начались строительные работы, и Д. Лаврентьев смог ему помочь. Деревня Анисимова, а затем Чаусский острог выполняли функции транспортного перевалочного пункта.

В осаде гарнизону острога бывать не приходилось, но власти постоянно следили за сохранностью крепостных сооружений. Сохранились описания острога за разные годы. Из них видно, что долгое время его оборонительные сооружения не перестраивались. «Чеуской острог весь рубленой, в две стены с переградами и покрыт весь тесом,—говорится, например, в описании 1741 года,—а по углам четыре башни да в стенах две башни и с проезжими воротами и з запускными решетками и покрыты оные шесть башен в две теснины, при нем артиллерии пять пушек, в том числе одна медная, четыре чюгунные, в цехаузе сорок две пищали, военного запаса пороху пять пуд тридцать фунтов, свинцу тринадцать пуд двадцать восемь фунтов с осмою долею; пушечных ядер чюгунные восемьдесят три». Вокруг острога имелись надолбы, рогатки и глубокий ров. Внутри острога находился двор приказчика: «двор, где живут прикащики, в нем строения горница с казенкою, изба черная, меж ими сени, у горницы и у избы двери на крюках железные; во дворе скоцкая изба, по ниж-

нюю сторону горницы клеть, под клетью погреб, промеж клетки и горницы сени, и с тех сеней выход забран в заплот досками в пояс, промеж выходом баня с предбаником, под горницею подвал; двор забран в заплот, против горницы подвал с выходом»; судная изба, где хранились «приказные дела», с сенями и подвалом; амбар для хранения боеприпасов; соляной амбар; пять амбаров с провиантом, караульная изба у крепостных ворот.

В 1750 году были обновлены многие оборонительные сооружения в Южной Сибири, в том числе и Чаусской крепости, которая снова обводилась рвом, обносилась надолбами и рогатками. Однако враг так и не появился под ее стенами. Более ее укрепления уже не обновлялись. Население Чаусского острога и прилегающей к нему округи быстро росло. В 1741 году в самом остроге насчитывалось 80 домов, а в деревнях Чаусского ведомства — 874 двора. Непаханные, тучные вольные земли быстро застраивались русскими деревнями. К 1720 году в округе Чаусского острога существовали деревни Анбинская, Большая и Малая Оешские, Большая и Малая Кривошековские, Усть-Инская, Чемская, Пименская, Ярская, Ординская и Кубавинская.

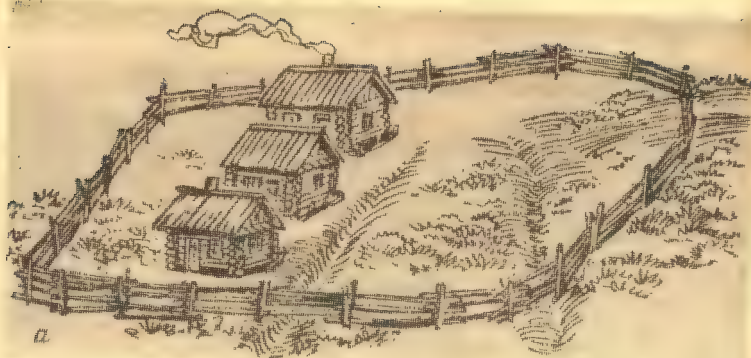
В течение последующих 20 лет возникло 28 новых деревень: Юнская, Бозойская, Бибина, Прокудкина, Черемшанская, Грязнушенская, Крохалевская, Чемская Верхняя, Скалинская, Тырышкина, Луговая, Большая и Малая Ирменские, Пичугова, Шерабская, Алеусская, Изревинская, Буготацкая, Поросская, Канарбурская, Мельникова, Подволошная, Криводанова, Чиковская, Чумышская, Кырзинская, Сивкова, Елбакская. Население их в значительной степени состояло из беглых крестьян, ямщиков и разночинцев, как называли потомков сибирских служилых людей XVII века. В частности, в двадцатых годах XVIII столетия в ведомстве острога поселилось много бывших жителей города Тары и Тарской округи, спасавшихся от розыска по делу об отказе тарян присягнуть Екатерине I, после коронования ее Петром I в 1722 году. Обосновавшись на новом месте, «утеклецы» переманивали к себе оставшихся в прежних селениях родственников и знакомых.

Первые приказчики Чаусского острога Д. Лаврентьев, И. Цыдури, А. Степнов и их преемники охотно принимали беглецов: те из них, кто оказывался

поверстанным в беломестные казаки, освобождались от уплаты налогов. Надо отметить, что гарнизон острога с двадцатых годов XVIII века состоял почти исключительно из беломестных казаков (они не получали жалованья, а служили с «земли и с травы», т. е. им предоставлялись в безоборочное пользование земельные участки). Первоначально команда насчитывала 145 человек; к 1737 году осталось 120 человек, в том числе два сотника, два пятидесятника, четыре пушкаря, шесть знаменщиков, два барабанщика и один писарь. В том же году чаусские беломестцы просили томского воеводу усилить местный гарнизон за счет доверстания в службу казачьих «детей и племянников». Просьба была удовлетворена. Сохранилась роспись казачьих «служб» за 1759 год, из которой следует, что в Чаусском остроге числилось уже более 300 беломестных казаков (при четырех сотниках): 4 человека содержали «караул в остроге под башнею у колодников», 85 находилось в работе «у розковки негодных старых дощеников», 64 — «у караула состоящих на Чеусе реке» казенных судов, 120 — «у содержания зимовий» на Тарско-Томском участке Московского тракта, 30 — «у караула ж на Бурлинском соляном и других лежащих к нему озерах», один — «при содержании Чеуского острогу артиллерии». На беломестных казаков, таким образом, ложились многообразные повинности по несению караулов, содержанию зимовий, ремонту казенных судов и пр.

Безопасность более южных районов Новосибирского Приобья обеспечивал *Бердский* острог, возведенный в устье Берди. Время основания этого острога достоверно не установлено. В документе, составленном в 1734 году в Кузнецкой воеводской канцелярии, сообщается: «Бердский острог построен в 1717 году по прошению в прошлом 715 году в бытность в Кузнецку полковника и воеводы Бориса Синявина и по поданной челобитной пришедших разных городов людей для поселения жительства». Однако историками установлено, что острог на Берди существовал уже в 1716 году — сохранилась переписка приказчика острога И. Буткеева с кузнецким воеводой за 1716 год. Есть и другие подтверждающие факты. В июне 1717 года жители Бердского острога гуляющие люди Т. Корякин, Н. Петухов, Н. Меднодеров, Н. Грязной и И. Середка на допросе в Кузнецке пока-

Сибирское селение. Общий вид

зывали, что «в прошлом 1716 году в сентябре... без отпуску из Бердского острогу» ездили они «за реку Обь внис по речке Карасу».

Не решаясь вообще отвергнуть свидетельство кузнецких канцеляристов, исследователи пошли на компромисс, признав 1717 год за время завершения на берегу Берди фортификационных работ, а закладку острога относят к 1716 году. Между тем правильнее считать, что в документе 1734 года допущена ошибка и что дата «1717 год» никакого отношения к Бердскому острогу не имеет. Сведений о том, будто в 1717 году на берегу Берди еще продолжались строительные работы, в сохранившихся от этого времени источниках не приводится. Более того, ни в одном из документов за 1716—1718 годы Бердский острог не называется «новопостроенным», как это обычно бывало со вновь сооруженными крепостями.

Представляет интерес челобитная жителей Белоярской крепости от 15 февраля 1718 года, направленная ими в Кузнецкую воеводскую канцелярию. В ней, в частности, говорилось: «В прошлых годах пришли мы из разных городов в Кузнецкий уезд в Берской острог... а в прошлом 1717 году по указу... построен вновь город Белоярской, и ныне мы в том городе живем и служим по тому городу службы...» Отсюда, во-первых, опять-таки явствует, что к 1717 году острог на Берди уже существовал. Во-вторых, раз белоярцы, жившие до 1717 года в Бердском остроге, утверждают, что они пришли

в тот острог «в прошлых годах» (а не «в прошлом году»), строительство его нельзя относить к 1716 году.

О более раннем возникновении острога в устье Берди свидетельствует и прошение, поданное в январе 1718 года кузнецкому воеводе бердским жителем А. Поротниковым. «В прошлых годах,— писал он,— пришел я с отцом своим да з братьями в Кузнецкой уезд в Берской острог и поселились дворишком от острогу в далном ростоянии, и платили по вся годы оброк без доимки. А ныне отец мой стар, а брат мой один скорбен. А по указу... велено нас, берских жителей, обложить теглом крестьянским по три рубли по четыре алтына з денгою и с полуденгою з двора кроме окладных. ...Прошу... да повелит державство ваше платить мне з двора пять рублей, чтоб иных всяких податей не платить и подвод з берскими жители не гонять и отца и братьев моих не спрашивать для того, что дворишко наш от Берского острогу удален». Получается, что в течение нескольких лет Поротниковы платили оброк бердскому приказчику (отсчет при этом ведется от января 1718 года.— Н. М.).

В каком же все-таки году появился Бердский острог? Видимо, можно утверждать, что закладка острога на Берди состоялась в первое десятилетие XVIII века. Так, в мае 1720 года «били челом в Кузнецку в канцелярии» коменданту Б. Синявину «берские жители Тимофей Фоминский з братом Григорьем». «В прошлом де 1710 году,— заявили Фоминские,— пришли они из руских поморских городов Кузнецкого ведомства в Берской острог и жили в том остроге по вышеозначенной 1720 год мая по 1-ое число. А в 1719 году в переписных книгах в Берском остроге никаким чином не написаны для того де, что в то время при переписи жили гулящим бытом и были во отлучности на горном промыслу...» Вряд ли память могла подвести братьев Фоминых, заставив их назвать вместо 1716 или 1717 года 1710-й. Да и Б. Синявин мог в таком случае уличить их в обмане. Значит, к 1710 году Бердский острог уже существовал. Вместе с тем, в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова, работа над которой была завершена в 1701 году, этот острог не упоминается. Таким образом, границы возникновения острога в пределах десятилетия обозначаются вполне определенно.

Интересно отметить, что в ранних документах упот-

реблются два близких названия одного и того же острога: «Бердский» и «Бердевский». Так, приказчик И. Буткеев 17 марта 1717 года писал в Кузнецк: «Сего 1717 году марта в разных числах едут вверх по Обереке мима Бердевскаго острога многие люди з женами и з детми и в Бердевском остроге мне не евятца, кая люди и куды едут, и про то мне неведомо... Я разослал по всем бердевским деревням память и приказал всех деревень жителям, чтоб Томскаго присуду Чаусскаго острога людей отнюдь на подворья к себе не пушали...» В мае того же года Буткеев сообщал: «...писал ко мне з заводу в Бердевский острог Федор Кривошек...» Показательно, что, если в отписках приказчика острог именовался «Бердевским», то в указах из Кузнецка использовалось только название «Бердский». Позднее слово «Бердевский» вообще исчезает из переписки. Можно предполагать, что название это более раннее и что оно имело хождение среди первопоселенцев острога.

Очевидно, что название острогу дано по месту нахождения на р. Бердь, но топоним слова «Бердь» исследователями пока не расшифрован. Есть предположение, что оно произошло от татарского слова «бирду».— дал. Известно, что в свое время хан Кучум отдал р. Бердь с прилегающими землями одному из своих сыновей, которого историк XVIII века Г. Ф. Миллер называл «царевичем Берди». Стоит также напомнить, что еще в 1745 году основоположник русской исторической науки В. Н. Татищев дал близкое толкование топонима. «Берд, река текущая в Обь с правой стороны, при Бердском остроге в Кузнецком уезде. Имя татарское — бери»,— писал он в «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском». Соответствующие сведения Татищеву были предоставлены геодезистами, которые по его заданию вели продолжительные работы на месте — в Кузнецком и Томском уездах.

Тюркское происхождение топонима подтверждает география его распространения. В том же «Лексиконе» Татищева указаны реки Берд — левый приток Яика, Большая Берда и Малая Берда, впадающие в Азовское море, Бердинская коса на северном берегу этого моря, Бердская крепость в Оренбургской губернии, построенная в 1737 году. В отношении Большой и

Малой Берд историк опять замечает: «Имя татарское — бери или взятая».

До 1717 года Бердский острог находился под началом томских воевод; в томскую казну поступал оброк, собираемый с первопоселенцев. По указу сибирского губернатора от 1 апреля 1717 года все правобережье верхней Оби от Берди на юг передавалось в ведение властей Кузнецка. Бердский острог становился административным центром целого района. Жители острога и тяготевших к нему деревень участвовали в строительстве Белоярской крепости и новой, Бикатунской, возникшей в 1718 году на правом берегу Бии. В итоге к 1718 году междуречье Оби и Томи было прочно закреплено за Россией. Одновременно на Иртыше выросли Омская (1716 г.), Железнинская (1717 г.), Семипалатинская (1718 г.), Усть-Каменогорская (1720 г.) крепости. Все это способствовало стабилизации обстановки на юге Западной Сибири, хотя внешняя опасность сохранялась, и русская администрация по-прежнему мирилась с двоеданством барабинцев и жителей кузнецких ясачных волостей.

Самовольные переселенцы активно осваивали девственные земли в районе Бердского острога. В 1717 году в Бердском ведомстве оказались учтенными 87 беломестных казаков, 21 казачий сын, 170 оброчных людей. Немногим менее половины из них являлись жителями самого острога. Переписью 1719 года в нем зарегистрированы семьи священника И. Полканова, церковного дьячка П. Кузнецовых, беломестных казаков Д. Шахтарова, А. Ашкарина, И. Коновалова, Л. Черемных, Терентия и Трофима Бахаревых, И. Архипова, И. Макарова, Г. Полковникова, начальника беломестцев пятидесятника Г. Бобровского (жил на подворье у Г. Полковникова, своего дома не имел), пушкаря Т. Кузнецова, казачьих детей С. Романова и В. Полковникова, оброчных крестьян С. Романова, М. Поспелова, А. Ялунина, А. Черемного, И. Звонкова, И. Черемных, А. Зырянова, А. Кошкарова, А. Щельникова, Г. Бахарева, К. Серебренникова, И. Порошина, И. Юдина, М. Бобина, Л. Старцова, В. Кузнецова, Ф. Тумашева, А. Чукреева (жил на подворье у А. Зырянова), Н. Панкратьева (жил на подворье у Т. Бахарева), И. Робенкова (жил на подворье у Трофима Бахарева). В 1721 году дополнительно выявлены жив-

шие в остроге гуляющие люди И. Маран, М. Орлов, Ф. Унжан, С. Короткой, А. Рознин, В. Трушконов, С. Сатин, И. Соколов, М. Лоскутов, С. Плесных, А. Власов, Ф. Белый, С. Серебренников, М. Незнамой, Г. Чалков и В. Кокшаров.

Население Бердского острога формировалось за счет выходцев из Чаусского ведомства, а также из деревень Тарского уезда. Архивные источники сообщают о бегстве на Бердь крестьян и разночинцев с соседней территории, расположенной к северо-западу. Не случайно в 1717 году бердскому приказчику было дано строгое указание не принимать на жительство самовольных переселенцев из Чаусского ведомства. Однако властям не удавалось остановить этот поток — вопреки всем запретам на всем протяжении XVIII столетия происходило стихийное перемещение русского населения на юг и юго-восток.

Подавляющее число жителей Бердского ведомства уже в 1719 году обитало вне острога — в деревнях Речкуновой, Сорокиной, Шадринной, Морозовой, Чернодыровой, Койновой, Шипуновой, Детловой, Барабинской, Ельцовской, Мильтюшской, Гуселетовой, Тулинской, Бороздиной, Атамановой, Караканской, Каменской, Чингисской, Челтемовой, Аллацкой, Поротниковой, Малышевой, Нижней и Верхней Сузунских, Чумышской. Всего в этом году в ведомстве числилось 433 двора, в них — 1582 человека мужского пола (женское население тогда не учитывалось. — Н. М.).

Бердский острог, как и Чаусский, никогда не подвергался осаде. Сравнительно близкое соседство других укрепленных пунктов, лежащих к югу от Бердска, позволяло держать в нем небольшой гарнизон. В 1744 году в остроге имелось всего 50 беломестных казаков. Бердские укрепления длительное время не обновлялись и к концу XVIII века пришли в полную негодность. 7 февраля 1791 года правитель Колыванской губернии Б. Меллер предписал «состоящая в Берском остроге две башни с надолбами и рогатками, пришедшие в ветхость, естли явятца охотники к покупке оных, то продать с согласия мирскаго и вырученные деньги отдать в мирскую сумму или, сломав, употребить на построение в удобном месте кладбища». Поскольку «охотников» приобрести строения не нашлось, бердские крестьяне, собравшись на сходку, решили пустить

их на строительство кладбищенской ограды и часовни. Однако, когда стали разбирать бревна, оказалось, что они совершенно сгнили: общинники постановили «употребить» эти бревна на дрова для местной церкви.

Величественные обские боры успели уже привыкнуть к стуку мужицких топоров, плодородные местные земли много раз одаряли колонистов щедрым урожаем, а обширная Барабинская лесостепь все еще оставалась вне зоны расселения русских. С одной стороны, сказывалась внешняя опасность: если в Приобье русские владения отделял от воинственных джунгар своеобразный телеутский буфер, то в районе Барабы его не было, и ойратские кочевые группы представляли здесь непосредственную угрозу. С другой стороны, ровная степь, покрытая редкими березовыми колками и болотами в зарослях камышей, с солонцами, горькими и пресными озерами, изредка оживляемая табуном одичавших лошадей или огромным барабинским орлом, высматривающим добычу, не привлекала выходцев с лесного Русского Севера.

Только в 1722 году, после сооружения по Иртышу так называемой Иртышской, или Сибирской, линии крепостей, в Барабе были построены три русских укрепления под названием пасов (с тридцатых годов XVIII века они уже именовались форпостами): *Усть-Тартасское*, при впадении р. Тартаса в Омь; *Каинское* — в среднем течении р. Оми, у впадения в нее р. Каинки; и *Убинское*, к юго-западу от Убинского озера. О Каинском форпосте академик И. П. Фальк писал, что его перевели на Омь «с Тандова озера». Видимо, у озера Тандово до 1722 года существовал острожек, где жили казаки, «оберегавшие» улусы барабинских татар. Гарнизоны форпостов составляли служилые люди, посылаемые в Тартасский форпост из Тары, а в Каинский и Убинский из Томска. Предполагалось, что гарнизоны ежегодно будут меняться, однако на деле получалось иначе. Когда, например, летом 1741 года академик И. Г. Гмелин, участник Академической экспедиции, возвращавшийся из Восточной Сибири, оказался в Убинском укреплении, он застал здесь 50 казаков, русских и татар, живших в Барабе без смены, без жен и детей, уже 6 лет. Кстати, начиная с 1729 года казаки добивались переноса Убинского форпоста на восток от озера, на р. Каргат, где имелась хорошая

Первые
русские крестьяне,
заселявшие Сибирь

вода, было больше топлива и корма для лошадей. Решение о переносе состоялось только в 1746 году, в связи с чем форпост стал называться Каргатским. На месте же Убинского укрепления с этого времени существовало зимовье, содержащееся чаусскими разночинцами. Гарнизоны барабинских форпостов обеспечивали защиту местного татарского населения от нападений степняков, а также путников и обозов, следующих по тракту. В 1741 году в Каинском форпосте находился отряд казаков, численностью в 150 человек, в Тартаасском — в 50.

Помимо «обереги» жителей лесостепи и русских деревень, расположенных на западной стороне р. Оби, служилые люди барабинских форпостов привлекались к перевозке казенных грузов, следуемых по тракту. Протяженность пути и отсутствие в притрактовой зоне русских сел и деревень — их не было на всем громадном пространстве от деревни Подволошной на р. Оеш (Чаусское ведомство) до села Муромского на р. Таре (уже за пределами нынешней Новосибирской области).

даже к началу сороковых годов XVIII века — делали последнюю обязанность очень трудной. Форпосты отстояли друг от друга на многие километры; в пути требовался корм лошадям, помещения для отдыха путешественников и пр. Поэтому сибирская администрация приступила к организации по тракту зимовий и почтовых станцов. К 1741 году зимовья имелись только на участке от деревни Подволошной до Убинского форпоста. О них мы узнаем из дорожного дневника И. Г. Гмелина. В деревне Подволошной он увидел 10 домов, в которых жили крестьяне и разночинцы. Отсюда на запад шли две дороги: зимняя — по южному берегу р. Оеша и летняя — по северному берегу этой реки, правее зимней версты на четыре. Гмелин отправился по летней дороге. Чаусский приказчик предоставил ученому путешественнику конвой из 15 казаков. В дневнике отмечено, что именно жители Чаусского острога занимались в это время поставкой почтовых лошадей для проезда через Барабу до самой Бергаматской слободы на Таре, отчего имели большой доход.

Гмелин проехал урочище Крутые Лога, Писаную березу (называвшуюся так, потому что в дупле ее чаусские казаки-разведчики оставляли для проезжающих записку с предупреждением о «калмыцкой опасности». — Н. М.), оставил севернее Торбаево зимовье, стоявшее на зимней столбовой дороге. За Торбаевым зимовьем зимняя и летняя дороги соединялись. Далее ученый встретил Полубабкино зимовье, которое ранее называлось Государевым двором; здесь обычно останавливался на несколько дней присылавшийся из Томска охранный отряд. На западном берегу озера Ебалыка находилось Черепаново зимовье. Затем Гмелин переправился через р. Чулым, проехал мимо сгоревшего Тырышкина зимовья и выстроенного вместо него, влево от тракта, нового зимовья, проследовал левее озера Кан, перед которым зимняя дорога с верстовыми столбами сворачивала вправо и шла потом по северному берегу озера Каргат, пересек р. Каргат и прибыл, наконец, в Убинский форпост, отстоящий от Чаусского острога на 207 верст.

Далее по Барабе русских зимовий Гмелин не встретил. Миновав Еланское озеро, перебравшись через р. Каинку, путешественник достиг Каинского форпоста; отсюда он проехал мимо озер Сары-Балыка, Тебиса и

других к устью р. Тартаса. От Усть-Тартасского укрепления дорога на Тару шла тогда восточнее позднейшего тракта. В семи верстах западнее этого укрепления Гмелин переправился на северный берег р. Оми и, оставив позади озера Тюсьменя, Утлу, Ярлу и другие, от озера Кумлу повернул на запад, добрался до р. Угуй, впадающей в одноименное озеро. От северо-западного берега озера Угуй столбовая дорога до Бергаматской слободы шла влево, по большей части прямо на запад. Однако местные татары посоветовали Гмелину отправиться другим путем — на северо-восток, прямо к р. Таре, мимо озера Чичкан, за которым вскоре началась уже территория нынешней Омской области.

В 1744 году вышло распоряжение о том, чтобы поставить на проезжей дороге из Тары в Томск дополнительные зимовья и поселить в них крестьян Томского и Кузнецкого уездов, ставших ямщиками. Вследствие этого вскоре появились на тракте зимовья Брызгалово (близ современного села Вознесенки на Оми), Антошкино, Убинское, Осиновые Колки. К 1750 году существовали также зимовья Крутые Лога, Тарбиево (оно же Торбаево), Соктинское, Иткульское, Тырышкино, а кроме того, ряд почтовых станцов.

В 1746 году в Барабе возникла первая русская деревня *Ушкова* — у озера Саила, «над рекой Омью», недалеко от Каинского форпоста. Основали ее разночинцы — «Чеуского острогу разных деревень обыватели» — В. Ушков, М. Замараев, А. Панафидин, В. Малинин, О. Вялков, С. Ушков и Я. Епанешников. Они поставили здесь рубленые избы, распахали целину. В марте 1750 года В. Ушков, А. Панафидин и В. Малинин явились к командиру Каинского форпоста и объявили, что, как им сообщил татарин Сютют, «барабинцы ясашные в казну ея императорского величества по нынешней переписи ясак платить не желают того ради, что де наперед сего были у них контайшинцы для собрания алману и сказали им, барабинцам, ежели де оне им однем не будут подданные, то придут на них в пяти тысячах человек с войною и всех их вырубят».

И томское начальство, и командование Сибирским корпусом были встревожены этим сообщением и приняли необходимые меры предосторожности. Между тем 12 июля того же года к генералу С. В. Киндерману, возглавлявшему Сибирский корпус, поступила жалоба от

князца барабинской Чойской волости Нулгы Октеева на жителей деревни Ушковой. Октеев доказывал, что ушковцы поселились на том месте, где татары производили охоту на «соболей и протчих степных зверей», которыми выплачивали ясак царю и алман правителю Джунгарии, и стали чинить последним «в улове зверей немалые обиды и изгонение». Несостоятельность жалобы была очевидной: появление в стороне от тракта небольшой русской деревушки не могло принести ущерба пушному промыслу барабинцев; просто местная знать таким способом мстила В. Ушкову и его товарищам за выдачу властям ее секретных планов. Обстановка была напряженной, администрацию пугала возможность «шатости» барабинцев и Киндерман отдал приказ о сносе деревни Ушковой и переселении ее жителей на тракт. Ушковцы обязались выполнить этот приказ.

Однако освоение русскими Барабинской степи продолжалось. Существенную роль в этом сыграло строительство на юге Западной Сибири новых укрепленных линий: Колывано-Кузнецкой, Бийской, Пресногорьковской, а также добровольное вхождение в состав России в 1756 году Южного Алтая. Это событие стало одним из завершающих этапов исторического процесса сближения народов, определявшегося постоянно расширявшимися и углублявшимися экономическими и культурными связями между ними. В середине XVIII века было покончено, наконец, с двоеданством барабинцев. Удаление и укрепление южной границы позволило преобразовать барабинские форпосты в обыкновенные селения. Уже в 1750 году постоянные гарнизоны в форпостах были ликвидированы, казаки, как пишет находившийся здесь в 1772 году И. П. Фальк, «вступили в крестьянское состояние».

Русское население Барабы постепенно умножалось за счет перевода сюда крестьян и разночинцев из других мест. В частности, в 1753 году по тракту была размещена партия крестьян из Тарского ведомства, в числе которых оказалось около 20 семейств тарских татар; ставших потом ямщиками в Усть-Тартасском форпосте. В том же году вышли указы о перемещении в Барабу разночинцев и крестьян из Томска и Чаусского острога. 29 января 1756 года чаусский комиссар поручик Копиев доносил в Томскую воеводскую канцелярию: «...нынче... во оном Каинском форпосте из разных мест семейщиков

поселено более трех тысяч — около четырех тысяч душ маходитца», в том числе из Чаусского острога и приписанных к нему деревень взято 606 крестьян. Высылка чаусцев на жительство в Каинский форпост производилась и в последующие годы.

Активность властей в деле заселения барабинского участка Московского тракта объяснялась отчасти тем, что с сороковых годов XVIII века, когда движение по тракту стало регулярным, крестьяне Чаусского ведомства, на которых ложилась обязанность поставлять по очереди или подряду подводы для почтовой и ямской гоньбы, стали заваливать Томскую воеводскую канцелярию прошениями об облегчении своей участи. Из-за этого еще в 1743 году к обслуживанию тракта привлекают также крестьян Сосновского, Верхотомского и Спасского ведомств. С 1748 года содержание зимовий в Барабе частично было передано в руки беломестных казаков. Однако положение чаусцев оставалось нелегким. Местный комиссар поручик Копиев писал в Томск 29 января 1756 года: «Чаусские обыватели под следующими из города Томска и Кузнецка и из Барнаульского завода по подорожным от Чауска чрез Барабинскую степь даже Тарского ведомства до Такмыцкой слободы более шестисот верст провозят, а в Каинском форпосте оным чауским обывателям смены не чинят, отчего пришли они, чауские обыватели, в крайнее раззорение и нищету...» Кроме прочего, жители Чаусского ведомства занимались ремонтом дороги, текущим и «генеральным». Так, в 1748 году им было приказано поправить все мосты и пристани на реках и гати на болотах, а где их не оказалось вообще соорудить новые. Надо отметить, что к этому времени гати и мосты по тракту пришли в такое состояние, что проехать по ним можно было только верхом на лошади и «то с опаской».

В мае 1756 года последовал указ Сибирской губернской канцелярии о том, чтобы отныне обслуживание Тарско-Томского участка Московского тракта производилось ямщиками, для чего предполагалось переселить в Барабу около 1500 ямщиков из Тобольского, Самаровского и Демьянского ямов. Осуществить это намерение властям, однако, не удалось. Вообще принудительное заселение Барабы жителями других сибирских районов не приносило желаемых результатов. Многие переведенцы убегали, возвращались в обжитые места,

Но часть из них, конечно, оставалась в Барабе навсегда. Прочные корни на новой родине пускали те, кто оказывался здесь по своей воле. В 1753 году, например, 19 семей чаусских крестьян добровольно переехали на тракт, в район Каинского форпоста.

Уже в первой половине XVIII века началось освоение русскими юго-восточной части Барабы и северной части Кулунды. Здесь образовывались первые нелегальные заимки: Высокая Грива, где жили тайно «пришлые бес пашпортов тарские обыватели Егор Дурнев з братьями всего четыре человека», заимка крестьян Кондакова и Дедюкова в Кулунде, в 100 верстах от Малышевой слободы и др.

Селились здесь «самовольцы», которые числились живущими в местах выхода. Так, в сентябре 1759 года чаусскому управителю поступил донос на крестьян деревни Луговой Григория и Михайлу Поломошных, которые задумали «съехать» «з женами и детьми и со всем скотом» в Кулундинскую степь. Их немедленно призвали к ответу. На допросе Поломошнов показал, что они с братом решили поселиться в степи «для рыбного и звериных промыслов»; к тому же на том месте «жительство домами имеют свойственники их, Поломошных, заводские крестьяне Белоярской слободы Михайло Кандаков, Берскаго острогу Василей Дедюков». О «съезде» же «простою своею ниоткуда как словеснаго, так и писменного позволения не требовали,— заканчивал Михайло свои показания,— и ныне оной брат его Григорей з женою и детми, и с его, Михайловою, ж женою Авдотьей Васильевой дочерью находитца уже в показанной степи, токмо собственным своим домом еще не построился, а он, Михайло, посланными от Чеуской судной канторы сотниками... не доезжая до оной степи верст за десять, взят и привезен в Чеуск...» Поступило приказание вернуть Поломошных на «прежнее жительство», в деревню Луговую.

Другие «самовольцы» оказывались гораздо счастливее братьев Поломошных, благополучно добивались до «обетованных» земель в бассейнах рек Кулунды, Карасука, до той «обольстительной Бурлы», как называл роскошные боры восточной части Барабы историк XIX века Н. М. Ядринцев, где даже в конце семидесятых годов XIX столетия встречались деревни, неизвестные властям и не нанесенные на карту.

ПАХАРИ И БУНТАРИ

Если район Барабы и север Кулунды долгое время оставались все же малообжитыми, то Приобская лесостепная равнина и примыкающая к ней северо-западная оконечность Салаирского таежного края к середине XVIII века были усеяны довольно густой сетью русских поселений. В конце сороковых годов XVIII века официальная статистика зарегистрировала в *ведомстве Чаусского острога* 48 деревень. В самом остроге проживало 311 разночинцев и 45 крестьян (учитывались только лица мужского пола.— Н. М.); имеются данные и о числе жителей в деревнях:

Деревни	Число жителей		Деревни	Число жителей	
	разночинцев	крестьян		разночинцев	крестьян
1	2	3	1	2	3
Анбинская	39	20	Канарбурская	38	3
Шелягина	20	—	Калинская	47	5
Мельникова	47	13	Рожнева	15	10
Большая Оешская	299	21	Маткова	15	—
Черепанова	13	—	Кругликова	3	—
Грязнушенская	100	9	Паутова	6	—
Крохалевская	165	40	Юнская	165	38
Криводанова	95	5	Подволошная	56	12
Большая Кривошековская	239	43	Черемшанская	44	5
Малая Кривошековская	45	15	Соколова	11	13
Усть-Инская	109	8	Прокудкина	5	1
Нижняя Чемская	138	17	Чиковская	45	77
Верхняя Чемская	9	25	Боевая	6	—
Ирменская	123	—	Изревинская	11	—
Малая Ирменская	19	11	Верхняя Луговая	40	—
Скалинская	148	9	Буготацкая	11	—
Ярская	108	—	Самкова	6	4
Ординская	124	—	Шерабская	20	—
Кубавинская	58	4	Кырзинская	9	4
Сивкова	36	8	Алеусская	35	6
Аристова	17	—	Карбысацкая	—	14
Кузнецова	11	—	Малая Оешская	22	4
			Пичугова	6	—
			Кызатская	31	—

Обращают внимание два обстоятельства: во-первых, большая часть населения чаусских деревень — это потомки служилых людей (разночинцы), а во-вторых, сами

Доставка обеда в поле во время страды

деревни были по размерам весьма невеликими — одно-, двух-, трех-, четырех-, пятидворками. В 1764 году местная администрация констатировала: «Крестьяне здешних мест привыкли жить малыми деревнями». Такая ситуация сохраняется и в дальнейшем.

К 1764 году в *ведомстве Чаусского острога* появляются деревни Табатчикова, Киселева, Самочернова, Мысовская, Воробьева, Панафидина, Вахрушева, Коткова, Бунькова, Шагалова, Федосова, Кривошапкина, Усть-Оешская, Ельцовская, Верткова, Ересная, Тулинская, Сатанинская, Толмачева, Юрская, Кандыкова, Тропина, Южина, Дубровина, Мочищенская, Каменская, Мосляхинская, Суетинская, Волчья, Бурлинская, Панкрушинская, Крутихинская, Верхнекаменская, Кулундинская — все они располагались южнее острога. Другие деревни со временем исчезали. В 1759 году начальство констатировало, что «в здешних местах крестьяне, имеющие пашни и земли, оныя оставляют и вновь распахивают не помалому числу, а иные затем и деревни прежняя втуне оставляют и, переезжая, в других местах селятся».

Немалая часть чаусцев перебралась к середине XVIII

века в ведомство Бердского острога. Следует оговориться, что еще в 1722 году деревни по Оби и ее притокам — Чингису, Аллаку, Верхнему и Нижнему Сузуну и Ине — были выделены в особую административную единицу с центром в Малышевской слободе. Тем не менее число бердских деревень к середине XVIII века резко увеличилось. По официальным данным в это время под *ведомством Бердского острога* находились деревни Ировская, Веснина, Нижняя Веснина, Улыбина, Шмакова, Загайнова, Сосновская, Ельцовская, Артамонова, Пиминова, Луговая, Караканская, Кoenская, Шелаболиха, Тулинская, Морозова, Бороздина, Атаманова, Харитоновна, Печатная, Каменская, Фарафоновна, Шарчина, Тихоновна, Тальменская, Урюпина, Маюрова, Анисимова, Захламина, Чернодырова, Гуселетова, Легостаева, Никонова, Маслянина, Мамонова, Краскова, Кинтерепская, Суседова, Усть-Чемская, Барабинская, Горлова, Белова, Медведицына, Шадрина, Шипкова, Детлева, Харина, Девкина, Шипунова, Таскаева, Большереценская.

Академик И. Г. Гмелин, путешествуя в начале сороковых годов XVIII века по Сибири, отметил, что на Алтае и в Новосибирском Приобье некоторые деревни имели по два названия: «7-го сентября в 8 часов утра, — пишет он, например, — мы, проехав березовым, осиновым и сосновым лесом, прибыли в дер. Чемскую, или Белоголову, расположенную на речке Чем». Вообще, по заключению Гмелина, большинство сибирских деревень получило свое название от имен тех крестьян, которые первыми в них поселились; лишь немногие назывались по рекам, на которых они были расположены. В тех случаях, когда имелось два названия, крестьяне все-таки чаще употребляли то, которое происходило от имени первооснователя. Наблюдения очевидца подтверждаются архивными документами, хотя следует дополнить, что иногда название деревни давалось по озеру или какому-либо примечательному месту, вблизи которого она находилась.

Со временем название деревни могло незначительно измениться. Отсюда и разночтения с ее современным названием.

Сохранились данные о том, кто конкретно жил в острогах, селах и деревнях на территории Новосибирской области к середине XVIII века. Так, в Чаусском

остроге в начале шестидесятых годов зарегистрированы семьи: Е. Козьминых, С. Поснова, Д. Демидова, М. Большакова, А. Потеряева, П. Козьминых, Ф. Трапезникова, В. Козьминых, Д. Трапезникова, М. Белобородова, Г. Трапезникова, Е. Воронина, О. Пургина, П. Ковригина, Ф. Резанова, М. Резанова, Е. Резанова, Л. Вдовина, П. Останина, Ф. Овчинникова, В. Овчинникова, Ф. Потеряева, Г. Мурзинцова, Д. Овчинникова, А. Грибова, К. Грибова, В. Руднева, М. Кайгородцева, И. Кайгородцева, С. Орлова, Д. Руднева, М. Руднева, В. Вялова, С. Зеленцова, И. Юрманова, Ф. Береговых, Ф. Белых, Т. Белых, Ф. Кочкарева, А. Попова, А. Шуркова, Я. Некрасова, Л. Руднева, И. Руднева, Н. Овчинникова, С. Овчинникова, П. Косачева, Д. Петухова, Ф. Петухова, И. Епанешникова, И. Дмитриевых, С. Епанешниковых, М. Асламова, В. Вишневецкого, И. Рыбникова, А. Вишневецкого, П. Чепчугова, Д. Язова, С. Белых, И. Казакова, Д. Казакова, Т. Чиркова, И. Рышкова, Е. Рышкова, П. Плешкова, П. Долгих, М. Вакорина, М. Белобородова, И. Мингалева, П. Овчинникова, К. Толчеина, И. Попова.

В деревне **Скалинской** имелось 20 семей: Ф. Южакова, И. Южакова, А. Третьякова, О. Третьякова, А. Печенкина, А. Жданова, И. Жданова, Г. Жданова, Ф. Ветошкина, Я. Жданова, С. Казакова, А. Казакова, С. Решетникова, А. Шипулина, Ф. Шипулина, Н. Хромова, О. Третьякова, Д. Вакорина, И. Полуехтова и Н. Половникова.

Все население деревни **Бозойской** состояло из шести семей: А. Аникиных, И. Аникиных, Ф. Кантаева, А. Решетникова, И. Кантаева и И. Силина. В деревне **Воробьевой** жили 2 семьи — Н. Гусева и С. Заводина; в деревне Киселевой — 3: А. Тархова, Ф. Горбунова и П. Горбунова; в деревне **Бунковой** — 4: Д. Бункова, А. Горбунова, П. Коткова и С. Шутова; в деревне **Табатчиковой** — 5: Степана, Максима и Ивана Табатчиковых, Н. Бабушкина и П. Ячменева; в деревне **Вертковой** — 7: Степана и Семена Быковых, Максима и Андрея Баженовых, Сергея и Алексея Вертковых и Д. Томилова; в деревне **Кривошапкиной** — 5: И. Кривошапкина, Ильи и Ивана Бурматовых, Дементия и Степана Пупковых; в деревне **Дубровиной** — 9: Федота и Ивана Петровых, Я. Скворцова, П. Заводина, Ф. Мальцева, С. Бузукладникова, Ивана и Лариона Поморцевых и Е. Пономарева.

В селе **Кривошековском** (так стала называться деревня Большая Кривошековская) было 27 семей: Артамона, Федора, Филиппа и Алексея Чистяковых, Ф. Барабанщикова, Ф. Белоусова, И. Буланова, М. Шмакова, М. Ощепкова, А. Чернышева, П. Копнина, Григорья, Матвея, Ивана Быковых, Г. Томилова, Федора и Ивана Подгорбунских, Елизара и Дмитрия Некрасовых, Ильи и Ивана Погадаевых, Г. Пайвина, И. Кузнецова, Семена и Леонтия Тюменцевых, И. Кочергина и Ф. Епанчинцова; в деревне **Малой Кривошековской** — 7: Василия и Ивана Кривошеинных, А. Устинова, П. Тоскина, А. Брагина, И. Седельникова, С. Харлапанова.

Не приходится удивляться, что некоторые деревни назывались по именам тех домохозяев, которые к рассматриваемому времени жили в соседних селениях: перемещения жителей были обычным явлением. Так, в деревне Котковой не зарегистрировано вообще Котковых (здесь жили Ахрямкины, Брагины, Шмаковы, Веснины, Горбуновы, Молчановы, Горбиковы, Бунковы, Тайлаковы), а в деревне Шегаловой имелись братья Алексей и Дмитрий Котковы (кроме них еще семьи Д. Детлева, С. Кунгурцова и С. Брагина). Аналогичным образом не было Толмачевых в деревне Толмачевой — в ней жили семьи Павла и Ивана Ощепковых, С. Кочергина, Степана и Михайлы Банниковых, С. Банникова, Г. Филюшина, Михайлы и Игнатия Шмаковых, И. Филюшина. Не удалось отыскать Толмачевых и в близлежащих деревнях — далеко на юге, в деревне Бурлинской, где в 1764 году числилось всего 6 семей, обосновались представители этой фамилии.

Располагались первопоселенцы обычно по берегам рек, на возвышенных местах или на освещенных солнцем лесных полянах, у озер. Иногда вокруг утонувшей в лесной чаще деревушки на многие версты не было другого жилья, но ее обитателей это вполне устраивало. Зато местных чиновников не удовлетворяло стремление крестьян «удалиться... в пустые и отдаленные от жила места и леса». «И почаству, как цыганы,— говорится в одном из предписаний 1767 года,— переезжают, а куда и переедут, то порядочного строения не имеют, и строятся збродом, ретко, по-татарски, один к другому задом, а иные имеют только одни простые некорыстные без крышек избы или лачуги наподобие то, как крыющиеся в пустых и лесных местах воры и другие подоз-

рительные люди». Сибирская губернская канцелярия даже требовала, чтобы крестьяне селились большими деревнями, а не однодворками. Однако запрет этот оставался лишь на бумаге. И возникали в нетронутых еще местах не жалкие «лачуги», как пыталась представить администрация, а крепкие рубленые усадьбы. Со временем к «однодворцу» подсеялись его родственники и свойственники или разрасталась собственная его семья — женились и заводили особые дома сыновья, заимка превращалась в настоящую деревню.

Многие деревни имели свои укрепления. Так, о деревне Мельниковой Чаусского ведомства в документе 1750 года говорится: «При той деревни построены рогатки, на палисат лес запасен...»; о деревне Большой Оешской: «При той деревни построены надолбы, рогатки, на палисат лес запасен...»; надолбы и рогатки окружали также деревни Грязнушенскую, Крохалевскую, Чиковскую, Криводанову, Усть-Инскую, Большую и Малую Кривошековские, Луговую, Чемскую. Жителям деревень предписывалось иметь ружья, «порох и свинец» или, на крайний случай, копыя.

В указе горно-заводского начальства бердскому управителю от 18 марта 1758 года, в частности, говорилось: «...понеже... всегда от неприятеля состоит опасность... всем обывателям ко отпору от того неприятеля велено иметь ружья и содержать оные во всякой исправности, и для таковых случаев те обыватели по сотням расписаны и к ним выбраны пятидесятники и сотники, и... назначены, если когда от неприятеля... нападение последует, ко збору из деревень места... Толко, когда экстра случитца, для збору людей, также и для публики указов должно во всех заводах, рудниках и слободах иметь барабаны, и оных в тех слободах не имеетца, также у некоторых крестьян ружей нет... и подлежит им хотя копыя иметь...» Барабаны и копыя были изготовлены в Барнауле и разосланы на места — в Бердск отправили один барабан и три копыя. Деньги за них собрали с бердских крестьян. Начальство также распорядилось, чтобы бердские жители, которые не имеют ружей, изготовили себе копыя по образцу присланных.

Когда обстановка особенно обострялась, вооруженные крестьяне должны были совершать вблизи своих селений «частые и немногочисленные разъезды и по часу

ж друг друга сикурсовать непрестанно, и о набегах неприятельских наведыватца всячески...» Не уставало повторять начальство и о том, чтобы никто из жителей не ходил «для звериного и рыбного промыслов» в «степные дальные и опасные от неприятеля места». Однако это распоряжение крестьянами игнорировалось. Уже в начале XVIII века появились промысловые избушки по Карасуку.

К середине XVIII века сложились привычные охотничьи маршруты в Барабу, в Кулундинскую степь, в Алтайские горы. Добывали лисиц, белок, горностаев и других зверей, стреляли и ловили различными приспособлениями диких гусей и уток. «...В ведомстве Чеуского острогу,—заметил геодезист И. Шишков, работавший в 1739—1741 годах над описанием Томского и Кузнецкого уездов,—в деревне Алеусе и в других деревнях дикие лошади, которых ловят в Барабинской степи жеребятами, выкормя, употребляют в домовый работе». Местные реки и озера изобиловали рыбой. Уже к середине XVIII века приобрела большое значение рыбодобыча в озере Чаны. Улов отсюда развозился по всей Западной Сибири, в огромном количестве шел на Ирбитскую ярмарку, имевшую всероссийское значение. В начале семидесятых годов пуд мерзлых шук в Каинске продавался по 3 коп. Много водилось в Чанах также карасей, окуней, чебаков. Впрочем рыболовство активно велось и в других озерах и в реках.

Однако главным занятием русского населения края с самого начала было хлебопашество. С трудом подымал тучную целину русский крестьянин, и она воздавала ему сторицей. Ежегодно по Оби и ее притокам собирали богатые урожаи ржи, пшеницы, овса, ячменя и других злаков; выращивали также лен и коноплю, некоторые огородные культуры. «Более и лутчее родится рожь,—писал тот же И. Шишков,—средняя в 18, лутчая в 23 крата; яровое болши и лутчи родится ярица, которой сеют довольное число, средняя в 14, лутчая 25 крат; пшеница средняя 7, лутчая 13, овес средней 8, лутчей в 16, ячмень против овса...» В 1748 году крестьяне и разночинцы Чаусского ведомства возделывали около 3000 десятин пашни. В тридцатые—сороковые годы XVIII века этот район становится поставщиком хлеба для жителей Обского Севера. 18 мая 1739 года, например, в Чаусскую судную избу

Засолка рыбы на заимке

явился крестьянин деревни Большая Кривошековская В. Быков и заявил, что «де он ...желает плыть на барке вниз по Обе реке до Нарыма, Сургута и до Березова городов с хлебом своей пахоты...»; в том же месяце были отпущены с хлебом «до города Нарыма» жители Большой Кривошековской деревни И. Ощепков и И. Пайвин.

Геодезист И. Шишков свидетельствует, что «отпуск» зерна и муки на продажу в Нарым, Сургут, Березов был для крестьян Томского и Кузнецкого уездов в начале сороковых годов XVIII века обычным делом; жители Бердского и Малышевского ведомств, как и соседнего Алтая, вывозили также излишки хлеба в Томск, на заводы А. Демидова и в крепости по Иртышу. С передачей алтайских заводов и рудников в ведомство Кабинета в крае практикуются обязательные закупки хлеба казной; крестьянам запрещалось продавать зерно на сторону, «покуда полное число прозавоцкое содержание» провианта не будет горно-заводской администрацией приобретено. Казенные закупки оказывались весьма значительными: в 1755 году, например, жители Чаусского ведомства поставили для

военных линий и алтайских заводов 2712 четвертей хлеба, которого хватило на годовое пропитание 900 человек. Тем не менее зерно оставалось и для свободной продажи. В 1760 году, в частности, купцы Соснин и Нестеров обратились к администрации с просьбой разрешить им закупку в ведомстве Чаусского острога 20000 пудов хлеба — договоренность с поставщиками-крестьянами у них уже имелась.

Правда, бывали и неурожайные годы. «Иногда, — сообщает И. Шишков, — хлебы временно позябают, и недороды от засухи бывают...» 8 сентября 1757 года, например, «Берского острогу разных деревень лутчия крестьяна», «живущие вверх по Обе, Семен Харев, Степан Ершев, Алексей Семьянов с товарищи, всего дватцать человек, да вверх по Берде реке живущия ж Андрей Кругликов, Алексей Суворов, Федор Позолотин с товарищи, тридцать человек», «объявили подпиской», что у них «посееной еровой хлеб: пшеница, ярица, овес и ечень позябли все без остатку». В такие годы спасали прежние запасы, а те, у кого запасов не было, терпели голод.

Непременным спутником земледелия являлось животноводство. Местные крестьяне содержали лошадей, коров, овец, свиней. Особенно необходимой в крестьянском хозяйстве оказывалась лошадь: она использовалась на пахоте, на ней отправлялись на охоту и рыбную ловлю или в гости к родственникам и знакомым, на ней перевозили в порядке выполнения повинности казенные грузы и пр. Шкуры домашних животных шли на одежду и обувь. Местные крестьяне зачастую содержали целые табуны. Томский историк прошлого века Д. И. Беликов справедливо писал, что наличие «более 10 лошадей во дворе было самым обычным явлением» в обской деревне XVIII столетия. В середине лета закипали по Оби и ее притокам сенокосы: требовалось запастись на долгую зиму немало пахучего корма для лошадей, коров, других домашних «скотин». Лугов хватало всем.

Отправляясь в далекую Сибирь, осваивая ее южные окраины, бросая вызов суровой природе и внешней опасности, русские труженики искали здесь землю и волю. Землю они обрели, а воля оказалась недостижимой. Феодальное государство стремилось закрепить жителей новоприобретенных районов. Многообразными

были повинности местных крестьян и разночинцев: они платили в казну денежные и хлебные оброки, перевозили по воде и суше казенные грузы, отвечали за состояние дорог, выполняли почтовую и ямскую гоньбу, ссужали дома для начальства, амбары, крепостные укрепления, поставляли рекрутов для армии, отдавали подушные деньги, охраняли казенное имущество.

Ко всем этим повинностям и платежам прибавлялись притеснения со стороны воевод и приказчиков. В частности, Б. С. Серединин, определенный в 1723 году кузнецким воеводой, ввел в обычай поездки по деревням, требуя подношения ему «в подарок» мехов — по две-три лисицы от каждой деревни. Строптивых призывали к ответу в Кузнецк, держали здесь под стражей, подвергали побоям. Не отставали от своего начальника чиновники рангом пониже — также брали с крестьян взятки, унижали и оскорбляли их. Все это привело к антифеодальному выступлению бердских хлебопашцев.

Началом событий послужило составление в 1724 году жителями Бердского острога и подведомственных ему деревень челобитных губернатору в Тобольск и в Енисейский надворный суд (Кузнецкий уезд входил тогда в Енисейскую провинцию.— Н. М.). В них перечислялись все чинимые Б. С. Середининым и его помощниками злоупотребления. Руководство крестьянами взял на себя бердский житель П. Соколов. Знаменательна его судьба. Родился он в Мурзинской слободе Тобольского уезда. Вскоре семья переехала в Кузнецкий уезд. Соколов рано потерял отца, не вернувшегося из поездки в Джунгарию. Сам Прокофий впоследствии также не раз бывал в улусах черных калмыков, куда ездил для «торга и толмачества». Понятно, что такие поездки требовали от человека немалой смелости, мужества, выдержки и твердости. Не случайно именно Соколову доверили бердские «бунтари» роль вождя движения.

Когда о событиях стало известно в Кузнецке, Б. С. Серединин отдал приказ о поимке П. Соколова. Первоначально захватить Прокофия попытались пятидесятник Т. Чупин, капрал Т. Рокитин и десятник И. Морозов, но он отбилсЯ от них «ножом и ружьем», «противнически» заявив сыщикам, что «не подчинится даже сыну боярскому». Сын боярский И. Хабаров, ко-

торый по приказу воеводы возглавил поиск крестьянского вожака, послал для его ареста кузнецкого конного казака И. Брагина с помощниками. П. Соколов был схвачен, но крестьяне отбили своего руководителя. Прибывшему же в Бердск И. Хабарову они посоветовали быстрее убраться обратно в Кузнецк, намекнув при этом: «А у нас де на реке Бочанке прежде сего бывало много бивали и в воде прятали».

Ожидая ответа на свою жалобу от тобольского губернатора, крестьяне отказывались подчиняться распоряжениям кузнецкого воеводы Б. Серединина и местного приказчика А. Максюкова. Когда в 1725 году в Бердский острог прибыл посланный за набором рекрутов из уездного центра Д. Вагин, крестьяне заявили, что не дадут ни одного человека. Явившись 8 августа к резиденции приказчика Максюкова, бердские жители посоветовали ему убраться в Кузнецк. Разгневанный приказчик обозвал их государевыми «противниками», в ответ на что крестьянский вожак П. Соколов бросился на Максюкова с ножом. Только проворство приказчика помогло ему спастись от расправы, бежать и укрыться в доме.

На помощь Максюкову воевода прислал из Кузнецка отряд в 40 человек во главе с казачьим сотником И. Буткеевым. В деревне Караканской произошла стычка крестьян с карателями. П. Соколов имел при себе лук со стрелами, его сын Иван был с ружьем, другие — с косами, дубинками, ножами. Буткеев настаивал на выдаче П. Соколова, заявляя, что у него есть на этот счет указ от воеводы. Крестьяне же отвечали, что «де у тебя указ воровской, а составляет де те указы воевода Б. Серединин воровски, и тем указом не верим и ему де, воеводе, не подсудны...» Сотник Буткеев решил на время оставить в покое П. Соколова и для начала арестовать одного из его ближайших сообщников Г. Урюпу, который находился в деревне Гуселетовой. Однако Урюпа с шестью другими крестьянами заперся в избе. Каратели окружили избу, но на «штурм» не решились, поскольку засевшие в ней «бунтовщики» были вооружены. К тому же сам Г. Урюпа, выйдя неожиданно на крыльцо, пригрозил, что в случае нападения они предадутся самосожжению. «Для чего он в тое деревню приехал? Ежели имеет о взятие его... указ ис Тобольска,— сказал он о сотнике,— то б он,

Буткеев, мог по него прислать из Берска, и он бы... поехал, а ежели де такого указа ис Тобольска не имеет, а имеет указ от полковника Серединина, и он, Урюпа, такого указу слушать не будет».

К концу 1725 года, не добившись никакого успеха, И. Буткеев с отрядом прибыл в Бердский острог. Приказчик Максюков, несколько приободрившись при виде карательной команды, задумал собрать крестьян на сход и публично зачитать указы об аресте П. Соколова и его товарищей. 12 января 1726 года большая толпа крестьян, до 200 человек, собралась у мирской избы. Находившиеся «в скопе» люди послали старосту А. Неустроева и крестьянина С. Заганова узнать, о чем хочет поведать народу приказчик. Когда собравшимся стали известны намерения Максюкова, они пришли в негодование. Явившись к «государевой избе», крестьяне высказали свое отрицательное отношение и к воеводе и к приказчику. А. Максюкову и И. Буткееву настоятельно было рекомендовано покинуть Бердск «за ненадобностью», в противном случае грозили переломать им руки и ноги. Разъяренные угрозами приказчик, сотник Буткеев и бывшие с ним служилые люди бросились на крестьян, били их дулами ружей и палками. Однако и крестьяне действовали активно: метко брошенный жителем деревни Ельцовской Л. Чебуниным мерзлый комок земли попал в Максюкова и сбил его с ног. В ход пошли дубины. Численный перевес сыграл свою роль: крестьяне били своих врагов «на смерть»; сотника и приказчика пришлось уносить с поля боя — сами они передвигаться не могли.

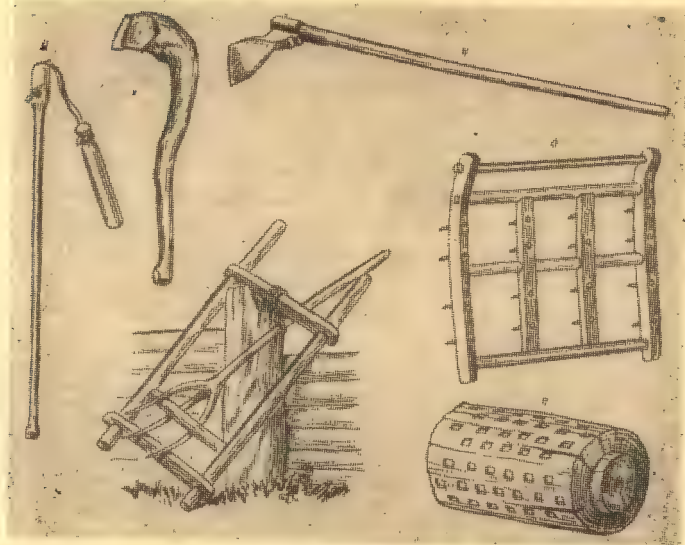
На следующий день еще большая толпа людей (до 400 человек) во главе с А. Неустроевым и С. Загановым пришла в «государеву избу», где заседал приказчик, объявила ему о том, что он лишается всякой власти; крестьяне изъяли в избе всю документацию, казенные деньги и кое-что из личного имущества приказчика. А. Максюкова и И. Буткеева восставшие выслали из Бердского острога: власть в нем фактически перешла в руки крестьян. Был избран новый староста — И. Рудаков, который вместе с П. Соколовым, А. Неустроевым и С. Загановым руководил дальнейшими действиями бунтарей. Составлялись новые челобитные губернатору; расправлялись с мирскими «противниками», Досталось, в частности, местному священ-

нику И. С. Полканову — взяточнику и пьянице. 5 февраля к нему пришли вооруженные дубьем крестьяне и обратились с вопросом, по какому праву он берет незаконные деньги за исполнение треб. «До того вам дела нет», — презрительно отвечал священник. Попа схватили за волосы и собрались бить «на смерть», но вмешался один из присутствовавших — бывший в Бердске житель Чаусского острога П. Суздальцев, который уговорил крестьян пощадить священника.

События в Бердском ведомстве серьезно обеспокоили губернскую администрацию. Губернатор М. В. Долгоруков послал в Бердский острог полковника А. Ф. Черкасова и томского сына боярского Ф. Гречанина с командой. П. Соколова схватили и доставили в Тобольск на допрос. Черкасов начал вести следствие над «бунтовщиками» на месте, в Бердске. Крестьяне пытались еще сопротивляться: отбивались от посылаемых за ними людей, бежали, отказывались давать показания. Дух сопротивления в народе поддерживал И. Соколов — сын Прокофия: «Хотя де в Бердский острог не поехали, — говорил он жителям бердских деревень, отказавшимся явиться к Черкасову, — и за то де их... не повесят — много де, разве пропестрят их кнутишком и то де слегка». И все же в конце концов крестьянам пришлось «принести вину». Все руководители движения были арестованы. 11 сентября 1729 года их публично высекли кнутом. Был бит кнутом и томящийся почти три года в застенках Тобольска П. Соколов.

Властям удалось добиться успокоения, но оно оказалось временным. 15 февраля 1732 года кузнецкое начальство сообщало, что П. Соколов, сумевший бежать и добраться до родных мест, «наипаче прежнего в Берском остроге и в деревнях жителей научает и бунтовать возмущает». По его инициативе местные крестьяне составили коллективную челобитную на новых воевод Кузнецка П. Нефедова и С. Зиновьева, а также на кузнецкого дворянина П. Мельникова и канцеляриста И. Семеонова «в чинимых ими з берских обывателей взятках». Бывший в это время приказчиком в Бердске однофамилец крестьянского вожака Д. Соколов фактически оказался не у власти. Бердские жители признавали только распоряжения П. Соколова и его ближайшего помощника солдата Юшкина, Из Куз-

Сельскохозяйственные орудия:

а — молотило; б, в — мотыги; г — станок для гнутья вил и лыж; д — борона; е — каток

неца безостановочно шли приказы арестовать Прокофия и выслать в воеводскую канцелярию. Кузнецкое начальство считало, что местный приказчик, не выполнявший его приказов, «потворствует бунтовщикам». Тобольскому губернатору пришлось на этот раз пойти на уступки крестьянам: Нефедов и Зиновьев были отстранены от должностей; против них, а также Мельникова и Семеонова губернские власти возбудили следствие.

Бердский острог вообще оказался одним из самых «бунташных» селений. В 1736 году местные жители выступили против бывшего у них приказчиком кузнецкого сотника А. Хабарова. Они потребовали от Кузнецкой воеводской канцелярии «отрешить» приказчика «от команды» за чинимые им «обиды и раззорения». Боясь развития волнений, воевода сначала отстранил приказчика от должности и послал в Бердск сотника Хомутова для «изследования» обстоятельств дела, но вскоре отменил свое решение. Тогда крестьяне пошли на крайнюю меру: в январе 1737 года в Кузнецке стало известно, что приказчик Хабаров неожиданно «умре».

Подача коллективных челобитных являлась одной из наиболее распространенных форм классовой борьбы в крае. Нередко крестьянский поверенный отправлялся с челобитьем прямо в губернский центр Тобольск, к губернатору, считая, что у воеводы справедливости все равно не добиться — слишком часто приходилось сталкиваться населению с воеводским лихоимством. В июне 1740 года Кузнецкая воеводская канцелярия приказала служилому казаку В. Климову доставить «к следствию» бердского крестьянина А. Исакова, которого местные жители выбрали своим «челобитчиком». «Не поеду,— заявил Исаков,— хоша де десять указов присылай по меня» и пригрозил: «Ежели де утеснение мне будет, я де в губернию уеду». Губернатор был где-то далеко, за белокаменными стенами Тобольского кремля, и хотелось хлебопашцам верить, что он справедлив и мудр, как и царь, который вообще уже жил где-то за дальней далью, в почти сказочном Петербурге.

Мирные десятилетия

В ПОИСКАХ УГОЖИХ МЕСТ

Уходили в прошлое те времена, когда чужие кони вытаптывали посевы, обращали в пепел тесовые русские избы — воинственные степняки были надежно блокированы цепью укрепленных линий. Становились ненужными крепостные укрепления, надолбы и рогатки вокруг деревень. В 1777 году в **Чаусском остроге** уже не было служилых людей; здесь проживали семьи крестьян В. Вишневецкого, А. Безумных, Степана и Петра Овчинниковых, Г. Тарабыскина, А. Ковригина, И. Грибова, Василия и Петра Козьминых, О. Клевакина, П. Езова, М. Останина, И. Казакова, И. Ермакова, Т. Чиркова, двух Иванов и Луки Рудневых, Ф. Панова, А. Савинских, И. Завьялова, С. Белых, Д. Ненашева, Я. Плешкова, М. Большакова, И. Трапезникова, А. Сваровского, Д. Духовникова, И. Секисова, М. Галанцова, П. Мурзина, А. Окункова, вдов М. Трапезниковой и М. Толчаиновых, а также мещан П. Попова, Афанасия и Ивана Кошеутовых, К. Федотова, Д. Сергеева, Я. Френева, А. Шеболтасова, А. Савельевских, Я. Власова и И. Овчинникова, отставных казаков П. Завьялова и Л. Сахнина, подканцеляриста Н. Мурзина, священников И. Ашарова и И. Суслова, дьякона Я. Курбаковского, дьячка М. Дулепова, пономаря М. Иволинова, управителя секунд-майора С. Беликова (у Беликова имелось 6 человек дворни).

Прихожанами Чаусской церкви в это время были также жители деревень Мельниковой (11 семей — все крестьяне), Большой Оешской (39 семей — все крестьяне), Самочерновой (6 семей — все крестьяне), Малой Оешской (14 семей — все крестьяне), Киселевой (5 крестьянских семей), Воробьевой (4 крестьянские семьи), Черемшанской (26 крестьянских семей), Подволошной (23 крестьянских семьи), Мысовской (16 крестьянских семей), Тырышкиной (26 семей крестьян и семья отставного солдата), Панафидиной (5 семей кре-

стьян), Табатчиковой (39 семей крестьян), Скалинской (18 семей крестьян), Анбинской (16 семей крестьян), Тропиной (13 семей крестьян), Паутовой (11 семей крестьян), Кандыковой (11 семей крестьян), Юнской (38 семей крестьян), Каменской (12 семей крестьян), Мочищенской (7 крестьянских семей), Мельниковой 2-й (3 крестьянских семьи). Всего в Чаусском приходе в 1777 году числилось 1881 человек мужского пола и 1890 — женского.

Рядом находился приход Крохалевской введенской церкви, куда входили деревни Крохалевская, Грязнушенская, Соколова, Чиковская, Прокудкина, Казакова, Криводанова, Вахрушева, населенные преимущественно крестьянами-старожилами, а также деревни «ново-заведенные», где жили недавние крестьяне-переведенцы, — Крутые Лога, Иткульская, Чулымская, Ярковская, Каятская, Каргатская Дуброва, Сахтинская, Овчинникова; все население составляло 1999 человек (1090 — мужского пола и 909 — женского). Показательно, что еще в 1773 году в Крохалевском приходе проживало только 973 человека обоего пола. Более 1000 человек, таким образом, поселились здесь в период между 1773 и 1777 годами. Это были в прошлом помещичьи крестьяне, сосланные в Сибирь из Европейской России в зачет рекрутов. Их селили на месте существовавших по тракту зимовий.

Например, в Крутых Логах в 1777 году жили П. Тимофеев с женой, детьми, племянником и подворником И. Ловыхевым; Е. Ливницов с женой, сыном, женатым братом и подворником Л. Плотниковым; Т. Попов с женой, дочерью и подворником Д. Чируевым; М. Осипов с женой, детьми и семейным подворником Н. Зайцевым; С. Ворызгин с женой, сыном и семейным подворником В. Черниковым; И. Васильев с женой, замужней дочерью и семейным подворником И. Беляевым; имели подворников и другие домохозяева — Г. Петров, А. Попов, Ф. Петрушин, М. Стефанов, Ф. Свиридов, И. Иванов, И. Кромской, В. Семьянистов, И. Корольков, И. Захаров, А. Иванов, Л. Паншин, Я. Федоров, А. Красовский, В. Стулов, П. Лепихин, С. Щекин, Е. Федотов, С. Пуринев, А. Савельев, И. Селиванов, Я. Подошников, И. Ларионов, М. Федоров, В. Михайлов и Г. Мартынов.

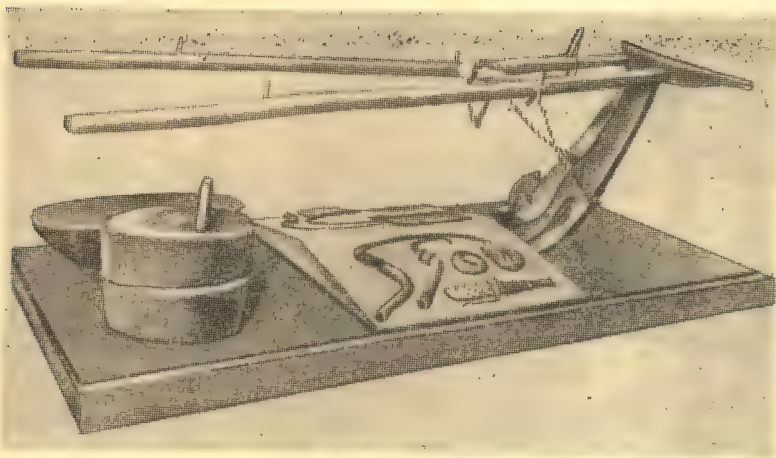
Некоторые из перечисленных крестьян жили вместе

со своими «товарищами». Например, об И. Ларионове известно, что он имел жену Екатерину, 42-х лет, и «товарища во дворе» П. Дмитриева, 42-х лет, у которого были жена Матрена и дочь Анна. С В. Михайловым и его женой Евдокией в доме проживали два «товарища» — С. Гаврилов и А. Фомин. О П. Лепихине также сообщается, что у него были жена Параскева и два «товарища» — И. Григорьев и Г. Родионов. Такие своеобразные «семьи-товарищества» — неродственные объединения, выполнявшие функции обычной семьи, существовали и в других деревнях. Они включали от 2 до 5 и более холостых или женатых мужчин с возможными родственниками и возглавлялись обычно старшим по возрасту. Их появление объяснялось тем, что в XVIII веке для успешного обоснования переселенцев на новом месте требовалась известная кооперация труда и средств. Со временем эти «товарищества» распадались на отдельные семьи.

Часть деревень, административно подведомственных Чаусскому острогу, составляла приход Умревинской церкви. Кроме самого Умревинского острога (в 1777 году в нем проживало 3 семьи священнослужителей и 11 крестьянских семей) в этот приход входили деревни Ташаринская, Дубровина, Поросская, Каменская, Кындыбозинская, Вашинская, Ботинская, Кунгурова, Глызина, Кайлинская, Канарбуцкая, Калаганова, Бугатацкая, Маткова, Карбысацкая, Елбацкая и Черномысская, Умревинская дистанция. В деревне Черномысской жили ясачные татары; Умревинская дистанция и деревня Елбацкая возникли в семидесятые годы XVIII столетия и были населены ссыльными поселщиками. В последних двух деревнях насчитывалось всего лишь 30 семей, и только в 10 из них имелись дети. Основную массу поселщиков составляли холостые мужчины, в возрасте от 20 до 50 лет. Все население прихода насчитывало 1736 человек, в том числе духовного сословия 14 человек, мещан — 295, крестьян и поселщиков — 1314, новокрещеных ясачных людей — 113.

По соседству с Умревинским приходом находился приход Гутовской церкви, куда относились село Гутово и деревни Рожневская, Горевская, Ирбинская, Долгова, Кудрина, Кускова, Тогучинская, Агафониha, Изылинская, Вассина. Некоторые из этих деревень были «но-

Орудия сельского хозяйства: соха, серпы и ручной жернов

возаведенными», и в них проживало по 1—2 семьи. Так, в деревне Рожневской имелся один крестьянский двор, принадлежавший вдове И. Палкиной; на подворье у вдовы жил ее родственник В. Палкин, 35-ти лет, с женой и сыном. В деревне Кудриной также был лишь один дом — вдовы М. Коурдаковой, имевшей 6 детей. Однодворкой являлась и деревня Кускова — здесь жила семья мещанина А. Галактионова. Другие деревни были многонаселенными. В деревне Изылинской, например, насчитывалось 16 дворов, 4 из них принадлежали мещанам: вдове И. Ебутовой, А. Бубнову, С. Елтышеву и вдове И. Бубновой; остальные были крестьянскими — в них жили семьи В. Горячева, И. Чертенкова, вдовы Т. Чертенковой, Я. Чертенкова (у него на подворье ютилась семья А. Чертенкова), Е. Кудрявцева, П. Волкова (на подворье — Л. Баратаев с женой Ульяной), И. Кулаковского, В. Медянкова (на подворье — вдова Е. Чертенкова с детьми), Д. Березовского, вдовы П. Беляевой, П. Кулаковского, В. Попова (на подворье — В. Попов с женой Марьей), А. Саламатова.

В деревне Тогучинской жили и русские мещане: семьи Г. Куташева, И. Чернова, Г. Шерстобоева, И. Номова, Ф. Палкина, вдовы Д. Бакмасовой и «женка» У. Алексеева и крестьяне: семьи Ф. Гилева, А. Гор-

лова, вдовы М. Березовских, С. Большакова, С. Болашова, И. Балаганского, Я. Балаганского, Е. Лязгина, И. Балаганского, В. Двенекова, И. Балаганского, И. Гилева, М. Боброва, и ясачные крещенные татары: семьи вдовы Е. Балаганской, С. Чибичакова, А. Качкина и В. Качкина. Готовскую церковь обслуживали поп В. Попов, дьячок Е. Иволинов и пономарь И. Боровских, живший на подворье у дьячка. В самом селе Готове имелось 5 мещанских дворов: дворовладельцы И. Малев, вдова М. Малева, Б. Кудрин, Р. Чапышев, В. Кудрин, подворник Чапышева — И. Кудрин и 13 крестьянских дворовладельцев: Ф. Кудрин, С. Зоркольников, И. Шелехов, С. Шелехов, А. Поляков, С. Березовский, В. Шубин, А. Шубин, И. Шубин, С. Колмогоров, Я. Сергеев, П. Шелехов и И. Шубин 2-й. Всего в Готовском приходе числилось 552 человека мужского пола и 515 — женского.

Имелась церковь и в селе Кривошековском, как стала называться деревня Большая Кривошековская. В 1777 году при ней не было священника, службу отправляли дьячок А. Сафьянов и его брат пономарь Ф. Сафьянов. Кроме церковнослужителей в селе жили мещане: семьи Г. Шевелева, Семена и Григория Кривошапкинских; Ф. Шакова и вдовы П. Быковых и крестьяне — семьи Григория и Михайлы Быковых, С. Жукова, И. Копнина, М. Быкова, И. Замятнина, А. Чистякова, Ф. Епанчинцова, Ф. Барабанщикова, А. Белоусова, и И. Ядрова, Федора, Игнатия и Матвея Шаковых, С. Тюменцова, А. Чернышова, Ф. Чистякова, Е. Некрасова, С. Неупокоева, И. Каренгина, Ф. Русакова, И. Кузнецова, М. Ощепкова, вдов Е. Быковой, Е. Подгорбунских, А. Томиловых, И. Кочергинных и П. Погадаевых.

Прихожанами Кривошековской церкви были также жители деревень Ересной, Толмачевой, Инской, Каменской, Луговой, Малой Кривошековской, Чемской, Изревинской, Малой Чемской, Вертковой, Верх-Тулинской. В деревне Ересной, в частности, жили семьи крестьян И. Русакова, П. Кузиванова, А. Пайвина, Г. Карбалина (на его содержании находилась жена, дети, внуки, а также брат Дмитрий, которому в 1777 году исполнился 101 год), Ивана и Михайлы Быковых, вдов В. Быковых, А. Пайвиных; в деревне Толмачевой — Павла и Ивана Ощепковых, И. Филишова,

Михайлы, Саввы и Степана Банниковых, Михайлы, Андрея и Василия Шмаковых, вдов Д. Банниковых, Евдокии и Ирины Филюшевых; в деревне Инской — Андрея и Степана Белкиных, Е. Маслова, Д. Казанцева, С. Белоусова, Ф. Седельникова, И. Барышева, Ф. Колесникова, вдов К. Белкиных, Е. Овчинниковых, М. Рошковых; в деревне Каменской — И. Кривошапкина, С. Пупкова, И. Бурматова, вдовы К. Половниковых; в деревне Луговой — Р. Кунгурцова, В. Семенцова, Д. Подкутина, И. Табатчикова, К. Табатчикова, Г. Гусельникова, вдовы А. Тоскиных; в деревне Малой Кривошековой — М. Кривошеина, А. Брагина, Г. Мордвинова; в деревне Чемской — Р. Половникова, К. Бердышева, Ф. Шешминцова, С. Шатрова, У. Зырянова, М. Подкутина, вдов И. Шешминцовых, М. Шатровых, М. Распопых; в деревне Изревинской — И. Гусельникова, М. Шишунова, С. Югова, С. Сатанина, вдов Е. Черनावиной, Н. Черनावиной; в деревне Малой Чемской — Е. Ананьина, А. Устинова, Ф. Головина; в деревне Вертковой — А. Верткова, вдов Д. Томиловых, У. Важениных, В. Ощепковой; в деревне Верх-Тулинской — И. Даурцова, А. Береговых, А. Жукова, И. Киселева, И. Денисова, И. Жеребцова.

Позднее в Кривошековском приходе появляются деревни Бугринская, Сатанина, Шатрова, Кривошапкина, Барышева, Плотникова, Кобылий Лог. Так шло формирование комплекса деревень, которым в будущем суждено было влиться в молодой, стремительно растущий город на Оби — нынешний Новосибирск.

Во второй половине XVIII века правительство стремилось прежде всего заселить барабинский участок Московского тракта. В частности, 13 декабря 1760 года принят указ Сената о переселении в Сибирь вообще, в том числе и в Барабу, помещичьих крестьян в счет рекрутов. Речь шла о тех крепостных хлебопашцах, от которых помещики желали избавиться, которые отличались «продерзостными поступками». И с 1760 года в Барабу хлынул поток помещичьих крестьян. В связи с этим на тракте появляются новые деревни, некоторые из них уже назывались. В 1773 году из Восточной Сибири в Петербург возвращался академик П. С. Паллас, который в своем дорожном дневнике отметил встречавшиеся ему на пути населенные пункты. Миновав волок между Обью и Томью, путе-

пешественник прибыл в деревню Иксу (современное Зудово), отсюда двинулся к деревне Елбак, стоящей на р. Елбак, затем — к деревне Оешенской (Малой) и, наконец, достиг Умревинского острога. Следующая остановка была в деревне Ташаринской.

После этого Паллас проехал деревни Дубровину, Орский Бор, населенную чатами, и оказался в Чаусском остроге. Из деревень, лежащих к западу от Чаусского острога, Паллас отметил Подволошную, Шелейну (вероятно, другое название деревни Крутые Лога), Овчинниково зимовье, за ним Сактинскую (Сахтинскую), при озере Сакти, в которой имелось тогда 8 дворов. Останавливался путешественник также в селении при Иткуле, где было 38 дворов, в Черепановом зимовье, в деревне Каргатской (здесь, сообщает Паллас «сперва форпост был»), в новом селении Колмаковском, в котором проживало тогда 30 человек. Каинская слобода, как стал называться форпост при впадении р. Каинки в Омь, по свидетельству Палласа, лишилась третьей части своих жителей, переселившихся ближе к Оби, на новую дорогу, прокладываемую через бескрайнюю степь от Барнаула к Тобольску, в междуречье Бурлы и Карасука.

За Каинском путешественнику встретились деревни Каменная, Антошкино зимовье, ямская деревня при р. Иче (нынешняя деревня Покровка), Турумово зимовье, Голопупово зимовье при Тартасе, селение при р. Оми, именуемое по старой земляной крепости Тайгурой (позднее село Вознесенское). В последнем селении, как сообщает Паллас, жил комиссар, который «наблюдал» за всеми новозаведенными между Иртышом и Обью деревнями. Далее путь пролегал через Брызгалово зимовье, Камышево зимовье, Усть-Тарку и Копьево зимовье «с новозаведенным селением» на Такмытскую слободу.

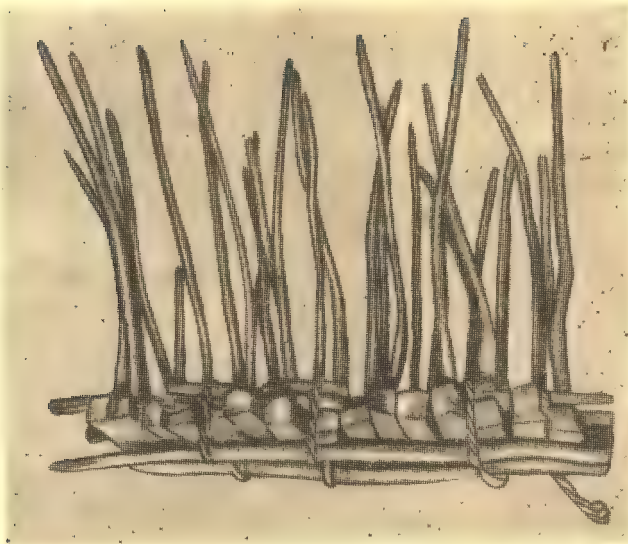
Проезжавший здесь же в 1772 году И. П. Фальк назвал еще ряд селений, в том числе стоявшие в стороне от тракта. Так, присланные в Барабу в 1771 году крестьяне образовали по нижнему течению р. Тартаса деревни Новый Тартас, Ключевую, Красноярскую, Орловку и Усть-Изецкую. В 1770 году на р. Оми на юг от тракта была основана деревня Игнатьева (она же Посадская). И. П. Фальк называет также деревню Еланку, в которой было 90 дворов, населенных ссыльными.

Возникла к 1772 году и деревня Верхне-Омская — в 75 дворах этой деревни жило 108 присланных из Европейской России крестьян. С 1767 года по р. Оми существовала, по утверждению Фалька, деревня Хомутная, в которой в 1772 году имелось 35 жителей, также ссыльных. С 1770 года вела свою «родословную» деревня Резина. Турумово зимовье, судя по данным И. П. Фалька, к 1772 году уже представляло довольно большое селение из 70 домов и в них — 130 жителей. Фальк называет еще деревню Идшимскую, в которой в 1770 году числилось 30 «ссылочных семейств», и деревню Карачинскую, существующую с 1771 года.

Подробные сведения приводит путешественник о деревне Назаровой. В ней в 1771 году имелось 25 дворов, в них — 65 мужчин, 64 женщины и 14 детей. Русские «колонии» из ссыльных, как свидетельствует Фальк, существовали также при озере Пещаное, Мангазерское. В деревне «Манглазар», как называл ее путешественник, основанной в 1771 году, имелось 13 дворов, в которых жило 70 человек. В дневнике Фалька указаны деревни Нагибина, Баженова, Мураши (Мараши) — в последней жило 48 семейств, сосланных из помещичьих имений Орловской губернии, Антипова, основанная в 1770 году (в ней 17 дворов, а в них — 36 жителей), и ее ровесница Ново-Болотова (60 жителей). Всего в 1771 году в деревнях по Барабинскому тракту, по данным И. П. Фалька, было 4438 человек, из них 2455 мужчин, 1349 женщин и 634 ребенка.

Фальк пишет, что новые барабинские деревни были выстроены по единому плану, все дома — в одну меру. Во многих из них имелся староста из числа солдат, который наблюдал за порядком; наказывал провинившихся; без позволения старосты никто не смел отлучаться из деревни. «Колонисты» — ссыльные крестьяне — оказались трудолюбивыми земледельцами; некоторые из них, по замечанию Фалька, имели немалый достаток.

До 1784 года русское население Барабы входило в Тарский уезд, затем был образован самостоятельный Каинский уезд. В это время в новом уезде было 4 церковных прихода, 3 села, 85 русских деревень и 87 татарских селений. Все население составляло 9999 человек мужского пола и 8454 — женского. К 1790 году в уезде числилось уже 10720 жителей мужского пола и

Борона-суковатка

8949 — женского, из них крестьян 4647 душ обоего пола, поселщиков 10270 душ, церковнослужителей — 39, отставных солдат и казаков — 88, ямщиков 7, остальные — ясачные татары. В деревнях Голопуховой, Убинской, в селе Иткульском в это время имелись торжки, где продавались изделия крестьянской домашней промышленности и сельскохозяйственные продукты. Жители занимались хлебопашеством, разводили скот, ловили рыбу и охотились на зверей — преимущественно на лисиц и горностаев. Землю пахали сохами на лошадях. Сеяли на одном месте до 5 раз, а максимум через 5 лет участок оставляли в залежь, «которой продолжение иметь должно не менее 25 лет».

Если Барабу заселяли преимущественно ссыльные крестьяне, то в Приобье новые деревни чаще всего образовывались в результате отселения семей из «старозаведенных» селений. Приток людей извне продолжался. В основном это были вольные колонисты, но число их оказывалось не столь значительным, как прежде. Инициатива организации деревень принадлежала исключительно самим крестьянам. Можно проследить, как формировалось постоянное население таких дере-

вень. Так, в деревне Чупиной Бердского ведомства в 1782 году числилось 30 жителей мужского пола и 29 — женского. Возникла деревня в 1764 году, когда сюда из деревни Кинтерепской переехали «собою» крестьяне Чупины — вдова Марфа Константинова дочь, 41 года, с детьми — Василием, 4 лет, и Прасковьей, 3 лет. В следующем году к ней присоединились жители деревни Пайвиной: вдова П. Казанцева с сыновьями и дочерьми, Н. Чупин, имевший жену и дочь, семья вдовы О. Чупиной, Ф. Демин, братья Федоряевы — Афанасий и Дмитрий. Позднее, в 1770 году, сюда на постоянное жительство из деревни Никоновой переехал А. Огнев.

Деревню Ургунскую того же Бердского ведомства в 1765 году основали переехавшие самовольно из деревни Детлевой крестьяне Епанчинцовы. К 1782 году глава семейства уже умер, но в деревне продолжали жить его женатые сыновья и внуки. В 1769 году отметили новоселье еще две семьи — Р. Кузиванова и Г. Тумашева, ранее жившие в деревне Шипуновой. Со временем в деревне Ургунской появились и переведенцы. В 1776 году сюда по указу Канцелярии горного начальства перевели с женой и детьми жителя деревни Усть-Каменской Томского ведомства И. Серебренникова, в 1778 году — крестьянина П. Бабикова из деревни Чернодыровой Бердского ведомства и в 1779 году — А. Шеманаева из бердской деревни Детлевой. В том же году здесь поселился с семейством «переехавший собою» из деревни Чернодыровой брат П. Бабикова Прохор, а в 1781 году из деревни Детлевой сюда переехали брат А. Шеманаева Петр и его земляк С. Глатков, с женой и детьми. Все население деревни Ургунской к 1782 году насчитывало 54 жителя мужского пола и 68 — женского.

В 1764—1765 годах также по личной инициативе крестьян в ведомстве Бердского острога были основаны деревни Шадрина и Евсина. Вообще вольные переезды хлебопашцев из одной деревни в другую или в места, еще не населенные, были во второй половине XVIII века для Новосибирского Приобья обычным явлением. Так, в деревне Суседовой Бердского ведомства по переписи 1763 года числилось 37 человек; к 1782 году в ней появилось 9 новых дворов крестьян, перебравшихся сюда по своей воле из окрестных селений. Из

деревни Кинтерепской с 1763 по 1782 год «съехали» в другие деревни 48 человек, а из деревни Медвецкой за то же время — 13 человек, но одновременно в ней появилось 18 новых жителей. В частности, в деревню Карагузеву Барнаульского уезда уехал из Медвецкой Ф. Деревнин; в деревню Мостову перебрались «собою» А. Хомяков с матерью и сестрой, в деревню Колыванскую перевели по указу горно-заводского начальства семью Панкратьевых; И. Архипов «перешел» самовольно в село Легостаевское. Среди новых домохозяев деревни Медвецкой были переехавшие «собою» С. Калачев (из бердской деревни Кошелевой), П. Брынской (из деревни Шипковой того же ведомства), А. Саланин (из деревни Вылковой), а также переведенные В. Головкин (из деревни Девкиной) и Е. Елисеев (из деревни Ельцовской ведомства Чаусского острога).

Главной причиной переездов был поиск свободных «угожих» пахотных мест. Так, в январе 1785 года начальство удовлетворило просьбу крестьянина С. Ушакова из деревни Суседовой ведомства Легостаевской слободы о переселении его в деревню Нижне-Кинтерепскую. Просьбу свою он обосновал тем, что деревня Суседова «заведена назат тому уже лет тридцать, и по размножению протчих жителей окружныя земли опалились, сенные покосы обкосились, равно и скотской выпуск стал совсем скуден». Жители деревни Чупиной Бердского ведомства Алексей и Максим Архиповы, по их просьбе, в 1789 году были отпущены с семействами к поселению на «сысканном новом месте... по речке Милтюшу», поскольку чупинцы, «по малости лежащих около Чупиной деревни пашенных и сенокосных земель», терпели в них «немалую нужду».

Начальство легко разрешало крестьянам переселяться внутри того или иного округа, требуя лишь, чтобы каждый из них брал в своей общине «отпуск», или «увольнение», а по новому месту жительства — «приемное свидетельство». Сохранились подлинники таких «увольнений» и «приемных свидетельств», составленных деревенскими грамотеями. Так, в марте 1788 года житель деревни Карасевой ведомства Бердского острога И. Полковников решил перебраться на р. Иню, в деревню Черепанову. В данном ему «увольнении» значилось: «Деревни Карасевой крестьяне сказали единогласно, что... мы не держим, он нам не помощник,

поезжай в Черепанову». «Деревни Чирипановой крестьяне во опшество принимают крестьянина Ивана Полковникова,—говорилось в «приемном свидетельстве»,—у них землепашество и скотских выпусков в доволности...» Составлялись и более подробные приговоры об отпуске и приеме переселенцев. «Деревни Лушниковой нижеподписавшиеся крестьяне объявляем, что оной же деревни крестьянина Василя Шаманаева хлебопашотные земли против прежних времен плода не приносят и скотской выпуск весьма удален. И для переселения в деревню Огневу Заимку с семейством его отпускаем...»,—писалось в «увольнении» за 1781 год.

Довольно часто, впрочем, крестьяне переселялись самовольно без всякого разрешения. Власти пытались бороться с этим, требовали от выборных волостных начальников пресекать подобные нарушения закона, иногда силой возвращали переселенцев на прежние места. Но все меры борьбы со стихийной миграцией оказывались неэффективными.

В целом русское население Новосибирского Приобья неуклонно росло. Перепись начала восьмидесятых годов XVIII века зарегистрировала в ведомстве Бердского острога 6779 жителей мужского пола (около 50 из них — мещане, 40 поселщиков-ссыльных, остальные крестьяне), в ведомстве Чаусского острога — 2076 жителей (около 50 мещан, остальные крестьяне), в ведомстве Малышевской слободы — 7245 жителей (все крестьяне). В это время в Бердском ведомстве, помимо самого острога, сел Ирменское и Легостаево, числились следующие русские деревни:

Карагушева	Пичугова	Евсина
Кошелева	Поперешна	Заковряшина
Лушникова	Тальменская	Койнова
Анисимова	Урюпина	Верхне-
Литвинова	Чернодырова	Кинтерепская
Загайнова	Чупина	Коенская
Шмакова	Шипкова	Луговая
Плешкова	Шарчина	Лушниковая Заимка
Лиственка	Пенкова	Макарова
Безменова	Краскова	Понкина
Ново-Пяткова	Мамонова	Суседова
Зимовье Ганюшкино	Белова	Гулинская
Ново-Шмакова	Вылкова	Ургунская
Огнева Заимка	Горевская	Харина
Медвецкая	Дурашкина	Чупина 2-я
Мильтюшская	Верхне-	Шагунова
Мышланова	Елунина	Шарина-

Речкунова
Барсукова
Пайвина
Атаманова
Бородавкина
Вянина
Гуселетова
Детлева
Дорогина Заимка
Ельцовская
Елбанская
Верхне-
Ирменская
Артамонова
Нижне-
Кинтерепская
Козиha
Локтевская

Морозова
Малинина
Пименова
Сосновская
Темнова
Харева (Бурмистрова)
Усть-Чемская
Шлепкова
Шигаева
Шарабская
Никонова
Маслянина
Биткова
Бороздина
Гусельникова
Гилева
Девкина
Еремина

Ересная
Завьялова
Инская
Карасева
Карбысацкая
Верхне-Караканская
Луговая 2-я
Мостовая
Ординская
Петухова
Таскаева
Улыбина
Хлопунова
Черепанова
Шадрина
Шипунова
Шурыгина

В ведомстве Чаусского острога в 1782 году было 94 русских селения. Кроме этого острога и Уртамского, сел Кожевниково, Кривощеково, Крохалевское, сюда входили деревни:

Ояшинская
Батоногова
Вьюнская
Грязнушенская
Усть-Инская
Канарбуржская
Малая Кривощеков-
ская
Киселева 2-я
Лагунова
Мысовская
Овечкина
Панафидина
Погорельская
Сарбалыцкая
Верх-Тулинская
Чагалинская
Нижняя Чемская
Аркатьева
Еловка
Бунькова
Воронова
Кандыкова
Коткова
Лебедева
Маркова
Прокудкина
Сартакова
Дубровина

Бозойская
Верткова
Гутова
Казакова
Кубавинская
Криводанова
Кичигина
Моткова
Мельникова
Паутова
Подволошная
Самочернова
Ташаринская
Ушакова
Черемшанская
Сафронова
Южина
Ересная
Бугой
Изревинская
Кайлинская
Киселева
Мочищенская
Большая Оешская
Тропина
Саракулова
Анбинская
Богатинская
Ворёбьева
Ельцовка

Каменская
Каменская 2-я
Козина
Луговая Инская
Луговая Катайцова
Малая Оешская
Порозская
Соколова
Скалинская
Толмачева
Федосова
Чиковская
Еловка
Воронова
Ересная 2-я
Вахрушева
Изревинская 2-я
Кривошапкина
Локтевая
Малыгина
Рожнева
Помельцова
Тырышкина
Табачникова
Черемшанская 2-я
Черепанова
Шагалова
Чилининская
Верхняя Чемская

Таким образом, к Чаусскому острогу оказались приписанными и некоторые селения, относящиеся в настоящее время к Томской области.

Что касается Малышевского ведомства, то большая часть числящихся в нем к 1782 году русских селений позднее отошла к Алтайскому краю. Перепись этого года зарегистрировала здесь следующие деревни:

Суслову	Средне-Алеускую	Малышеву
Панову	Алеускую Верхнюю	Усть-Меретскую
Вылкову (на р.	Белкину	Поротникову
Кулунде)	Высокую Гриву	Пушкареву
Кучук	Городищенскую	Соплячиху
Пещаную	Зорину	Телеутскую
Антонову	Каргаполову	Трубачеву
Андронову	Крутишинскую	Чулымскую
Белоухову	Коневу	Нижне-Суетинскую
Волчью	Молокову	Нижне-Чингизскую
Гунину	Масляшинскую	Белову
Елбанскую	Новую Омутную	Овечкину
Нижне-Идолову	Подойникову	Усть-Мосиху
Кырзинскую	Селезневу	Ново-Обвинцову
Каменскую Нижнюю	Спирину	Аллацкую
Конук	Тюменцову	Боеву
Лушникову	Черемшанскую	Бедрину
Милованову	Яровскую	Гонохову
Мезенцову	Островную	Дресвянку
Прослоушинску	Жаркову	Верхне-Идолову
Кайлину	Куликову	Костылеву
Соколову	Грамотину	Киприну
Тараданову	Старо-Обвинцову	Котлину
Черепанину	Алеускую	Усть-Лукову
Шандурову	Белкову	Малетину
Верхне-Чингизскую	Батурову	Панкрушиху
Шипунову (при Кас-	Гилеву	Плотникову
мале)	Горносталеву	Столбовую
Клочкову	Инскую	Верхне-Суетинскую
Шипунову (при Ку-	Каменскую	Верхне-Сузунскую
лунде)	Корнилову	Нижне-Сузунскую
Шелаболиху	Кротову	
Боровикову	Карасукскую	

В ведомстве были также Шелаболихинская заимка и Малышевская слобода.

Некоторые деревни, основанные русскими колонистами в Новосибирском Приобье в восьмидесятых годах XVIII века, входили в **Сосновское ведомство**, в частности: Иксинская (при р. Иксе), Кузнецова, Калаганова (при р. Ине), Моткова (при р. Ине), Буготак (при р. Буготак), Канарбурская (при р. Ине), Изылинская, Чертенкова, Горевка, Восина, Долганова, Ага-

Женские
головные уборы

фонова, Чемская, Карасева, Елтышева, Кайлинская (при р. Ине), Рожнова, Ирбинка, Долгова, Кунгурова, Черепанова, Тогучинская, Русакова, Танакова, Кушменская, Шицкая, Кускова, Сухострелова, Саламатова, Калягина, Федорова, Ново-Абышева, Глубокая, село Гутово.

В конце восьмидесятых годов XVIII века административное деление Новосибирского Приобья было пересмотрено и введены более мелкие территориальные единицы. В частности в ведомстве **Бердского острога** (именовавшегося отныне Бердской слободой) осталось всего 22 русских селения: кроме самой слободы деревни Шарина, Пиминова, Ельцовская, Сосновская, Мильтюшская Завьялова, Атаманова, Бороздина, Тулинская, Гуселетова, Бурнистова, Хлопунова, Верх-Мильтюшская, Гилева, Лохтева, Горевка, Весница, Бородавкина, Чупина, Улыбина и Наейкова. В 1793 году

во всех этих селениях насчитывалось 1453 жителей мужского пола и 1250 — женского. В **Чаусском ведомстве** к концу столетия было 26 русских, селений: село Чаусское и деревни Подгорная, Мельникова, Скалинская, Анбинская, Тропина, Южина, Паутова, Вьюнская, Кандыкова, Черемшанская, Белоярская, Тырыш-кинская, Большой Ояш, Малый Ояш, Самочернова, Киселева, Воробьева, Черемшанская, Табатчикова, Панафидина, Мысовская, Подволошная, Вахрушева, Грязнушинская и Соколова.

Выделилась самостоятельная **Кайлинская волость**: в ней к 1806 году проживало около 680 крестьянских семей. Она включала деревни Кайлинскую, Ирбинскую, Долгову, Манойлову, Савинову, Таскаеву, Голяшеву, Татаринову, Асанову, Шитикову, Бжитскову, Ачинскую, Елфимову, Ивановскую, Корнилову, Тогучинскую, Кудрину, Борцову, Канарбуги, Калаганову, Буготакскую, Орскую, Моткову, Черепанову, Карпысацкую, Усть-Каменскую, Чемскую, Агафонию, Боровлянскую, Дергоусову, Пенкову, Васину, Горевку, Чертенкову, Больше-Изылинскую, Сухострелову, Русакову, Куспенскую, Осиновскую, Кицкую, Елтышеву, и село Гутово. Правда, в селе было всего 6 домов. Вообще селения в Кайлинской волости, как и в других волостях Приобья, оставались, как правило, малолюдными. Так, в деревнях Дергоусовой, Пенковой, Мотковой и Татариновой имелось только по 3 дома, в деревне Кудриной — дом, в Елтышевой и Боровлянской — по 5 домов, в Голяшевой, Манойловой — по 8. Самыми населенными были деревни Большеизылинская (40 домов), Елфимова (40 домов), Сухострелова (37 домов), Русакова (35 домов), Шитикова (35 домов), Куспенская (32 дома) и Горевка (30 домов).

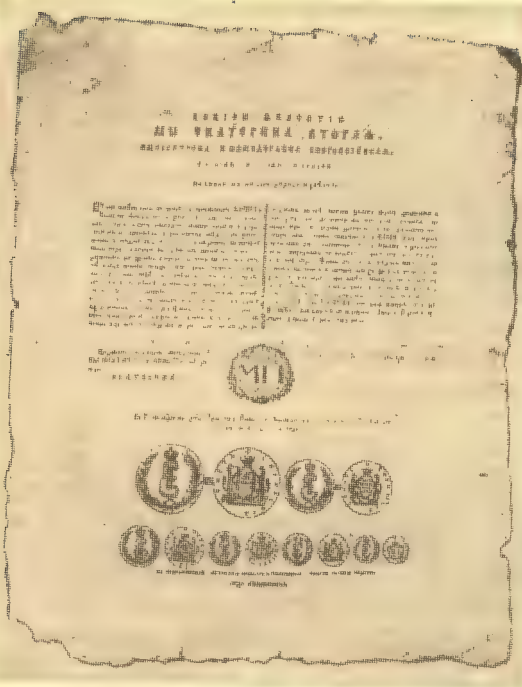
К началу XIX столетия в **Легостаевской волости** числилось 2186 жителей мужского и 2396 женского пола. Сюда кроме села Легостаевского отошли деревни Мостовая, Суседова, Кинтерепская, Верхне-Детлева, Чупина, Усть-Чемская, Девкина, Харина, Горлова, Детлева, Шипунова, Койнова, Вылкова, Чернодырова, Тальменская, Кoenская, Морозова, Толкачева, Шипкова, Дорогина Заимка, Ново-Инская, Крутишка, Шадрина, Евсина, Ургунская, Медвецкая, Гусельникова, Белова, Серебренникова, Ново-Суседова, Елбашинская, Верхне-Кoenская, Суенгунская.

В Малышевской волости в конце XVIII века было 16 русских селений, в Чингисской — 31, в Бурлинской — 30, в Ояшинской — 17, в Кривошековской — 37, в Ординской — 34. При этом общее число населенных пунктов в Новосибирском Приобье продолжало неуклонно расти. Трудолюбивые крестьянские руки любовно обихаживали ставшую истинно русской землю, людские сердца прикипали к роскошным хвойным лесам по берегам Оби, к живой зелени луговых степей, густо одетых березовыми рощами, просвеченными солнцем. В семьях хлебопашцев подрастали дети и внуки. Так осуществлялось первоначальное освоение привольного благодатного края, ставшего очень скоро важнейшей житницей всей Западной Сибири.

СУЗУНСКИЙ ЗАВОД

В начале XVIII века в предгорьях Алтая местные рудоискатели открыли месторождения серебряных и медных руд. В частности, богатые запасы медной руды нашли около Колыванского озера. Об этом стало известно уральскому промышленнику А. Демидову — крупнейшему предпринимателю России этого периода, человеку нахрапистому, дерзкому, талантливому, радеющему и о своих интересах и о «государственной пользе». Для испытания руды он немедленно отправляет на Алтай своего доверенного — подьячего Д. Семенова, по прозвищу «Козыи-ножки», а в 1726 году спрашивает у правительства разрешения построить на р. Локтевке медеплавильный завод. Однако уже в 1727 году А. Демидов решает перенести завод на новое место — на р. Белую, к подошве горы Синюхи. Этот завод, названный Колыванским, начал действовать в 1729 году. Он был укреплен валом, палисадом и пушками; для отражения набегов степняков заводчик получил отряд в 50 тарских казаков. Указом от 12 ноября 1736 года Демидову разрешалось строить в Сибири новые медеплавильные мануфактуры — по рекам Иртышу и Оби. В 1744 году вступил в строй Барнаульский медеплавильный завод Демидова, построенный при впадении р. Барнаулки в Обь.

С самого начала Демидов испытывал затруднения в обеспечении своих мануфактур рабочей силой. Поэтому он активно добивался приписки к ним государственных

Сенатский указ
1763 года
о выпуске
сибирской
монеты

крестьян. Уже в 1740 году, по указу Сибирской губернской канцелярии, к Колыванскому заводу было приписано 200 дворов из деревень, числившихся в ведомствах Бердского острога, Белоярской крепости и Малышевской слободы. Через два года стали приписными еще 100 крестьянских дворов из белоярских, бердских и малышевских деревень.

Приписные крестьяне должны были вместо уплаты подушной подати выполнять отработки на заводах. «Приписные крестьяне для заготовления угля, руды, дров и протчих материалов в пешей работе обращаютца... от шести по одному человеку в каждой месяц, кроме увольнительного страдного их времени,— сообщали демидовские приказчики,— в том числе для одной дровяной рубки более в вешнем времени до хлебного ярового севу принуждаютца, а конная работа, то есть угольная и рудная и протчих материалов воска производитца... одними заводскими и подзаводских ближних чарышских деревень жителями». Таким образом, рабо-

ты выполнялись в свободные от полевой страды дни, и делились они на конные и пешие. Однако жители бердских и малышевских деревень, находящихся на значительном расстоянии от Колыванского и Барнаульского заводов, использовались только на пеших работах: заготавливали дрова, выжигали древесный уголь, добывали руду и пр. Приписка к заводам, введение заводских отработок, несомненно, ухудшала положение крестьян. Не случайно они упорно сопротивлялись переводу их в разряд приписных: бежали из своих деревень в глухие места, уклонялись от заводских работ, предавали себя самосожжению.

На Колыванском и Барнаульском заводах плавил медь из полиметаллических руд алтайских месторождений. Наряду с медью в рудах содержались серебро и золото, однако добывать их Демидов не имел права, так как по закону земля и ее недра были собственностью государства или государя, и лишь они могли осуществлять добычу драгоценных металлов. Правда, заводчик все же рискнул начать нелегальную выплавку серебра, но об этом скоро стало известно императрице Елизавете Петровне. Чтобы избежать наказания, А. Демидов в 1744 году обратился к императрице с просьбой взять его заводы «на себя» и изъявил желание «быть со всеми заводами, с детьми, мастеровыми и работными людьми... под ведением в высочайшем Кабинете».

Это послужило поводом для издания указа от 12 мая 1747 года, по которому алтайские предприятия отбирались у наследников А. Демидова (сам Акинфий умер в 1745 году) и передавались в ведение царского Кабинета — хозяйственной канцелярии по управлению дворцовым имуществом, личной собственностью императрицы и всех членов императорской фамилии. Осуществлять его волю на месте должна была созданная Канцелярия горного начальства, в составе двух ассессоров под начальством главного командира заводов. Власть Кабинета распространялась на всех работных людей, крестьян, приписанных к демидовским мануфактурам, и в целом на «окружность, объемлемую Колывано-Воскресенскими заводами и селениями, к ним приписанными». Огромная площадь северного Алтая и прилегавших районов вошла в состав горного округа, называвшегося до 1834 года Колывано-Воскресенским, а позднее — Алтайским. На территории округа существовала монополия Кабинета

на добычу руд и плавку металлов. Так было положено начало обширному горно-заводскому хозяйству Кабинета на Алтае. К концу XVIII века Колывано-Воскресенский горный округ занимал уже 590—600 тыс. квадратных верст, превышая площадь таких, например, стран, как Пруссия или Голландия, и равняясь почти всей Франции. Территория Алтайского округа — это современные Алтайский край, Новосибирская и Кемеровская области, часть Томской, Павлодарской и Семипалатинской областей.

Сразу же после перехода демидовских заводов в ведение Кабинета к ним дополнительно приписали 4664 человека из числа государственных крестьян и разночинцев. Были приписаны все остававшиеся казенными деревни Белоярского, Малышевского и Бердского ведомств, селения, подведомственные Бийской крепости, а также 9 деревень Томского уезда — 7 из Сосновского ведомства и 2 (деревни Ирменская и Тырышкинская) из ведомства Чаусского острога. Новые приписки последовали в 1759—1761 годах. В результате все русское сельское население, проживавшее на территории нынешней Новосибирской области, оказалось приписанным к заводам Колывано-Воскресенского округа. Только жители отдаленных от заводов волостей Каинского уезда в 1797 году добились возвращения их в казенное ведомство.

Приписные крестьяне привлекались не только к обслуживанию действующих предприятий, но и к разведыванию земных недр, устройству новых рудников и заводов. Во второй половине XVIII столетия рудная база алтайских заводов существенно расширяется. Были открыты Николаевское и Таловское месторождения медной руды в бассейне р. Убы, притока Иртыша; Салаирское месторождение свинцово-цинковых руд, обогащенных серебром; Риддерское месторождение, содержащее серебро и золото; Зыряновское месторождение в бассейне р. Бухтармы и пр. Одновременно развернулось заводское строительство.

Новые заводы по выплавке меди и серебра возникают на реках Касмале, Нижнем Сузуне, Алее, Большой Талмовой. В частности, рождение Сузунского, или Нижне-Сузунского, завода, единственного в Новосибирском Приобье, было связано с началом чеканки на Алтае особой сибирской монеты, из местной золотистой и серебристой меди, «для обращения ее во всяких казенных

и частных платежах в одной только Сибирской губернии». Указ об этом вышел в 1763 году. Его появление объяснялось тем, что не знали, куда девать сибирскую медь. Перевозка ее в Европейскую Россию обходилась слишком дорого. Отказаться же от выплавки меди на Алтае было нельзя, так как в полиметаллических рудах, плавившихся на серебро, содержалось значительное количество меди. Так и родилась идея из нее на месте чеканить монеты.

На лесном берегу р. Нижнего Сузуна, где решили строить комплекс по переплавке медных штейнов, получаемых на алтайских заводах, и чеканке из готовой меди монет разного достоинства, еще до прихода русских татары чеканили свои монеты. Сузунский медеплавильный завод строился в течение 1764—1765 годов. С 1769 года на нем производилась также выплавка серебра из салаирских руд. При сооружении завода воду в речке подняли плотиной. Образовался громадный пруд. Падающая вода приводила в движение большие колеса, подсоединенные к воздуходувкам и кричным молотам. Главное здание завода выстроили из купных бревен. В нем имелось 12 шихтных печей, 13 шлейзофенов для разделения серебра и 2 извлекательных горна. В особых зданиях, также деревянных, располагались кальцинирофен, мусорная толчея для известкового камня, пепельная для промывки пепла с выварочными котлами, кузница с 4 горнами, меховая и плотничная мастерские, салотопное заведение. Заводские печи работали исключительно на древесном угле.

С 1766 года стал действовать Сузунский монетный двор. Он имел самостоятельные строения, где производилось плющение медных штыков в полосы, резка полос, чурчение, промывка кружков и, наконец, тиснение монеты. Монетный двор включал также токарное отделение с двумя токарными и одним винторезным станками, медеплавильное отделение с шихтной и английской печами, гермахертским горном и шлейзофеном, слесарное и резальное отделения. Выпускались монеты достоинством от 10 копеек до полушки. Поскольку они чеканились из меди с примесью серебра, монетная стопа была поднята до 25 рублей из пуда, тогда как общегосударственные медные деньги чеканились на 16 рублей из пуда меди. Отличалась сибирская монета от общегосударственной и по своему внешнему

виду. На аверсе в обрамлении лавровой и пальмовой ветвей помещался вензель Екатерины II — буква «Е» со всплетенной в нее римской двойкой. На реверсе монет всех номиналов, кроме полушки, был изображен герб Сибири — два соболя, держащие в передних лапах увенчанный короной овальный щит с обозначением достоинства монеты. Всю эту композицию охватывала круговая надпись «сибирская монета». На полушках изображение соболей отсутствовало, и номинал помещался на картуше. После 1781 года на Сузунском монетном дворе стала чеканиться медная монета общегосударственного образца. В 1847 году двор сгорел, и деятельность его более не возобновлялась.

Изготовление сибирских монет начиналось в «плавильне», где мастеровые получали лигатуру и разливали ее в железные формы. Полученные заготовки перемещались в «большое монетное строение», имевшее четыре отделения: расковочное, плющильное, прорезное и печатное. В первых трех медные заготовки превращали в «дощечки», которым придавали заданную толщину, шлифовали, после чего из них «вырезывали кружки потребной формы». Процесс изготовления монет завершался в «печатном отделении». В 1781 году на монетном дворе работало 82 человека. Наряду со взрослыми мастеровыми здесь использовали и детей. Всего на Сузунском заводе (вместе с монетным двором) в 1781 году было занято 357 штатных работников, из них «нижних служителей», то есть за вычетом горных офицеров, приказных и унтер-шихмейстеров, насчитывалось 322 человека. В заводском производстве существовала определенная квалификационная иерархия: выделялись мастера, подмастерья и ученики; работники разной квалификации получали разную заработную плату.

По масштабам производства и количеству занятых работников Сузунский завод (с монетным двором) принадлежал к крупнейшим предприятиям цветной металлургии XVIII века. При заводе возникла большая слобода, населенная преимущественно мастеровыми. В 1771 году в ней насчитывалось 308 дворов, в которых жило 1120 мужчин и 952 женщины из числа православных и 213 старообрядцев — всего 2285 человек. А уже в 1794—1795 годах здесь было 405 дворов и 2520 жителей обоего пола. И заводские строения, и монетный

двор, и слобода имели укрепления в виде земляного вала с деревянным палисадом.

Несмотря на сравнительно высокую заработную плату, положение мастеровых на горно-заводских мануфактурах оказывалось нелегким. Преобладал тяжелый ручной труд — только воздуходувки и кричные молоты работали от водяных колес. Вся служба строилась на основе военной регламентации. Мастеровые постоянно испытывали произвол и злоупотребления со стороны заводского начальства. В условиях сибирского приволья удержать людей на заводах можно было только силой. По этой причине в Колывано-Воскресенском горном округе существовало принудительное закрепление мастеровых за предприятиями. Даже для перехода с одного завода на другой внутри округа требовалось специальное разрешение начальства. Причем зависимость горно-заводского населения была наследственной — она распространялась и на их детей. Помимо естественного прироста, источником пополнения мастеровых являлись рекрутские наборы. Во второй половине XVIII века рекруты, набираемые в деревнях и поселках Колывано-Воскресенского округа, посылались не на военную, а на горно-заводскую службу, становились мастеровыми. Порядок этот был узаконен царским указом от 12 января 1761 года.

Настоящей бедой для крестьянской семьи стала отдача сына в заводские работники. В 1788 году Ординское выборное волостное начальство доносило Колыванскому губернскому правлению, что многие деревенские парни, чтобы избежать рекрутчины, «кладут на себя увечья: отсекают у рук и ног персты, простреливают из ружей у рук ладони, отчего сволокает все персты, а некоторые при наборе портят чесноком и луком глаза... делают на себе гноевые язвы». Однако вместо покалечившего себя рекрута деревенская община должна была послать на службу другого, так что отлив части сельского населения на заводы шел постоянно. К 1798 году на Сузунском заводе, в частности, насчитывалось уже 759 постоянных рабочих.

Некоторые из мастеровых оставались жить в родных деревнях, продолжая заниматься сельским хозяйством — на заводах они работали лишь несколько месяцев в году, столько времени, сколько требовалось для выполнения заданного им «урока». Например,

Сибирская монета

угольщику, находившемуся на сдельной оплате, требовалось выжечь в год три двадцатисаженных кучи древесного угля. Нередко работавшие на началах сдельной оплаты мастеровые нанимали себе помощников, чтобы быстрее выполнить свое годовое задание и потом заняться домашним хозяйством. Положение «урочников» было намного лучше тех, кто жил постоянно при заводах и рудниках. Тяжелый изнурительный труд на мануфактурах, «прицепки» со стороны заводского начальства вызывали частые побегі мастеровых Сузунского завода.

Значительную часть работ, не требующих специальной квалификации, на Сузунском заводе выполняли приписные крестьяне. В 1767 году к заводу было прикреплено 4916 приписных крестьян; через 20 лет их число увеличилось до 6383 человек. По «расписанию» из этих 6383 крестьян 3614 определялись к перевозке древесного угля, 161 — к перевозке флюсов и руд, 2608 — к вырубке дров на выжиг угля и обжиг штейнов. Для приписных крестьян источником средств существования оставалось сельское хозяйство. На заводах они трудились не более 1—2 месяцев в году. Многие земледельцы вообще избегали заводских отработок, нанимая вместо себя «охотников» из числа одно-

сельчан. Некоторые хлебопашцы нанимались выполнять работы за 5—6 человек, сами же либо полностью порывали с земледелием, либо договаривались с нанимателями, чтобы те в их отсутствие обрабатывали пустующие угодья. Примером может служить договор крестьян М. Борцова (деревня Русакова Кайлинской волости) и Е. Жаркова (деревня Осиновка той же волости). Как сообщал М. Борцов, «нанял он за себя... Егора Жаркова с тем, чтоб ему, Жаркову, вырубить за повыток ево... в Павловском заводе дров и, здав в казну, доставить квитанцию, а ему, Борцову, за то семянами Жаркова посеять ярицы три четверти десятины, а пшеницы четверть десятины, а залогу собрать одну десятину».

Чаще вместо себя на заводские отработки нанимали «вольных охотников» крестьяне-«одноколки», то есть не имевшие в семьях взрослых сыновей или братьев. Сами хлебопашцы прямо заявляли, что к найму обычно прибегали «по одиночеству», «не хотя оставить земледельчества своего». Нанимали, конечно, за себя «охотников» и многосемейные хлебопашцы, из числа разбогатевших, которые обрабатывали огромные земельные участки и содержали большие табуны домашнего скота. В их хозяйствах требовалось много рабочих рук. Надо отметить, что цены на «наемщиков» были очень высокими — плата иногда в 8—10 раз превышала стоимость тех работ, которые «наемщики» обязывались выполнить за нанимателей на заводах и рудниках. «Всякому те наймы покажутся странны», — писали сами крестьяне, объясняя, что нередко нанимателю приходилось «из домоводства своего продавать скот и прочее», чтобы уплатить «наемщику», а самому без помех заниматься «земледельчеством».

Порядок распределения отработок между крестьянскими семействами был установлен Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства. Сначала высчитывалось, сколько для заводов потребуется на следующий год дров, угля, руд и пр., и определялся «в душах» объем предстоящих работ. Затем весь этот объем работ распределялся Канцелярией по волостям. В волостях же крестьяне, собираясь на сходки, выбирали особых раскладчиков, которые уже сочиняли раскладные «росписи», «каждый по месту жительства своего», то есть каждый для своей деревни. Закон требовал, чтобы рас-

клад работ осуществлялся «справедливо», чтобы «прожиточные» крестьяне «не обলেখчивались», а «малоимущие» «не отягощались». Однако и сами заводские начальники, и управители, через которых Канцелярия управляла приписными крестьянами, и волостные выборные власти, и раскладчики допускали при этом многочисленные злоупотребления, порождавшие протест со стороны крестьянства.

Так, в 1793 году произошли волнения в Легостаевской волости. Начались они с того, что жители разных деревень поручили крестьянину Е. Ермакову произвести «поверку» правильности «расположения» их в заводские работы. В 1792 году он съездил в Барнаульскую заводскую контору, переписал там «беловые расклады», то есть списки семейств с обозначением объема и характера работ, которые каждое из семейств должно было выполнить, а затем сверил их с «черновыми раскладами», хранившимися в Легостаевском волостном правлении. Сравнение обнаружило существенное расхождение между «черновыми раскладами», составленными и завизированными раскладчиками, и «беловыми», представленными в заводскую контору старостой Легостаевской волости И. Захаровым. Ермаков пришел к выводу, что староста и волостной писарь Ярушников при «перебеливании» раскладов из-за собственной выгоды допустили подлог, «облегчив» «повыток», приходившийся на долю богатеев, за счет увеличения объема отработок, наложенных на бедняцкие семейства. Было собрано «общество», и на сходке Ермаков доложил результаты «поверки» раскладов работ. Возмущенное большинство присутствующих поручило ему немедленно подать челобитную на имя начальника наместничества С. Голощапова и просить об отстранении от должностей Захарова и Ярушникова.

Пока челобитная рассматривалась С. Голощаповым, закончился срок пребывания в старостах И. Захарова. На его место заступил С. Адов, житель деревни Усть-Чемской. Ему и переслал начальник Колыванского наместничества прошение Ермакова, предписав «разсмотреть в показуемом и сделать уравнение впредь в работах тем, на кого прибавлена работа, общим согласием, и пищика, ежели оный окажется в таких самовольствах, отреша, избрать и определить на место его другога, способнова и надежнаго человека». Однако

новый староста быстро нашел общий язык с волостным писарем. Они «сфабриковали «подписку» от имени раскладчиков о том, что никакого злоупотребления со стороны писаря и бывшего старосты при «перебеливании» раскладов допущено не было, и отправили Голощапову. Одновременно из Легостаевского правления ушли доносы на Е. Ермакова, который обвинялся в самозванстве и «бунтовстве». «А хотя помянутой проситель Ермаков,—говорилось в одном из них,—объявил якобы от народу выбран для изыскания по раскладу справедливости, действительно, оной Ермаков не по выбору от народу, а по ево толко одному з братьями умышлению и по насертке на пищика Ярушникова...» В итоге пострадал Ермаков, отданный под суд. Легостаевским богатеям удалось отстоять «своих людей», управлявших волостью.

Иным был исход Бердского «бунта» 1798 года. Ему предшествовали следующие события. 31 декабря 1797 года собравшиеся на сходку представители деревень избрали на новый срок волостного голову, старосту, писаря, вахтеров и сельских выборных. В волостные головы «мир» определял крестьянина деревни Локтевой Д. Маркова, в старосты — жителя деревни Шариной Д. Рубцова, а в писари — крестьянина В. Макарова из Бердской слободы.

Д. Марков, а также прежний волостной начальник С. Чернозипунников и доверенный от «общества» Е. Шибанов прямо со сходки направились к местному управителю Воронкову, который должен был утвердить мирской приговор, подписанный 33-мя выборщиками. Обычно такое утверждение сводилось к простой формальности: письменное решение сходки, в представлении крестьян и без санкции сверху, предназначалось к обязательному исполнению. Однако Воронкова не устраивали кандидатуры Маркова и Макарова, и он, ссылаясь на то, что на его запрос из Барнаула не поступило дополнительного разъяснения по одному из частных разделов нового положения, отверг приговор и приказал провести перевыборы начальства «по старому обряду», по которому избирались только мирской староста, выборный, счетчик, писарь и вахтер. Позднее управитель в свое оправдание показывал, что Д. Марков в 1793 году уже возглавлял по выбору бердское крестьянское «общество» и тогда «слабым ево смотрением» не было

обеспечено своевременное выполнение крестьянами повинностей, а потому он и «не признавался» теперь достойным к занятию должности волостного головы. Крестьяне же именно поэтому и настаивали на кандидатуре Маркова, что помнили его прошлую справедливость и надеялись с его помощью навести порядок в раскладке заводских работ.

На следующий день, 1 января 1798 года, волостная сходка продолжила свою работу. Староста Чернозипунников передал присутствовавшим приказ управителя и, видимо по предварительной договоренности с последним, предложил вместо Маркова избрать на должность мирского начальника крестьянина И. Шилова, а писарем оставить В. Хомутова, «в Бердске живущаго и многия годы» письменные дела «отправлявшаго». Однако крестьяне отвергли это предложение, так как не считали возможным отмену прежнего приговора. Помимо того, они подозревали писаря «во вредных действиях»: в самовольном исправлении составленных выборными раскладчиками «рописей» заводских работ («ко облегчению прожиточных, а ко отягощению неимущих»). Общинники отрядили в Барнаул двух своих поверенных — Е. Шибанова и А. Ильных — с жалобой на управителя Воронкова, писаря Хомутова и старосту Чернозипунникова.

Выслушав челобитчиков, горно-заводская Канцелярия обещала разобраться в деле и, вскоре после отъезда Шабанова и Ильных в Бердскую слободу, предписала Воронкову: если приговор от 31 декабря (о выборе головы и других начальников) составлен действительно на сходе, то его утвердить, жалобу «о неуравнительном разположении в работы исследовать». Повелевалось также ознакомить крестьян с содержанием данного указа.

Со своей стороны, Воронков, Чернозипунников и Хомутов действовали не менее активно. Уже 1 января, при содействии нескольких своих сторонников, они составили фальшивый мирской приговор об избрании в старосты И. Шилова, в писари — Хомутова, в выборные — П. Бороздина, и на основании этого «приговора» Чернозипунников передал свои полномочия Шилову. Вообще в деле об этом «бунте» фигурирует несколько подложных приговоров, в составлении которых действительно участвовали Шилов, Бороздин, Хомутов. Попытка кучки мироедов узурпировать права общины встре-

тила здесь решительный протест со стороны остальных крестьян.

В доносе Шилова и Бороздина, направленном барнаульскому начальству, сообщалось, что при объезде селений Бердской волости «для осмотру укрывающихся от заводских работ» крестьян и «выгонки» их в заводы, они натолкнулись на массовое сопротивление жителей. Причиной, по их мнению, послужила агитационная деятельность Шибанова, который, «разъезжая по селениям на мирских подводах... делает разглашения, что деревни Лохтевой крестьянин Дмитрий Марков и он, Шибанов, Канцеляриею Колывано-Воскресенского горного начальства определены первой быть головою, а последний старостою и что о всех расположенных заводских на бердских крестьян работах Канцелярия оставила зделать им рассмотрение и сложить работы, с кого он, Шибанов, с Марковым разсудит в полную их волю». Пока же Шибанов запрещал общинникам выходить на работы.

18 февраля Е. Шибанов и «другия многия собравшиеся по позыву Шибанова» крестьяне, явившись в мирскую избу, потребовали у Шилова копию с указа Канцелярии горного начальства, последовавшего в ответ на коллективную жалобу. Шилов в панике бросился за помощью к управителю, который ограничился тем, что пообещал через старосту произвести «исследование» о раскладке заводских работ, копии же указа не дал. Узнав об этом, «Шибанов и его скопище,—как сообщалось позднее в доносе, посланном в Барнаул,—...начали ругать старосту, хотели его вытащить в переднюю пред земской избу, растерзать, но, как было время уже к сумраку, то староста едва мог тихим образом между спин... уйти». Вскоре он возвратился в сопровождении Воронкова. Но, как только управитель «взошел со старостою в переднюю избу», его «народ сей грубейшей» «захватал в кучу и с великим необычайным шумом, криком и ругательством начали сжимать, тыча руками, щипали за волосы» и предпринимали другие агрессивные действия. Один из крестьян — С. Гуляев, — взяв управителя за ворот шубы, предупреждал: «Не тронь общество!» С большим трудом управитель с помощью выборного Бороздина вырвался из «бунтующейся шайки».

Свой донос в Барнаул от 19 февраля Шилов и Бо-

роздин завершали утверждением, что теперь они не смеют «в селении для выгону в работы людей показаться, доколе Шибанов с своими единомышленниками, яко развратители общего крестьянского спокойствия и тишины, к должному повиновению приведены и за грубости и невежество наказаны не будут». Донос писался на квартире Воронкова и при его участии.

Тем временем общинники составили на сходке очередное коллективное прошение, с которым Шибанов вновь отправился в Барнаул. Горно-заводское начальство, встревоженное бердскими событиями, откомандировало в волость для проведения расследования члена Канцелярии Алексеева. Во время следствия крестьяне держались на удивление единодушно. Деревенские сходки решительно «одабривали» людей, которых управитель и его приспешники называли зачинщиками «бунта». В показаниях на допросах общинники отвергали обвинение их «в насильстве» по отношению к Воронкову и Шилову. Ни один человек не подтвердил сообщения Шилова и Бороздина о разъездах Е. Шибанова по селениям и его агитационной деятельности.

Встретившись с подобной сплоченностью и стойкостью крестьянского «мира», барнаульские власти решили, видимо, без излишнего шума заглушить конфликт. Управителя заменили. Вместо Шилова, Бороздина и Хомутова велено было выбрать других волостных начальников — людей «неподозрительных, добрых и благонадежных». Главные «зачинщики» — Е. Шибанов, А. Ильиных и С. Гуляев — хотя и подлежали, по закону, наказанию, но поскольку их действия произошли более «от глупости, а злаго намерения не примечается» и, к тому же, во время следствия они две недели содержались в Барнауле «под караулом», предписывалось «заменить им то содержание в наказание» и отпустить по домам, обязав на будущее «строжайшими подписками».

Протест приписного крестьянства выражался и в форме бегства, уклонения от явки на заводские работы, подачи челобитных и пр. В марте 1788 года, например, колыванский губернатор Б. И. Меллер получил «рапорт» от жителей Бердской волости, которые просили его, «куда подлежит, донести», что «по расположению каждогодно при заводах в воске угля сил наших не стало... за умалением лошадей... в показанную

работу... подняться нечем...» Крестьяне настаивали на том, чтобы половину из них определили к «пешей» работе — «в рубку при заводах куренных дров», при которой «бедные и бесконные обращаться могут». Не было ни одного года, когда бы начальству удавалось добиться стопроцентной явки крестьян на заводские отработки. Не действовали ни угрозы, ни уговоры со стороны властей. Иногда неявка приписных крестьян на заводы оказывалась столь массовой, что это грозило приостановкой заводского производства. В декабре 1781 года, например, не пошли на Сузунский завод 1617 томских хлебопашцев.

Как видим, крестьяне всеми доступными средствами сопротивлялись растущему гнету крепостнического государства.

ПЕРЕИМЕНОВАН В ГОРОД

В 1782 году Каинская слобода получила статус города. Городу Каинску, ставшему центром огромного уезда (270 верст в ширину и 470 — в длину), императрица Екатерина II пожаловала герб — «В зеленом поле золотой бык в знак скотоводства на Барабинской степи». В том году в Каинске насчитывалось около 600 жителей обоего пола. Основную массу населения составляли государственные крестьяне. Из 303 душ мужского пола, в частности, 22 принадлежали к мещанскому сословию, 18 — к цеховым, 9 — к духовенству, 14 — к дворянству, 19 — к отставным «чинам», 2 — к разночинцам и 219 — к крестьянству. Мало изменился состав жителей Каинска и к 1790 году. Он оставался земледельческой слободой, окруженной со всех сторон степью, усеянной березовыми колками. «Местное положение в длину на 250, в ширину на 150 сажен, — говорилось о Каинске в «Топографическом описании Тобольского наместничества», — окружности 1 верста 350 сажен, нерегулярною фигуурою продолговатую».

В том году в городе имелось 106 «обывательских домов», 7 торговых лавок и амбаров, 3 «казенного строения правянского ведомства» магазина, один из которых был переоборудован в «винной магазейн», соляной магазин и питейный дом. «По малоимению обывательских до-

Герб Каинска

мов» город не был разделен на части. Горожан обслуживала приходская деревянная церковь, при которой состояло 4 церковнослужителя. Всего в Каинске числилось 658 человек обоего пола (293 — мужского и 365 — женского). Это были преимущественно крестьяне, поселщики, «из России за вины» присланные, и «малой частью» — купцы и мещане. Главным занятием крестьян и поселщиков являлось земледелие; мещане и купцы кормились «от разных работ». «Торгового промысла, — сообщается о городе в описании за 1790 год, — по новости вступления купечества еще не имеются». Таким образом, каинские купцы еще недавно числились в мещанах и потому практически ничем — ни по характеру занятий, ни по образу жизни — не отличались от них.

В городе не было никаких фабрик и заводов, учреждений культуры, воспитательных домов и богаделен. Лепились обычные деревенские домишки; в огородах горожане выращивали капусту, редьку, морковь, свеклу и огурцы. В ходе государственных преобразований Павла I (1796—1798 гг.) Каинск оказался исключенным из состава штатных городов, и только в 1804 году он вернул себе этот статус.

Управлял Каинском городничий. Кроме того, в нем функционировал орган городского самоуправления — ратуша, в которой заседали бургомистр и два ратмана. Ратуша, в частности, занималась вопросами градостро-

ительства. «Каинск, прежде острог, лежит на Оме,— заметил А. Н. Радищев, который был в городе в 1797 году проездом из Восточной Сибири,—через которую летом перевоз. Место весьма плоское, одна церковь в середине города, строят каменную. Исправник—грубиян... Как ни худо, а с тех пор как Каинск город, то строится заново».

В дальнейшем, однако, город начинает стремительно расти. К 1823 году в нем проживало уже 1625 человек, а к 1864 году — 1735 душ мужского пола и 1508 — женского. Причем основную массу населения составляли собственно городские категории — купцы и мещане. В частности, потомственных и личных дворян в 1864 году было 385 человек обоего пола, духовенства — 35 человек, крестьян государственных и удельных — 56 человек, ссыльнопоселенцев — 73 человека, воинских чинов — 436 человек, отставных, кантонистов и солдатских детей — 407 человек, купечества — 156 человек, мещанства — 1692 человека, почетных граждан — 4 человека.

Меняется и характер занятий горожан: Каинск превращается в крупный торговый и транзитный центр. Сказалось удобное положение города, через который проходил Московско-Сибирский тракт. Зимой и летом шли по главной улице Каинска обозы с купеческой кладью: чаем, китайскими шелками, золотом, пушниной, мануфактурой, кожей, сукнами и пр. Гнали по тракту партии колодников. Один из путешественников так описывал свои впечатления: «...всегдашние длинные обозы с мешками чаю, всегда распущенные несвязанные вozy: лошади в разбродку по всем местам, где только можно проехать встречному. Валит в снег ваши сани, вашу тройку, летит ящик ваш, летите в сугроб вы сами; перебраниваются извозчики с ямщиками и все одно и тоже по несколько раз в день... и... кандалная партия... Медленным шагом, побрякивая цепями, тянется она во всю длину селения и мучительно-тоскливым голосом поет свою так называемую «милосердную», и выбегает на эту песню народ из домов, и тянутся руки туземцев с подаванием грошика, семитки, куска пирога, черного хлеба...»

В двадцатых годах XIX века в Каинске построили этапно-пересыльную тюрьму. В ней партии арестованных перегруппировывались и отправлялись дальше. В 1826 году через Каинск везли в Сибирь ссыльных декабристов.

В городе до сих пор сохранился дом на улице имени В. М. Куйбышева, в котором останавливались декабристы. И. И. Пущин так описал в дневнике встречу с местным городничим: «Подойдя к дому городничего, мы увидели фигуру его колоссальную, вышедшую нас встретить. Он перед народом закричал нам:

— Я вас здесь по-своему проучу, отучу вас бунтовать!..

— Вот попались в западню,—подумали мы,—сумасшедший городничий может позволить себе всякие пакости над нами».

Однако, когда декабристы вошли во двор, городничий отослал жандармов, ворота своего дома приказал запереть на замок и, обратившись к арестованным, уже другим голосом сказал: «Милости прошу, господа, наверх, вы теперь мои дорогие гости, и я вас не выпущу от себя, пока не отдохнете хорошенько; вы много проехали, и вам еще предстоит много времени быть в дороге, баня у меня вытоплена для вас, и вы, вероятно, не прочь хорошенько попариться».

Обратившись к сопровождавшим «государственных преступников» фельдъегерям, городничий пригласил и их быть своими гостями, заявив: «Жалеть не будет!» Тотчас же подали великолепную закуску, и хозяин позаботился о том, чтобы скорее напоить фельдъегерей, на что употребил расхваленный им травник. Опьяневшие стражи улеглись спать.

«Теперь, дорогие мои, господа,—обратился городничий к декабристам,—мы с вами можем быть нараспашку, аргусы ваши спят... Вас я здесь продержу сколько можно долее, чтобы вы хорошо отдохнули. Поживете у меня денька три, напишете письма родным и знакомым, а я все сделаю, чтобы вы у меня не соскучились. Скажите, не нуждается ли кто из вас в чем бы то ни было: в деньгах, белье, книгах? У меня все к услугам вашим».

Гости с благодарностью приняли предложение хозяина и на три дня забыли, что они узники.

Степанов — такую фамилию носил человек, согrevший ссыльных декабристов своим вниманием и радушием. «Этот почтенный и простой человек,—вспоминал И. И. Пущин,—показал нам и перед нами и сзади нас ехавшим товарищам нашим столько сердечного участия и сострадания к нашей горькой участи, что память о

Степанове навсегда сохранилась у всех, пользовавшихся его радушным гостеприимством...»

Запомнились декабристам сложенные из кедровых и березовых бревен избы каинских жителей, широкие и прямые улицы степного городка. Позднее Каинск видел Н. Г. Чернышевского, которого везли на каторгу, великого писателя А. П. Чехова, останавливавшегося здесь проездом на Сахалин.

Только в 1822 году появился на Тарско-Томском участке Московского тракта еще один город — Колывань. Колывань тоже получила герб: в серебряном поле соединенные вершинами два снопа на ржаной ниве, подле серп. Причем город назначался административным центром Томской губернии. Однако томские чиновники не хотели покидать насиженных мест и перебираться в неблагоустроенную Колывань. Их ходатайство о сохранении губернского центра на прежнем месте — в Томске — нашло поддержку у Сибирского комитета, ведавшего из Петербурга управлением всей Сибири. Указом от 14 июня 1823 года Колывань была объявлена «уездным городом» Томской губернии. В ней появились установленные для уездных центров присутственные места, в том числе ратуша.

Память о намерении правительства сделать Колывань губернской столицей долго жила в местном населении. В конце сороковых годов XIX столетия здесь побывал петербургский писатель и историк П. И. Небольсин. «В городе Колывани, то есть в деревне Чаусах, — пишет он, — остановился я у крестьянина, или горожанина — это все одно. Мужик зажиточный, исправный и порядочный говорун. Он в восторге от своего родного города и ужасно хвастался, что бывший Чаусский острог... переименованный Колыванью, чуть-чуть не возвели было... на степень губернского города вместо Томска. Колывань, стоя на большой дороге, на торговом и на почтовом тракте, в тридцать лет не выросла ни на вершок. В 1826 году в этом городе было 800 душ жителей обоего пола, а в 1846 году в нем считалось 600 мужчин и 600 женщин; одна церковь, один казенный каменный дом, именно — острог, и двести пятьдесят деревянных дворов. Ремесленных, фабричных и промышленных заведений, кроме четырех кузниц и трех питейных заведений, не существует никаких. Вот и вся статистика города Колывани.

Герб Колывани

— Полно Вам, Ваше почтенство, на смешки-те подымать Колывань нашу: Вы погляньте-тко, как мы живем-то! — приводит путешественник содержание своей беседы с чаусским «горожанином».

— Да по городу-то судя, здесь все голь гольем живет? — спросил я его.

— Да, голь гольем, толкуй... вот мужескаго-то полу считается в округе здесь тысяч тридцать с лишком, тут и стар и млад, а скота у нас у всех поди что ста полтора тысяч голов, наверное, будет.

— Чем же вы, кроме заводского дела, еще промышляете?

— То-то чем промышляете! У нас здесь на выгоне за восемь-десять озер — вот мы рыбку ловим да продаем; тамо-тка вот к Колывани озеру пчельники — вот мы медком торгуем...»

Таким образом, даже в середине XIX века и по внешнему виду, и по характеру занятий горожан Колывань

напоминала большое село. К 1857 году в городе числилось 912 человек мужского пола и 1040 — женского. Перепись зарегистрировала в нем 240 частных деревянных домов, 2 деревянных же лавки, 2 кузницы, острог, пороховой погреб, соляной магазин, винный магазин, питейный дом. К этому времени город стал безуездным — Колыванский уезд ликвидировали в 1856 году. В соответствии с составленным землемерами Горного управления Колывано-Воскресенских заводов планом тогда же завершилось перемещение Колывани на новое место — «на гористый коренной берег», за 8 километров вверх по течению Оби. Местоположение бывшего Чаусского острога было признано неудобным из-за ежегодных наводнений. План города вообще-то составили уже в 1834 году, но чаусские жители долго не хотели переселяться на вновь отведенную им территорию. Властям пришлось принять «энергические меры» к выдворению горожан с насиженного места. Застройка нового города велась в виде прямоугольных кварталов с четкой системой прямых улиц. К 1857 году в Колывани было три каменных храма: Богоявленская церковь (построена в 1839 г.), Введенская церковь (построена в 1846 г.) и Троицкий собор (построен в 1856 г.).

Деревянные жилые дома украшались резными деталями. По своему архитектурному облику они мало отличались от обычных деревенских изб: сложены из крупных бревен, крыты двух- или четырехскатными крышами. При каждом доме имелись хозяйственные постройки, огород. Большую часть жителей в Колывани к середине XIX века составляли купцы и мещане.

Состав населения Колывани в 1864 г.	Численность населения	
	мужское	женское
Купцы	320	363
Мещане	968	730
Крестьяне	149	177
Дворяне потомственные	23	10
Дворяне личные	6	11
Духовенство	3	2
Военнослужащие и члены их семей	46	21
Отставные солдаты и члены их семей	18	32

Большое число купцов в Колывани свидетельствовало о развитии здесь торговли. В городе функционировала ежегодная ярмарка, устраивались традиционные базары, на которых шел оживленный торг.

Таким образом, на территории Новосибирского Приобья статус города имели Каинск и Колывань, которые в рассматриваемый период успешно развивались.

В последующие годы с проведением Сибирской железной дороги, связавшей Европейскую Россию с Сибирью, Колывань оказалась в стороне от нее и начала приходить в упадок. Многие жители города в начале XX века переселились в Новониколаевск, расположенный в 50 километрах к югу от Колывани, в районе пересечения Оби с железной дорогой.

Продолжат потомки

СОСЕДИ И РОДСТВЕННИКИ

Вступление России в XIX век было ознаменовано важными событиями. Устои крепостничества стали колебаться. В стране шло бурное развитие новых, капиталистических, отношений. Заметно усилились крестьянские волнения. Укреплялись позиции отечественной промышленности; увеличивался удельный вес города в народном хозяйстве. Росла подвижность населения. Из Поморья, Прикамья, Верхнего и Среднего Поволжья, из Центральной России устремлялись в Сибирь «вольные» переселенцы, в первую очередь — государственные крестьяне. Поток этот особенно стал заметен с двадцатых годов, что было связано с указами 1822 и 1824 годов, предоставлявшими казенным крестьянам право на переселение из малоземельных губерний в многоземельные.

Активизируется и деятельность правительства по заселению Сибири крепостными хлебопашцами, сославшимися помещиками в зачет рекрутской повинности. Особую заботу властей по-прежнему составляло заселение притрактовой полосы. К 1812 году в Томской губернии было учтено 3905 мужчин и 900 женщин ссыльнопоселенцев, которых водворили в деревнях по линии Московско-Сибирского тракта. С 1812 по 1819 год в Томской губернии поселили еще 8429 мужчин и 1684 женщины. Правда, только меньшая их часть закреплялась в местах поселения, обзаводилась хозяйством. Основная масса ссыльнопоселенцев вела «бродячую жизнь», многие гибли, оказавшись далеко от родных деревень и семей, без необходимых материальных средств. И все же рост русского населения Барабы в первой половине XIX века осуществлялся, в первую очередь, за счет крепостных, переселяемых сюда в зачет рекрутов. В короткий срок поселенцы «натурализировались», начиная считать себя в полном смысле слова «сибиряками».

Подробные сведения о русском населении Каинского округа на начало сороковых годов XIX века собрала специальная комиссия Министерства государственных имуществ, «ревизовавшая» Томскую губернию. Всего в это время в округе существовало 9 крестьянских волостей: Верхне-Омская, Вознесенская, Усть-Тартасская, Покровская, Нижне-Каинская, Верхне-Каинская, Казанская, Убинская и Иткульская. В них проживал 18681 крестьянин мужского пола, 8178 — поселенцев, 192 — отставных солдата, 47 купцов и мещан. Лиц женского пола комиссия не переписывала. **Верхне-Омская волость** включала 12 селений: деревни Камышеву, Угуйскую, Чичканскую, Неупокоеву, Мурашеву, Яркульскую, Усть-Тарку, Щербакову, Лопатину, Казачий Мыс, Кочневу и село Кушагово. «Угодья,—сообщается об этой волости,—по изобилию земель как между селениями, так и в селении между семействами не делятся; при каждом селении есть пространная выгоны для скота, обнесенная на большом пространстве загородою (паскотиною)». Каждое из селений состояло «в заведывании» особого старшины, при котором имелся писарь, «содержимый иждивением селения». Жители волости выполняли денежные и натуральные повинности, сводившиеся к «содержанию и починке дорог, гатей и мостов» и представлению подвод под казенные грузы и проезжающих. Волостное правление находилось в деревне Камышевой. Возглавляли его волостной голова и староста.

В **Вознесенской волости** было 21 селение: деревни Назарова, Меньщикова, Силиклинская, Кузнецова, Игнатьева, Сибирцева, Сарбалыцкая, Красноярская, Верхне-Омская, Малинина, Узунгульская, Щеглова, Земляная Заимка, Кабаклинская, Минина, Чаны Саканские, Ново-Тартасская, село Вознесенское, выселки Старая Бородинина, Теренкуль, выселок при озере Катенис. Еще больше русских селений имелось в **Усть-Тартасской волости** — село Спасское, деревни Форпост Усть-Тартасский, Попова Заимка, Ключевая, Красноярская, Орлова, Рямовая, Тюсьменская, Кузовлева, Дубровина, Яркульская, Шухова, Сибирцева, Изесская, Урезская, Воробьева, Ложникова, Климина, Лисина, Павлова, Новоложникова, Бурянина, Майзасская, Верхне-Чокинская, Шипицына, Козьмина, Минина, Куликова, Ургульская, Тычкина, Верхне-Кулебинская, Кулебинская, Горожданцева, Верхне-Красноярская, Назарова, Давыдова,

Каминская, Кузнецова, Саскульская, выселки Комаров, Аремзаский, Вараксин, Кыштов, Новосибирцев и Садовский.

Как и в других волостях, каждая деревня имела «просторный выпуск» для скота, обнесенный изгородью. Земельные угодья между селениями и семействами и здесь не делились. Распашка производилась «в местах, более выгодных, по усмотрению каждого домохозяина, чем образуются, — констатировали чиновники, — займки и станы, нередко за 25 верст и далее от места жительства; свойство почвы, хотя и требует удобрения, но не унавоживается, а по выпаше оставляется в залежь или облогу». Обычно, подняв целину, крестьянин в течение 10 лет подряд снимал с нее урожай, а затем забрасывал участок надолго в залежь. Жители всех селений выращивали для домашних нужд, кроме зерновых культур, лен, коноплю и огородные овощи. В деревнях, расположенных в южной части Усть-Тартасской волости, ощущался недостаток в строевом лесе, который сплавляли сюда с верховьев р. Тартаса.

В **Покровской волости** было 12 селений: село Покровское, деревни Новофекаина, Тайлакова, Осинцева, Турумова, Козлова, она же Турумовка, Ямская, Карачинская, Антошкина, Погорельская, Сергина, Новокондакова, Назарова. В **Нижне-Каинскую волость** входили, в частности, деревни Булатова, Мангазерская, Бергульская, Сайгульская, Верхне-Иченская, Новогребенщикова, Старкова, Новокаменева, Таганова, Ярково, Абрамова, Овечкина, Маркова, Сарапулова, Машнина, Патрушева, Осинцева, Старая Кандакова, Старогребенщикова, село Устьянцово, выселок Красный Яр. О деревне Сарапуловой сообщается, что «при самых ее огородах... вырезывается к невыгоде крестьян сенокосу значительная часть в пользу мещан города Каинска».

В **Верхне-Каинской волости** имелись села Осинные Колки, Ушково, деревни Литвинова, Костылева, Таскаева, Бакмасиха, Новокарапузская, Старокарапузская, Малышева, Новосартланская, Новогребенщикова, Сизова, Богатиха, Козлова, Новогутова, Щербакова, Старогутова, Малинина, Сартакова, Помельцова, Киселева, Бурундукова, Горбунова, Бородина, Корина, Старогребенщикова, Епанешникова, Чумакова, Вялкова, Балманская, Борискова, Лобанова, Новобородина, Занова, Белоозерная или Новобасалаева, займки Опарина, близ

деревень Таскаевой и Старогутовой. Вообще это обычный путь возникновения новых деревень — отселение одной или нескольких семей на заимку, затем разрастание ее в результате естественного прироста или подселения чужаков. Так, о деревне Новоселовой Убинской волости сообщается, что образовалась она из заимки и было в ней в 1841 году 16 домов, в которых жили «крестьяне разных деревень, перешедшие из других губерний».

В **Убинской волости** существовали еще деревни Карганская, Каргатский Форпост, Каргатская Дуброва, Колмакова, Шитикова, Еланская, Кондусловская и село Убинское. Кроме того, в черте волости, «по северную сторону Убинского озера», была заимка (в ней крестьянских домов — 2, отставного солдата — 1, поселенцев — 2). «Заимка эта, — сообщают чиновники, — заселилась в прошлом, 1839, году, дома еще несовершенно отстроены, но постройка их производится тщательно».

Волость Казанская включала село Зюрино, деревни Тавалжанскую, Квашнину, Казанцеву, Белову, Таганскую, Сухопутную, Новокрасулину, Усть-Тандовскую, Кожевникову, Новояркову, Старояркову, Бехтенскую, Чиняеву, Тюменеву, Новошатову, Чистоозерную, Новорезину, Долгоозерную, Круглоозерную, Бадашкову, Галдобину, Торгошину, Новочерново и заимку Первухина.

Наконец, в **Иткульской волости** в начале сороковых годов XIX века существовало село Иткульское, деревни Каятская, Яркова, Чулымская, Сектинская, Овчинникова, Крутые Лога; волостное правление находилось в селе Иткульском.

В дальнейшем приток населения продолжался; одновременно продолжался процесс селообразования. В Барабу «водворяли» переселенцев из Воронежской, Смоленской, Курской, Тамбовской, Орловской, Калужской и других губерний. «Все они, — заметил побывавший в Барабе в 1878 году Н. М. Ядринцев, — обстроились и живут безбедно, хотя многим это стоило немало труда». Правда, встретились ему и бедные деревеньки. «Следуя по берегу Чанов, — пишет Ядринцев, — я остановился около Яркуля и совершил экскурсию на острова. Острова Чанов обращают внимание привлекательностью; покрытые зеленью и лесом, они утопают в голубых водах и под особым освещением кажутся плавающими в воздухе. По глади озер встречаются целые стаи лебедей, гордо нежащиеся и колеблющиеся, как

белые фрегаты на поверхности вод; при приближении людей, они дико перекликаются и удаляются в даль озера; при полете тишина озера оглашается страшным шумом их крыльев. Жители не нарушают покой этих обитателей озер, и у них связано верование, что человек, убивший эту прекрасную птицу, скоро сам найдет себе смерть... Нам казались эти острова благословенными для жизни. Но увы!.. На острове мы встретили бедную деревнюшку из 13-ти домов, крайне бедных, печальное, полуразрушенное кладбище и земляные бани. Здесь было 20 домов, остальные выселились... Нам передавали, что и на других островах царствует та же бедность. В этих деревнях мы встречали ссыльных, томящихся своим положением. Нередко это были петербургские уроженцы, закинутые на пустынные острова».

Вообще в первой половине XIX века, наряду с притоком населения в Барабу, шел и его отток в более южные районы. Однако приток существенно превосходил убыль населения в другие районы.

«Бараба,— утверждал Ядринцев,— должна считаться довольно значительно заселенною. Нет и следа тех пустынных, уединенных уголков прошлого столетия, где жили беглые и одичавшие жители». И вместе с тем он отмечал, что в крае еще остается достаточно «приволья». «В Каинском округе,— говорит путешественник, имея в виду семидесятые годы XIX века,— приходится по 100 десятин удобной земли на каждого жителя...» При чем урожай, получаемые крестьянами, были достаточно высокими, хотя и зависели сильно от климатических случайностей — по утверждению хлебопашцев, у них «хлеб на небе зреет». Поскольку далеко не все крестьяне могли везти свое зерно на продажу в города, на ярмарки, на алтайские заводы или укрепленные линии, набирал силу местный скупщик. При рыночной цене в 30 коп. за пуд, по словам Н. М. Ядринцева, «скупщик — богатый крестьянин или торговец-еврей... дает крестьянину только 17 копеек...».

Крестьяне, жившие на самом тракте или вблизи от него, активно занимались извозом, содержали постоянные дворы. Это приносило немалый доход. Один из путешественников, ехавший в 1849 году из Иркутска в Москву, заметил, что на барабинском участке тракта крестьяне, «несмотря на их березовые домики и берестяные кровли с жердочками, все вообще зажиточны, так

что редкой из них не имеет двух пар лошадей. У богатых горницы раскрашены, кажется, одним барабинским артистом, потому что фантазия его везде одинакова: она на потолках домов расписала цветы, несуществующие в природе, а на дверях изобразила цепных медведей, сильно смахивающих на домашних свиней. У многих домов ставни раскрашены и расписаны узорами, а на тесовых крышах у домов верхний охлупень (князек) с резьбою и прорезями. Около ворот заплоты также с прорезями. Картинки суздальской гравировки украшают стены в горницах, а в одном доме чадолюбивый родитель, вместо картинок, облепил полстены чистописанием своего сына. «Это мой Мишка навараксал,— говорил он, самодовольно улыбаясь и поглаживая свою бороду».

«Суздальские картинки,— продолжает путешественник,— ныне стали в Сибири очень редки, и только в Барабинской степи еще можно полюбоваться гисториями в лицах: о носе и сильном морозе, о Фоме-музыканте и Еремее-плясуне, козе в сарафане и проч.».

Следует отметить, что притрактовое население отличалось особой любознательностью, широтой кругозора. В собрании рукописных книг Тобольского архива, например, хранится сборник повестей XVIII века; на страницах его есть несколько пометок, и в частности такая: «...Николай Кожев в знак дружества вручил к чтанию и ползе души Барабинской волости крестьянину Михаилу Менщикову в 1818 году книгу сию». Барабинские хлебопашцы интересовались происхождением древних курганов, разбросанных по степи. «Остров Тюмень,—пишет Н. М. Ядринцев в семидесятые годы XIX века,—тянется на 20 верст в длину и 1,5 версты в ширину; мы вступили в березовый лесок и в полверсте увидели деревню. На Тюмени выселок в 13 домов, когда-то было 20 домов, но выселились. Деревня была основана лет 100 назад переселенцами из Тары; тарские крестьяне сюда ездили сначала на промысел... В 4-х верстах к северо-востоку за деревней, на пашне, нам указали на Чудской городок, расположенный на берегу яра, отстоящего на 450 шагов от берега Чанов... Близ деревни Яркуль, на восточной стороне озера Яркуля, в 5 верстах от деревни Мальковой, мы посетили другой Чудской городок... Крестьяне мне говорили при разспросах, что подобный же Чудской городок существует на

острове Чинавине и в деревне Шульдяковой; от деревни Таганской на северной стороне Чанов будто была целая Чудская дорога на острова. Из раскопок известно, что крестьяне находили на островах ручные жернова... На острове Тюмени, на пашне, пастухом был давно найден панцырь; ...в деревне Титовой, как уверяли, находятся развалины кирпичного памятника на кургане в поскотине, сажень 15 в окружности, 7-саж. вышины, который весь осыпался. Около Кайгородовой находятся бугры, где находили железные ковши и удила; все курганы раскопаны... Около деревни Овечьиной крестьяне открыли яму, откуда вывезли 5 возов одного угля и находили черепки посуды, черепки были узорчатые...»

При всех тяготах жизни хлебопашцев в крепостническом государстве они умели сохранить чувство собственного достоинства, благородство души, сострадание к ближнему. «За все неудобства и опасности, каким подвергаются на Барабе в летние жары,— писал в 1826 году известный сибирский просветитель и историк П. А. Словцов,— я ожидал себе за Каинским, в деревне Каменевой, некоторой награды—свидания с приятелем Федулом Кондратьевичем, столетним старцем, с которым познакомился за 15 лет. Я наименовал сего барабинца в числе приятелей по праву 10-летнего знакомства, по праву нравственному, которого вы не захотите оспаривать, если и объявлю, что этот крестьянин в зачет рекрута был послан в Сибирь и за 60 лет поселен в Каменевой. Трудолюбие, хозяйство, добросовестность с своими работниками, уважительность товарищей-поселян и гостеприимство для проезжих—вот самые честные титулы, с которыми крестьянин, по крайней мере, в сибирских нравах может пожать руку нашему брату...»

Столь же колоритная фигура встретилась в селе Вознесенском писателю С. Турбину, к которой он обратился с вопросом: «Скажи, пожалуйста, любезный хозяин, где у вас тут Барабинская степь?»

«Какая такая Барабинская степь? Нет такой во всей Сибири. Я Сибирь, стало быть, наскрозь прои-зошел, от самой Тяхты вплоть ажно до Тюмени»,—отвечал крестьянин.

«— Да как же, мне сказывали?»

— Дураки сказывали, верно. Никакой Барабинской степи нет и не было.

— Да я читал в книжках.

— Пустое в книжках. А есть тебе Бараба, понял, Бараба, а не степь. Там лесу куда больше супроти здешнева. Ну, так знай: проедешь ты Каинско, там она и пошла до самой Колывани; то есть маненько не хватило до Колывани, а до самой Тырышкиной, деревня такая есть... Барабинская степь! Грехи».

Турбина поразило, что старик ничего не взял с него за обед, узнав, что путешественник едет в Иркутск. «...Дорога дальная,—объяснил он свой поступок.— А ты мне табачку дай на трубочку...» «Ямщик, бывший свидетелем моей беседы со стариком,—пишет Турбин,—поспешил мне объяснить дорогою, что дядя Василий только говорку имеет грубую, а человек — душа».

Барабинские крестьяне продавали по самым низким ценам или вообще снабжали бесплатно пищей тянувшихся по тракту колодников. «Возле острожных ворот, в ожидании партии, всегда приходящей в определенный день недели,—заметил Турбин,—стояла целая вереница баб с готовым кушаньем, чрезвычайно разнообразным: хлеб, калачи, мясо, рыба (преимущественно сушеные караси), молоко, яйца, похлебка (называть щами эту штуку я не решаюсь), каша; ну, да всего не пересчитаешь...»

Некоторые барабинцы полностью порывали с сельским хозяйством, занимаясь исключительно ямщиной. «В Томской губернии, особенно в Барабе,—сообщает краевед Н. А. Костров,—между ямщиками съиздавна существует особаго рода товарищество, по правилам которого каждый ямщик, везущий проезжающего или какую-нибудь кладь по известной цене, передает свой подряд дружку, т. е. товарищу, приятелю, знакомому, на тех же условиях, на каких рядился сам, и тот принимает этот подряд, со всеми выгодами и невыгодами его, в том убеждении, что, в случае надобности, точно так же будет поступлено и относительно его самого...» Так П. И. Небольсина на одном из перегонов ямщик постарался доставить к своему «товарищу» Сысоичу. «Сысоич сам вышел к нам навстречу... Это был высокий, плечистый, седой как лунь мужчина, с молодецким выражением лица. Он ласково пригласил меня в «горницу» и объявил, что мигом все будет готово» — пишет путешественник.

«— Нет, хозяин, ты не торопись, а велика поставить самоварчик да прикажи подать что-нибудь поужинать.

Ночью весь дом переполошился; хозяин отдал приказ хозяйке, та передала его дочери... Я вытащил заветную фляжку ямайского рома из Петербурга и потешил старика рюмочкой неведанной ему драгоценности.

— Экая благодать-то какая, вино-то у вас, ваше почтенство! Восьмой десяток доживать начинаю, а такого золота пивать как будто не приходилось.

— Будто бы? Неужели тебе восьмой десяток?

— До весны, даст бог еще веку, так восемьдесят ровно стукнет, около Егорьева дни.

— Помилуй, старина! Да тебе с вида я бы и полсотни не дал, кабы не седые волосы.

— Отец-то у меня, ваше почтенство, сто двадцать живал, болезней не знал, так с чего ж мне-то понапрасну стареться?..

— Так ты, я думаю, екатерининских-то губернаторов помнишь?

— Нет, сударик ты мой, не знал я их здесь: я с полсотни годов только в Сибири живу, поженился здесь, одну хозяйку схоронил, да вот с этой графиней годов дватцать живу...»

О хозяйке дома Небольсин сообщает, что «румянец на щеках и томное выражение лица давали знать, что она в свое время была чудной красавицей, и красоту эту, как видно, наследовала дочь Сысоича, девятнадцатилетняя Глаша, прелестная блондинка, с золотистыми волосами, с большими влажными голубыми глазами, с миньятюрными розовыми губками, с благородным выражением лица и манерами, которые как-то не совсем были согласны с понятием о простой деревенской крестьянской девушке...»

Часть Московского тракта проходила, как уже отмечалось, по территории Новосибирского Приобья. Путешественник, ехавший по тракту в 1849 году, называл населенные пункты, через которые лежал здесь его путь. Он, в частности, указывает деревню Мальцеву, затем Проскоковское селение, откуда до станции Болотной было 27 верст. «Болотное селение простирается по широкой ложине,—заметил путешественник,—между гор, по направлению тракта. В нем деревянная церковь, до 100 домов и этап». В 20 верстах от Болотного находилась станция Шебалинская, рас-

положенная на восточной отлогости некрутой горы, тоже по направлению тракта (всего около 20 домов). Через 15,5 верст путник оказался на станции Оешинской. «Селение Оешинское,— отметил он,— разкинуто под горою, в долине, при речке Оеше. В нем деревянная церковь и до 70 домов».

На 14-й версте встретилась деревня Ояшина, которая огибала «собой отлогую гору, по направлению тракта» и насчитывала примерно 20 домов. Еще через 6 верст находилось селение Ташеринское, раскинутое «на двух отлогих горах, по направлению тракта» и соединяющееся в единое целое деревянным мостом. В нем было 65 домов. В 18,5 верстах располагалось селение Дубровино. «Селение Дубровино,— пишет путешественник,— простирается по обоим берегам реки Оби. На правом берегу Оби до 20, на левом до 40 домов. Перевоз через Обь на карбазах и паромах».

Через 18 верст извозчик доставил проезжего на станцию Орский Бор, миновав деревню Скалы (25 домов), находившуюся по левому берегу Оби; в селении Орский Бор числилось до 60 домов. Следующая остановка была в Колывани, а отсюда уже дорога следовала через деревни Подгорную (в 1 версте от города), Оешское селение (в 5 верстах от города, в нем 104 дома, часовня и этап), деревню Киселеву (в ней 3 дома), селение Малый Оеш (до 30 домов) до Тырышкинского селения. «Тырышкинское селение,— сообщает путник,— разбросано в степи, по обоим берегам реки Чеуса. В нем деревянная часовня, до 70 домов и этап». Затем шло селение Крутые Лога, расположенное в одну улицу, по направлению тракта (до 135 домов, церковь и полуэтап). Также в одну улицу вытянулось вдоль тракта селение Овчинниково, которое имело до 100 домов, «большую частью бедных хижин, покрытых березовою корою». В 17 верстах от него располагалось Сектинское селение («на степи, в одну улицу, по направлению тракта», 125 домов и полуэтап). Следующей станцией была уже Иткульская.

Число деревень и жителей Новосибирского Приобья в первой половине XIX века также продолжало расти, но в основном за счет естественного прироста. Переселенцев извне оказывалось не так много. Причем шли сюда вольные колонисты, имея с собой отпускные билеты и паспорта и оставаясь здесь на постоянное жи-

тельство. По существу, это была нелегальная колонизация края. В результате на территории, принадлежавшей горно-заводскому ведомству, появлялись деревни, населенные государственными крестьянами. Правда, чаще самовольные переселенцы из числа казенных крестьян «разсеивались» по деревням, приписанным к заводам. К середине XIX века в приписных волостях Новосибирского Приобья числилось 613 душ мужского только пола (женщины не учтены) государственных крестьян. Так, в деревне Сурковой жило 14 душ, в Хабаровской — 77, в Ключевской — 60, в Елфиновой — 35, в Корниловой — 34, в Кусковой — 27, в Манойловой — 25. Горно-заводское начальство требовало, чтобы они либо выселялись из округа, либо записывались в число заводских крестьян. Чаще крестьяне предпочитали последнее.

Образование новых деревень в Приобье все же чаще шло за счет отпочкования части населения из уже существующих. Порядок переходов сохранялся прежний: требовалось получить согласие у своей общины на «увольнение» и, если речь шла о переселении в другую деревню, то и согласие последней на «прием» нового жителя; а затем уже вопрос решался барнаульским горным начальством. В указе Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства от 20 марта 1811 года, например, говорилось: «Явясь в сию канцелярию Кайлинской волости деревни Тогучинской крестьянин Ф. Балаганской и представя данные от жителей помянутой Тогучинской и Тальменской волости деревни Усовой на переселение ево, Федора обще с братом Кирилом и отцом Иваном по недостатку в той Тогучинской хлебопахотных земель и сенокосных мест в показанную деревню Усову подписки, в Кайлинском и Тальменском волостных правлениях засвидетельствованные, просит ему... позволить... Приказали, как из представленной... Тогучинской деревни от жителей подписки видно, что в оной по числу тех жителей хлебопахотных и сенокосных мест действительно недостаточно, то посему ему, Балаганскому... в... деревню Усову переселиться позволя, перечислить с начала будущего 1812 года податями и прочими повинностями из Кайлинской в Тальменскую волость». В том же 1811 году получили такое же позволение на переселение крестьяне Л. Колмогоров с детьми из села Гугова

во «вновь заведенную деревню, состоящую при озерах Коневых», Ф. Пахомов с семьей из деревни Пеньковой в Белокуриху, Р. Борцов и М. Тонышев с сыновьями из деревни Агафонихи в ту же деревню Белокуриху, Я. Тараданов с семьей из деревни Изылинской в деревню при Коневых озерах, «где они живут уже другой год и обзавелись домами», Т. Червеву из деревни Осиновки в деревню Мохнатый Лог Бурлинской волости и другие кайлинцы. Но не всегда община соглашалась на переезд.

В широких масштабах продолжались и самовольные переселения крестьян. В сентябре 1811 года Тутальское волостное правление сообщало в Кайлинское: «При сочинении по здешней волости нынешней шестой ревизии оказался самовольно переехавшим из деревни Поперешного Искитима ведомства оной волости в деревню Чертенкову... крестьянин...» «1806 года генваря 30 дня мы, нижеподписавшиеся деревни Агафоновской... дали сей о крестьянине Петре Борцове, что оной поведения худого и напредь сего в наказаниях был... и ныне в жительстве неполезен, почему самовольно переселился в деревню Дергоусову...» — говорится в одном из коллективных «отзывов», представленных в Кайлинское волостное правление. В апреле 1819 года жители деревни Хариной **Легостаевской волости** просили «проживающую в их селении переселившуюся самовольно из деревни Чернодыровой вдову Парасковью Сибирцову, живущую у зятя своего Екима Шахматова, через кого следует приказать обратно переселитца в тое деревню Чернодырову».

О темпах роста населения в приписных волостях можно судить по таким данным: в 1818 году в Бердской волости было 2223 души мужского пола, а в 1850 году 3502; соответственно в Кривошековской волости — 2907 и 4553; в Легостаевской — 2822 и 3350; в Ояшинской — 1114 и 2573; в Чаусской — 2329 и 2942; в Кайлинской — 2367 и 3198. К 1819 году в **Легостаевской волости** существовали деревни: Морозова, Тальменская, Коенская, Верх-Коенская, Чернодырова, Вылкова, Чупина, Изыратская, Кинтерепская, Суседова, Мостовая, Усть-Чемская, Елбашинская, Девкина, Хари́на, Горлова, Белова, Гусельникова, Медвецкая, Ургунская, Шадрина, Евсина, Дорогина Заимка, Новинская, Крутишка, Шипкова, Таскаева, Шипунова,

Детлева, Новосуседова, Койнова и село Легостаево. К середине XIX века появились еще деревни Улыбина, Чупина 2-я, Веснина, Бородавкина, Горевская, Локтева, Верх-Милтюшская, Гилева. Но в Кайлинской волости ни одной новой деревни не появилось. Более того, исчезла деревня Пенькова, в которой в 1824 году имелось всего 2 души мужского пола.

В **Ояшинской волости** к 1850 году существовали села Ояшинское и Болотное, поселы Умревинское и Верх-Елбатское, Умревинский острог, деревни Болтинска, Верх-Болтинска, Воронова, Кунгурова, Поросска, Новопоросска, Мошнина, Ташаринска, Дубровина, Бозойска, Каменская, Бибеева, Чугулинская, Елбатская, Карасева и еще ряд населенных пунктов, ныне числящихся по Томской области. **Бердская волость** включала село Бердское и деревни Луговую, Ельцовку, Сосновку, Мильтюшскую, Наеикову, Бурнистову, Верх-Коенскую, Чернореченскую, Вылкову, Койнову, Шипунову, Столышкову, Хлопунову, Гуселетову, Тулинскую, Бороздину, Атаманову, Завьялову, Морозову, Тальменскую, Коенскую, Детлеву, Горлову, Харину, Елбашинскую, Уробскую. В **Кривошековской волости** зарегистрированы села Кривошековское и Крохалевское и деревни Бугринская, Верткова, Малая Кривошековская, Огурцова, Нижне-Чемская, Верх-Чемская, Тюменева, Верх-Тулинская, Шилова, Пайвина, Кобылий Лог, Казакова, Кочнева, Бунькова, Чиковская, Коткова, Прокудкина, Криводанова, Толмачева, Алексеевская, Ересная, Ельцовская, Усть-Инская, Кривошапкина, Березовая, Барышева, Репьева, Плотникова, Барламская, Орская, Мочищенская, Кубавинская, Локтинская, Каменская, Жеребцова.

В **Чаусской волости** было всего 25 селений: село Чаусское и деревни Подгорная, Мельникова, Скалинская, Анбинская, Орский станец, Тропина, Южина, Паутова, Вьонская, Кандыкова, Малочеремшанская, Белоярская, Тырышкина, Панафидина, Большой Оеш, Малый Оеш, Киселева, Большечеремшанская, Воробьева, Мысовская, Подгорная 2-я, Вахрушева, Грязнушенская, Соколова. **Ординская волость** насчитывала 4883 души мужского пола и включала следующие селения: деревни Ординскую, Вагайцову, Старошарабскую, Новошарабскую, Красноярскую, Понкину, Половинину, Тихонову, Еремину, Яркову, Темнову, Верх-Чиковскую,

Малочиковскую, Федосиху, Поваренскую, Федосову, Поскакунскую, Шагалову, Елбанскую, Кирзийскую, Черемшанскую, Спирину, Луговую, Козинскую, Мало-ирменскую, Верх-Ирменскую, Плотникову, Поперешную, Пичугову, Шляпову, Усть-Алеусскую, Антонову, Козьмину, Верх-Алеусскую, Усть-Ожекино, Средне-Алеусскую, Пушкареву, Филиппову, Рогалеву, Алексеевскую, Быструшинскую, Зырянскую, Сушинскую и Усть-Луковскую, село Ирменское.

В Карасукской волости проживало 3565 душ мужского пола. В 1850 году сюда входили село Карасукское, деревни Землянушинская, при озере Половинном и при озере Богатском, Топольная, при озере Хорошем, Чуманская, Грамотина, Зубкова, Нестерова, Чернокуринская, Шиловой курьи, при озере Богане, Нижне-Черемолино, Локтева, Боганинская, Любина, Коневы озера, Полойская, при озере Казанаке, Верх-Урюмское, при озере Урюме, Барлакульское, Бочкарева, Таскаева, Сарабалытская, Горносталева, Чулымская, Аткульская, Кундранская, Ярковская, Усть-Суминская, Суминская, Индерская, Согорная, Травны Озера, Мохнатый Лог, Чернаково, Довольное, Утичья, Суздальское. К середине XIX века существовали также относящиеся к Бурлинской волости деревни Кочковская, Решетова, Жуланская. Волость включала еще селения Крутищинское, Заковряшино, Верх-Суетинское, Маслянинское, Кобылино, Волчанско, Волчье-Бурлинское, Прыганское, Высокая Грива, Подойниково, Панкрушинское, Березово, при озере Кривом, Курьинское, Зыково, Велижанское, Луковское, Лешачьи Озера, Букреев Плес, Коневы. Позднее основная часть бурлинских деревень оказалась в Алтайском крае.

Заселение русскими бассейна Карасука в первой половине XIX века активизировалось. «Карасук,— пишет Н. М. Ядринцев,— долго оставался пустынным. По карте 1848 года видно, что при реке были небольшие крестьянские поселки, а окружающая местность была покрыта звероловными избушками. Миддендорф нашел селение старожилов в Кочках в 20 домов, имеющих в своем распоряжении до 20 верст земли в одну и другую сторону. Ныне (семидесятые годы XIX века.— Н. М.) мы нашли на пустынном Карасуке заметное оживление. Как бы по инстинкту, чуя прекрасные места, переселенцы из России начали гнездиться по нем...»

«Местность эта,— продолжает Ядринцев,— тем замечательна, что... носит на себе живые следы нескольких фазисов сибирской истории. В самом деле, вы видите еще здесь памятники звероловного быта, в виде звероловных избушек, не стертые еще на карте 1848 года, но на самом деле давно сменившиеся заимками и деревнями старожилов... После звероловного периода русское население Карасука пережило период земледельческий, наконец, промышленный; тракт на Каинск вызвал здесь ямщицкий промысел и торговлю лесом из соседних боров. Мы жили у крестьянина-старика, который помнил охотничий быт и время звероловства, ныне земледельца и промышленника лесом; в избе его были все атрибуты пережитого, и старая винтовка чередовалась с сохой и кнутом... В Кочках видна борьба между старожилами и новоселами...» Шло смещение населения из северо-западных районов в бассейны Бурлы и Алеуса. Однако основную работу по освоению юга Барабинской лесостепи и Кулунды предстояло выполнить потомкам.

Перечисление всех деревень, которые существовали на территории Новосибирского Приобья к середине XIX века, займет много места. Важно отметить, что успехи в русской колонизации этих районов ко времени крестьянской реформы и падения крепостничества были весьма заметными. П. И. Небольсин, который проезжал здесь в 1849 году по пути в Барнаул, заметил, что «постройки крестьянские прочны, обширны, выстроены улицами, с площадками на перекрестках; только в самых глухих местах, в стороне от дороги, некоторые селения и здесь, как в Тобольской губернии, представляют род лабиринтов, из которых самому путнику трудно выбраться на большую дорогу. Подобные селения были выстроены когда-то, давным-давно... без всякой заботливости о прямизне улиц, которых здесь и нет, а есть только какие-то закоулки, или извороты, между отдельными хозяйствами, обнесенными оградой. Средину этой неправильной ограды занимает жилой дом; в одной его половине живут хозяева, а в другой зимой «морят тараканов»; в углу ограды теснятся амбары; где-нибудь в стороне торчит баня с фантастическою печью-каменкой; вблизи отсюда два-три деревца; там раскинуты хлева и конюшни — все на огромном дворе разметано в разные стороны и все без

малейшего порядка. Соседские ограды в ином месте соприкасаются друг к другу очень близко, так что двум пустым телегам не разъехаться, а в ином месте они расходятся до того, что в промежутке их целая дюжина возов легко может уместиться в один ряд».

В местных деревнях были крепки родственные связи, и это придавало прочность и авторитет деревенской общине. Община осуществляла контроль за хозяйственной деятельностью хлебопашцев, следила за порядком в селениях, опекала крестьянскую семью, ведала вопросами суда и расправы. На выборную общинную администрацию власти возлагали также обязанность обеспечивать своевременное выполнение крестьянами феодальных повинностей. Так, в 1816 году земский управитель предписывал старшинам деревень Легостаевской волости «первое — стараться о государственном сборе и заводских работах без упущения». Община занималась раскладкой податей и повинностей по семействам, причем по большей части делала это с учетом состоятельности хозяйств, чтобы не допустить их разорения. Однако в ряде случаев используя общинные институты, зажиточные крестьяне порывали с традицией внутримирской взаимоподдержки — традиция отступала, не выдержав натиска частнособственнических тенденций. Более единодушно действовала община при защите интересов крестьянства от нажима феодального государства, охране общинного земельного фонда, поддержании «согласия» в деревенской семейной жизни, организации сельского досуга.

ЗА ЛУЧШУЮ ДОЛЮ

В первой половине XIX века наблюдалось обострение социальных противоречий и классовой борьбы на всей территории Российского государства, в том числе и в Сибири. Местные крестьяне и мастеровые активно практиковали такие формы борьбы за лучшую долю, как побеги, подачу коллективных жалоб и прошений, отказ от выполнения повинностей. Возрастает интенсивность открытых массовых выступлений крестьянства. В частности, в 1813 году происходит «возмущение» приписных хлебопашцев Чаусской волости.

Имел значение тот факт, что предшествующий год

оказался неурожайным; были обречены на голод сотни семейств. Уже с осени 1812 года жители Ояшинской волости начали употреблять в пищу хлеб с примесью глины. В других местах крестьяне пекли хлеб из смеси муки и «изтрухлого», «талого и березового дерева», объясняя любопытным чиновникам, что «такой хлеб бывал пищею и в России во время голодных лет». Вообще говоря, в волостях имелись общественные запасные магазины, фонд которых образовался за счет ежегодных натуральных взносов крестьян; создавались эти магазины как раз на случай голодных лет. Однако представитель горно-заводского начальства отказывался выдать хлебную ссуду голодающим из запасных магазинов.

Тем временем один из сельских старшин Чаусской волости, Д. Лунегов, ездивший по своим делам в начале 1813 года в губернский город Томск, узнал там, что якобы его волость «назад тому третий год» отчислена от заводов. Чаусский волостной голова И. Бирюлин, которому Лунегов передал содержание томских слухов, немедленно созвал сход сельских старшин, и они с общего согласия решили составить прошение о подаче прошения томскому губернатору. В прошении шла речь о хлебной ссуде из магазинов. Ходоками избрали Д. Лунегова и П. Чусовлянова, уполномочив их «подать в случае надобности прошение и на высочайшее имя». За помощью в составлении прошения крестьяне обратились к бывшему земскому управителю Беликову, который жил в отставке в селе Чаусском. Беликов поддержал планы хлебопашцев. «Сами вы должны понять,— говорил он,— когда прежде вы состояли под заводами, то и пачпорты получали из Канцелярии, а ныне таковые получаете из губернии». Эти слова еще более укрепили крестьян в надежде, что теперь они не приписные, а казенные.

Лунегов и Чусовлянов отправились в Томск и подали прошение губернатору, который, однако, переслал жалобу чауссцев начальнику алтайских заводов Е. И. Элерсу. От Канцелярии горного начальства в Чаусскую волость немедленно был отправлен чиновник Морхинин. Между тем крестьяне во главе с вернувшимся из Томска волостным головой решили составить новое прошение на имя губернатора; в этом прошении говорилось уже об «обществу наносимых бывшим (после Беликова) земским управителем Богдановым обидах и притеснениях, а со стороны заводского

начальства отягощениях в заводской работе» и «усильном» вывозе из крестьянских магазинов хлеба для продовольствия мастеровых. Текст прошения подготовили вожаки заранее, а 27 апреля на сходке в волостном правлении, где присутствовало немалое число крестьян, обсудили его и собрали подписи под ним. Один из всего «общества» З. Бадашков, которого, как показывал он позднее на следствии, остальные пытались склонить «в неудовольствии против начальства к неизвестно какой подписке», предпочел остаться в стороне, за что односельчанин Р. Горбунов и обозвал его «вором».

С новым прошением в Томск отправился ходок Мингалеев, причем по пути он склонял жителей Ояшинской и Варюхинской волостей к совместным действиям против горно-заводского начальства. Губернатор отослал его в Барнаул. Все это время крестьяне Чаусской, а затем и соседних с ней волостей отказывались выходить на заводские работы, несмотря на уступки властей, позволивших уже брать, кому нужно, зерно из запасных магазинов. Морхинин вытребовал из Барнаула военную команду, а затем, собрав крестьян на сходку, предложил им сменить всех волостных и сельских старшин и выбрать вместо них новых. Крестьяне ответили отказом. Тогда Морхинин арестовал 29 «зачинщиков» (в том числе прежнее мирское начальство) и отправил их «за караулом» в горно-заводскую канцелярию. Беликов также был арестован и просидел вместе с другими в барнаульской тюрьме года полтора — до «милостиваго» манифеста от 30 августа 1814 года. После арестов Морхину удалось выбрать, вернее, назначить новых мирских начальников. В частности, головой стал З. Бадашков, предатель общих интересов. Волнения в волости продолжались. В подкрепление Морхину, определенному в Чаусок земским управителем, из Томска направили еще роту солдат, но с дороги ее воротили, так как пришло известие, что чаусские крестьяне стали выходить на заводские работы.

Не приходится, однако, говорить о полном смирении хлебопашцев. Не случайно, заключая в декабре 1814 года договор с «обществом» Чаусской волости о «исправлении» при нем «писарской должности», тутальский житель Б. Бжицков специально оговорил в тексте: «Буде в течении того года здешней волости крестьяне против своего вышняго начальства открывать бу-

дут в неповиновении... то уже совершенно в той писарской должности быть я при оных несогласен, а приискивать им друга...» В мае 1815 года обнаружилось «неповиновение» крестьян в деревне Белоярской Чаусской волости, которое было вызвано попыткой властей «понудить» их «в рубку при Сузунском заводе дров».

Через 4 года жители четырех волостей: Чаусской, Ояшинской, Тутальской и Варюхинской, по инициативе чаусцев, подали коллективное прошение на имя генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского, в котором, «описав излишние на них налоги и отягощения в заводских работах и податях, просили в том себе облегчения». Было проведено «изследование» обстоятельств дела, причем производили его сами горно-заводские чиновники; как и ожидалось, они пришли к заключению, что «состояние показанных крестьян» не является «бедственным», следовательно, подано «такое прошение несправедливо». Приписным хлебопашцам было строго «подтверждено», чтобы впредь они «не осмеливались заводить несправедливых дел».

Одновременно крестьяне стойко, хотя и не всегда успешно, отражали атаки властей на общинное самоуправление. Если при этом имелись дополнительные мотивы протеста — стремление ограничить произвол чиновников в фискально-податной сфере, противостоять грабежу и вымогательствам с их стороны, — события приобретали особый размах и, случалось, завершались открытым вооруженным столкновением сторон. Единодушие в действиях общинников не всегда в подобных выступлениях было результатом доброй воли; «мир» мог и заставить отдельных крестьян быть заодно с коллективом. Так, в частности, произошло в 1819 году в Бурлинской волости. Старшины этой волости подали в Канцелярию горного начальства приговор о досрочном «удалении» от должности волостного головы О. Долганова — предлагалось заменить его избранным вновь «обществом» жителем деревни Решетовой (ныне деревня Решеты Кочковскаго района, — Н. М.) Г. Барышевым. Причин выдвигалось несколько: во-первых, как выяснилось, Долганов в 1817 году «заклучался по делу в пристанодержательстве беглых посельщиков»; во-вторых, он «есть человек вздорной и при первом случае заводной», имеет «со старостою Скворцовым ежедневныя ссоры, чрез что делает обществу излишния отягощения».

Для производства следствия по делу в Бурлинскую

волость были направлены сначала губернский секретарь Сюдюков, а затем член Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства маркшейдер Богданов. Расследование установило, что кандидатура Барышева впервые была выдвинута крестьянами еще в ноябре 1818 года, когда на волостной сходке решался вопрос о преемнике отслужившего положенный двухгодичный срок головы Малетина. Но поскольку сходу полагалось назвать двух возможных претендентов на должность головы, приговоры «постановили» тогда и на Барышева, и на Долганова. В конце декабря 1818 года в волость ожидался управитель Фитцнер, которому предстояло сделать окончательный выбор. Барышев к моменту прибытия управителя самовольно уехал в свою деревню, продемонстрировав этим свое неуважение к представителю горно-заводской администрации. Застав в волостном правлении одного Долганова, управитель и утвердил его «к должности» головы. По приводе к присяге Долганов «заялся отправлением возложенной на его обязанности обще со старостою Трофимом Скворцовым».

12 января в волостное правление собрались сельские старшины — представители всех деревень, которые прежде всего решили вопрос о вознаграждении голове за службу. Уже при обсуждении второго вопроса произошел конфликт между новым головой и старшинами. Старшины потребовали, чтобы Долганов взыскал с бывшего головы Е. Малетина мирские деньги — 780 руб., на которые он бы нанял затем «к исправлению в волостном правлении дел писаря». Однако Долганов предложил старшинам с этим делом обратиться к управителю и, со своей стороны, «понуждал» их «к неременному выполнению» подведомственными им крестьянами задолженности по заводским отработкам: волости полагалось отработать за прошлые годы за 2343 души. Голова отказался выслушивать какие-либо «отговорки» старшин по поводу заводских повинностей. Кроме того, «замеча некоторых из них в слабости, в неявке к нему по повескам на срок, отчего имелась по делам остановка», Долганов решил для примера наказать двух старшин — С. Мезенцева и Ф. Бутакова. Первого он заставил «разбрасывать при волостном правлении снег для удобного во оное проходу», а второго вознамерился подвергнуть битью палками.

Старшины, «почтя строгим» уже первое распоряже-

ние головы о заводских отработках, теперь окончательно возмутились. Когда, по выходе из волостного правления, они начали «разсуждать» о случившемся, П. Гуляев и О. Коновалов вспомнили, что в прошлом Долганов привлекался к следствию «по оговору в пристанодержательстве разбойников Виткевича с товарищи» и в получении «из числа ими пограбленного разных вещей». Тотчас же старшиной деревни Волчихи Ф. Гвоздевым была подана мысль «по означенным обстоятельствам» поставить на сходке вопрос о замене головы. Остальные выразили на это согласие.

П. Гуляев и О. Коновалов разослали по селениям сотников «за сбором» людей на сход. Возвратившись в волостное правление, они стали допрашивать голову, «почему находится он в управлении той должности». Выслушав ответ головы, старшины «предположили вообще все, чтоб ево, Долганова... во избежание притеснения непременно переменить». Долганов донес обо всем Фитцнеру. Управитель прислал распоряжение: Долганова оставить на его должности, а старшину П. Гуляева, названного головой зачинщиком «смуты», «как человека беспокойнаго», «удалить из собрания общественного». Но находившиеся в правлении старшины отказались выполнить этот приказ.

Долганов заставил писаря Малышева писать новый рапорт управителю, но, «как только сей оным занялся», волостной староста Т. Скворцов «подошел к Долганову с озартом, взял ево левой рукой за ворот, а другой Малышева за рукав, спросил голову: «Что пишешь?» Услышав в ответ от головы: «В обиде себя управителю донесение, до чего дела тебе нисколько нет и знать того не нужно», Скворцов, «привязавшись к сему, сказал, что, когда мне дела нет, я пойду вон, ты мне от должности отказываешь, и с тем вышед к старшинам... повторяю им те слова, сказал еще и то, что он служить с ним, Долгановым, не хочет». На следующий день, когда старшины собрались снова в волостном правлении, Гуляев, увидев за столом Долганова, заявил ему: «Ты еще здесь! Убирайся вон, нам тебя не надобно и служить тебе ни в чем не будем!» Голова решил обратиться вновь за содействием к управителю, который прислал предписание, «дабы Долганов был допущен к должности». Тем временем старшины составили приговор о замене Долганова и отправили его с Гуляевым и Коноваловым в Барнаул. Возвратясь в волость, Конова-

лов в правлении «при пяти свидетелях» Долганова об-
зывал порочным, негодным, наказанным и бывшим
неоднократно под судом, отданным на поручительство
и для их (крестьян.— Н. М.) неугодным».

Губернский секретарь Сюдюков, первым из сле-
дователей приехавший в Бурлинскую волость, сразу же
занялся выяснением обстоятельств дела. Сельские
старшины, «по действию Гуляева и Коновалова, выб-
рав головою крестьянина Барышева и собравшись к
квартире того Сюдюкова, кричали, чтобы утвердить
его, Барышева, головою». Следует отметить, что к
этому времени отдельные старшины, в частности
И. Ощепков, В. Заковряшин, отошли от общества, но
в силу «принуждения» и «устраивания» со стороны
других, вынуждены были действовать с ними заодно.

«Бунт» был подавлен. «Начинщиков» «сему разст-
ройству» — П. Гуляева, Ф. Гвоздева, О. Коновалова, а
также их «сообщников» Д. Усольцева и И. Головина
приговорили к телесному наказанию. Старосту Сквор-
цова и остальных старшин, а также Г. Барышева пове-
левалось оштрафовать на разные суммы. Указ с изло-
жением обстоятельств событий и приговора Канцеля-
рии предписывалось «распубликовать» во всех селе-
ниях Колывано-Воскресенского горного округа.

Однако строгие меры и предупреждения властей не
могли заставить крестьян отказаться от мнения, что вы-
бор и смена мирских начальников есть неотъемлемое
право общины. Оказавшихся неугодными «миру» ста-
рост и волостных голов убирали под благовидными
предлогами: болезни или «неспособности». Так, в том
же 1819 году крестьяне одной из волостей «в общем
собрании» вынудили голову М. Окаракова признать,
что свои обязанности он «по неимению дарований и
смысла исполнять впредь находит себя не в состоя-
нии» и подать просьбу об отставке. В приговоре, пред-
ставленном в Канцелярию горного начальства, общин-
ники сообщили, что они уже избрали на его место дру-
гого крестьянина.

Волнения время от времени охватывали и государст-
венных крестьян. В 1824 году озеро Чаны, в котором
окрестные жители свободно ловили рыбу, было объяв-
лено «казенной оброчной статьей». Крестьян обяза-
но вносить ежегодный оброк за пользование им. Упорное
сопротивление крестьян заставило правительство в ап-
реле 1826 года разрешить свободный лов рыбы в озе-

рах. Новый подъем классовой борьбы в крае отмечен в 1830—1831 годах. В связи с передачей алтайских заводов из ведения царского Кабинета в министерство финансов. Этот перевод ничего не изменял в повинностях приписных крестьян и в их положении. Но крестьяне решили, что теперь они освобождены от заводских работ.

В частности, отказалась выйти на заводские работы Ояшинская волость. Хлебопашцы заявили, что они «сделались государственными крестьянами и не обязаны более исправлять заводских работ». Волнения в волости начались еще в двадцатых годах. Функция вожака движения здесь принял на себя крестьянин Н. Вершинин. Он неоднократно организовывал подачу губернским властям коллективных челобитных—с просьбой об отписке крестьян от заводов. В 1827 году Вершинин ходатайствовал о том же перед сенаторами, присланными из Петербурга для ревизии деятельности сибирских властей. Не добившись успеха, народный вожак решил объединить в борьбе с эксплуататорами усилия всей массы приписного крестьянства. Как сообщалось в одном из документов, Никифор, «разъезжая по волостям Колыванского и Кузнецкого округов, внушал» жителям, чтобы они не выходили на заводские работы, и брал от них в том письменные обязательства. В 1831 г. начальство схватило ояшинского бунтаря, и после допросов в Томске он был подвергнут жестокому наказанию плетьюми и сослан в «отдаленную часть» Иркутской губернии. «Но он,—вынуждено было признать губернское начальство,—успел уже поселить мысль и между крестьян своей волости относительно освобождения их от заводских работ, уверив их, что у него есть даже о сем копия с указа, и оставив в каждой деревне по несколько своих единомышленников».

Посеянные Н. Вершининым зерна протеста дали свои всходы—его дело продолжили Н. Кинев, М. Вершинин, Ф. Боянов, П. Немиров. Еще в то время, когда судили Н. Вершинина, «приверженцы его», собравшись в с. Ярском, составили на имя томского губернатора прошение об освобождении их вожака, а также об «увольнении» всех ояшинцев от заводских работ. На сходе уверенность крестьян в «отписке» их от заводов подкрепилась сообщением Д. Березовского о том, что «они и в выдаваемых Томским окружным казначейством пачпортах именуются государственными крестья-

нами». В подтверждение этого Д. Березовский «представил один таковой пачпорт», принадлежавший его однофамильцу В. Березовскому. Впоследствии выяснилось, что, действительно, окружной казначей Зверев по ошибке выдал нескольким приписным хлебопашцам увольнительные паспорта, в которых они именовались казенными крестьянами.

Пока прошение ояшинцев рассматривалось в губернском центре, наступило время раскладки заводских работ. Ояшинское волостное правление по заведенному порядку собрало выбранных деревенскими «обществами» раскладчиков и нескольких старшин, которые, по уверению головы, и «разположили работы безпрекословно», и «приложили к раскладам» свои печати. Когда об этом стало известно старшине с. Ярского Н. Киневу, опоздавшему «к расположению» отработок, он, сдав в волостное правление деньги, собранные с крестьян в счет казенных податей, немедленно возвратился домой. Призвав односельчан на сход, объявил им, что якобы «сам вычитал указ горного правления, в коем сказано, чтобы работы», ранее выполнявшиеся приписными крестьянами, разложить на «вольных охотников». Сход постановил не признавать сделанного в волости «расположения» отработок. Об этом решении Кинев известил жителей соседней деревни Вершининой, которые поручили М. Вершинину составить и от их имени аналогичный приговор. Вслед за тем Н. Кинев отправился в деревню Варюхинскую, захватив с собой приговор вершининцев. «Здесь привезенный им приговор,—сообщало окружное начальство губернатору,—принят был немедленно прежде уже наклоненным от него старшиною и целым обществом». Текст приговора об отказе от выполнения учиненного в волостном центре расклада заводских отработок Кинев «для образца» отправил к старшине деревни Кожевниковой П. Немирову, который, как констатировалось в донесении начальства, «не только принял оный, но и преклонил к составлению подобного же приговора старшину села Заледеева Федора Боянова. В сих двух старшинах Кинев нашел самых ревностных себе помощников. Боянов успел преклонить старшин деревень Болотинской и Елбатской и вместе с Немировым отправился в деревню Проскокову, где при помощи старшины Свиридова и прибывшего туда же Кинева они возмутили все общество» волости. Старшины всех

ояшинских деревень по «подговору» Кинева и его помощников явились в волостной центр и заявили о своем неповиновении начальству, Крестьяне не хотели и слушать об исполнении заводских работ. «Поступки Нестера Кинева», по утверждению губернатора, послужили «непосредственным поводом к неустройству в Ояшинской волости». Причем успеху его действий в большой степени способствовала поддержка со стороны М. Вершинина, пользовавшегося, как писал томский губернатор в рапорте на имя генерал-губернатора, «большою доверенностью по целой волости». М. Вершинин также убеждал крестьян «не соглашаться на исполнение заводских работ и, тем dokonчив предприятие Кинева, довел замыслы крестьян до явного неповиновения». Из Ояшинской волости, по данным начальства «вредныя внушения» стали проникать в другие — «соседственные» с ней волости. Возмущение крестьян встревожило томского губернатора, который сам отправился в село Ояшинское и попытался уговорить участников волнений отказаться от дальнейшей борьбы. Желаемого результата, однако, не последовало, и тогда против непокорных двинули карательные войска. Крестьяне отважились вступить с ними в неравную схватку, но были побеждены. Главных «возмутителей» арестовали и отправили под конвоем в Томск, а «другие, наиболее упорствующие», участники возмущения оказались на месте подвергнуты «полицейскому наказанию» — порке.

Выступления крестьян на территории Новосибирского Приобья и Барабы вливались в общий поток классовой борьбы в стране. Они имели, несомненно, прогрессивное значение, так как подрывали основы феодально-крепостнической системы, прокладывали путь более прогрессивным капиталистическим отношениям. Эту борьбу продолжили в дальнейшем потомки «бунтарей» XVIII — первой половины XIX века.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Под «высокую руку» Москвы	
Разгром ханства Кучума	6
Посланы «на береженье»	14
Новоселы	
Первые остроги	21
Пахари и бунтари	40
Мирные десятилетия	
В поисках уютих мест	55
Сузунский завод	71
Переименован в город	85
Продолжат потомки	
Соседи и родственники	93
За лучшую долю	108

**Нина Адамовна
Миненко**

**ПО СТАРОМУ
МОСКОВСКОМУ ТРАКТУ**

Редактор И. И. Кванская
Художник А. Н. Медведев
Художественный редактор В. П. Минко
Технический редактор Н. Т. Федорова
Корректор В. В. Туркевич
ИБ № 1808

Сдано в набор 27.06.85. Подписано в печать
27.11.85. МН00592. Формат 84×108/32. Бум.
тип. № 3. Гарнитура литературная. Высокая пе-
чать. Усл. печ. л. 6,30. Усл. кр.-отт. 6,62. Уч.-изд.
л. 6,39. Тираж 9000 экз. Заказ № 62. Цена 20 к.
Новосибирское книжное издательство, 630099,
Новосибирск, Красный проспект, 32.
Полиграфкомбинат, 630007, Новосибирск, Красный
проспект, 22.

Миненко Н. А.
М61 * По старому Московскому тракту.— Новосибирск:
Новосибирское книжное издательство, 1986.
120 с., ил.

Автор, ученый-сибиревед и популяризатор, рассказывает о пер-
вых русских поселениях на территории Новосибирской области.

М 1905040000—016 90—86
143(03)—86

ББК 63.3(2Р5)

20 коп.